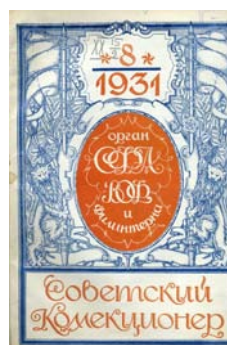

Сборник оцифрованных статей из журнала «Советский филателист/Советский коллекционер» за 1922 - 1932 годы

Версия 01.001

**Статьи из журнала
«Советский филателист/Советский коллекционер» 1922 - 1932 годы**

Содержание:

				Стр.
1	Наши Задачи (вместо декларации)	1922 год	сентябрь	4
2	Филателия и дети	1922 год	октябрь	6
3	От редакции. Фальсификаты	1923 год	январь/февраль	9
4	О задачах филателии в СССР	1923 год	январь/февраль	10
5	Коллекционирование и этика	1923 год	март/апрель	13
6	Ossuration Azerbaidjan	1923 год	март/апрель	16
7	Дело марочных фальсификаторов	1924 год	май	19
8	Фальсификаторы перед судом. Впечатление	1924 год	май	23
9	Дело марочных фальсификаторов. Окончание	1924 год	май	26
10	Тифлисская городская почтовая марка	1924 год	июль	29
11	О старинных японских марках	1924 год	ноябрь/декабрь	31
12	Что и как собирать. Платформа Златоустовского кружка юных филателистов.	1925 год	март	33
13	Марки на конвертах	1925 год	май	35
14	По поводу платформы златоустовцев	1925 год	май	37
15	Долой патологию!	1925 год	май	38
16	Новости в подделках	1925 год	июль	39
17	Одноглавый орел с серпом и молотом	1925 год	август	41
18	К статье «Марки на конвертах»	1925 год	август	43
19	К статье «По поводу Златоустовской платформы. Что и как собирать»	1925 год	август	44
20	В защиту Златоустовской платформы	1925 год	октябрь	47
21	Златоустовская платформа и молодежь	1925 год	ноябрь	49
22	Чем занимаются в «культурной» Европе	1926 год	март	50

23	Марки гашенные и не гашенные	1926 год	март	52
24	Новые подделки	1927 год	февраль	55
25	Выставка в Страсбурге	1927 год	август	57
26	Наука на службе филателии	1928 год	январь	59
27	Забытая филателистическая уника	1929 год	январь	64
28	Будущность филателии	1929 год	июль/сентябрь	71
29	Поставим на ноги	1930 год	январь	73
30	Марка как произведение искусства	1930 год	октябрь	77
31	Подделка марок и способы ее экспертизы	1930 год	июнь	81
32	О новой первой марке России	1930 год	ноябрь	86
33	Парижская коммуна и коллекционирование	1931 год	март	89
34	Марки дирижаблестроения	1931 год	апрель	91
35	Подделка марок и способы её экспертизы. Окончание	1931 год	апрель	94
36	Почтовая гоньба в России	1932 год	январь	101
37	Ко всем сотрудникам журнала «Советский коллекционер»	1932 год	январь	109
38	Подделки марок	1932 год	февраль	111

Наши Задачи (вместо декларации)

Филателия никогда не была в фаворе у нас в России вследствие отсталости и общей некультурности большинства населения. При царском режиме до последней империалистической войны она не пользовалась широким распространением, как это мы видим в Европе и Америке. Достаточно сказать, что сегодня до сих пор мы почти не встречали каталогов марок на русском языке, не говоря уже о других серьезных научных исследований по филателии.

Этот факт делал ее совершенно недоступной русскому рабочему и крестьянину, не знавшим даже простой грамоты на родном языке. Филателией занимались цари (Александр III и Николай II), помещики, бароны, приезжие иностранцы, интеллигенты, - вернувшиеся из эмиграции и отправившиеся ныне в иностранное подданство, а так же чиновники почтово-телеграфного ведомства и дети.

Да это и понятно. Для большинства трудящегося населения старая царская Россия была мачехой, и оно думало лишь том - как бы поскорее сбросить с себя сковавшие его цепи политического рабства и духовного порабощения. Тут, началась война, навязанная народу против его воли. За ней последовала революция, свергнувшая царское самодержавие и поставившая на несколько месяцев у власти буржуазию и социал-соглашателей, начавших новую гражданскую войну с восставшим народом при помощи интервенции и иностранного золота. И только через восемь лет непрерывной вооруженной борьбы с внешними и внутренними врагами русскому народу удалось, наконец, приступить к мирной хозяйственной, культурной и научной работе.

За эти долгие восемь лет непрерывной вооруженной борьбы, стихийного голода и небывалых эпидемий, требовавших величайшего напряжения воли и сил со стороны трудящихся классов русского народа - крестьянства и пролетариата, и в следствии искусственно созданной изоляции России от всего остального мира - у русских людей просто не было ни времени, ни желания, ни возможности заниматься филателией. Проявляемый же интеллигентными и не интеллигентными торгашами интерес к филателии в России не шел дальше спекуляции на народном невежестве и личной наживы.

Война и неразрывно связанная с ней разруха надорвали не только государственный хозяйственный организм и подточили производительные силы населения, но весьма заметно потрепали и его культурные и художественные ценности. Государственная филателистическая коллекция за этот период не только приостановилась в своем росте, но и потеряла часть своих запасов, ибо, пользуясь всеобщей суматохой - к ним приложили свои руки разные мародеры революции и ее услужливые, но неумные друзья.

Игнорируемая и загнанная в собачий закуток спекуляции, кустарничества и индивидуального прокорма, в лучшем случае - игра и забава для детей, непонятное пустое и никчемное занятие для взрослых - только теперь впервые при Советской Власти филателия начинает понемногу завоевывать себе право на существование и внимание самых широких слоев населения РСФСР, призванная помогать в борьбе с голодом, физическим и моральным вырождением, особенно молодых поколений, цвета и надежды человечества.

Пройдя ряд мытарств, оскорблений и унижений, и периоды социальных бурь, и тревожных, перенеся адские страдания и муки вместе со всем русским народом, терзаемым своими и чужими насильниками - филателия становится свободной и признанной наукой при Диктатуре Пролетариата, получает законодательную санкцию служить голодным и улучшению жизни детей и материальном, образовательном и воспитательном отношении и создает свой журнал «Советский филателист» в качестве официального общественного, научно популярного и литературного органа Уполномоченного Ц.К. Помгол при ВЦИК по марочным пожертвованиям в России и за границей.

Исходя из вышеизложенного, мы можем определить себе задачи нашего журнала, кратко сформулировав их следующим образом:

1. Очищение филателии от нездорового наносного спекулятивного элемента, личной наживы коллекционеров-коммерсантов, филателистов – торговцев, спекулянтов - чиновников, фальсификаторов - мародеров и просто проходимцев - невежд и постепенное, - по мере наших скромных сил и возможностей - возведение ее на степень самостоятельной науки.

2. Посильная разработка и освещение отдельных проблем этой молодой кандидатки в науки. Широкая популяризация и пропаганда филателистических идей, и выяснение прикладного ее значения в научном, педагогическом и экономическом отношении.

3. Использование филателии - как средства пропаганды идей Великой Революции и приобщение РСФСР в филателистическом отношении к наиболее передовым буржуазным странам Европы и Америки.

4. Организации русских филателистов вокруг нашего журнала и удовлетворение потребности идейных филателистов-коллекционеров.

5. Всемирное содействие проведению в жизнь строгой монополии во внешней торговле материалами и принадлежностями филателии исключительно в целях улучшения жизни детей и борьбы с физическим и духовным голодом населения, а равно наблюдение за доброкачественностью ввозимого и вывозимого из РСФСР филателистического товара.

Редакция журнала «Советский филателист»

1922 год
№ 1 за сентябрь
страницы 1 - 2

Филателия и дети.

Месяц тому назад - в первом номере нашего журнала - мы указали, что в число задач «Советского Филателиста», между прочим, входит всемерное содействие идейным филателистам-коллекционерам, установление строгой государственной монополии на филателистическую торговлю и беспощадную борьбу со спекуляцией и фальсификацией **исключительно** в целях улучшения жизни детей и борьбы с физическим и духовным голодом населения.

В настоящее время мы уже можем констатировать некоторые успехи и завоевания в этом отношении. Только что опубликованное постановление по филателии ВЦИК и СНК от 21 сентября сего года в отмену всех прежних противоречащих ему решений и распоряжений дает твердую опору в наши руки и окончательно выясняет положение, обеспечивая возможность сконцентрировать в одних руках все филателистические запасы госорганов и закрепляя за нами монопольное - «исключительное» - право торговли.

Ст. 136 Уголовного Кодекса РСФСР карает принудительными работами или лишением свободы на срок не ниже шести месяцев за нарушение положений, регулирующих проведение в жизнь государственных монополий. В ваших руках это отныне будет достаточно веским аргументом к тому, чтобы отбить окончательно охоту - у всех, не в меру увлекающихся новой экономической политикой в области филателии.

Далее новое постановление обоих наших высших законодательных органов приоткрывает несколько клапан и устанавливает легальные формы для всех филателистов-коллекционеров, жаждущих вести обмен с заграницей единичными экземплярами марок для своих индивидуальных коллекций, установлен с этой целью специальный сбор и разрешая нам выпуск специальных марок, для наклейки их на почтовые отправления с филателистическими вложениями при обмене с заграницей.

Наконец, оставаясь верными поставленным перед нами задачам и, по возможности, охраняя интересы коллекционеров-филателистов, падких до всякого рода новинок, мы продолжаем неустанно разоблачать филателистам-кудесников и ученых-мистификаторов, терроризирующих своей ученостью и своим мнимым знанием и весом малоопытных юношей и робких людей из среды филателистов.

Устроенный нами первый в русской истории «День Филателии», по свидетельству многочисленных его участников внес живую струю в застоявшееся филателистическое болото и всколыхнул вновь в массах жгучий интерес к филателии. В настоящее время нами выписаны и скоро придут из-за границы в большом сравнительно количестве разные филателистические принадлежности и специальная литература, которые поступят в продажу в первую очередь подписчикам нашего журнала.

Все это делается нами с единственной исключительной целью охраны и соблюдения интересов государства в области филателии развития и поощрения её самой, как прикладной науки, улучшения жизни детей и борьбы с физическим и духовным голодом населения. Последний далеко ещё не ликвидирован и его последствия будут сказываться в будущем целые годы.

Борьба с детской беспризорностью, преступностью и невежеством в данное время нужна у нас больше, чем у кого бы то и когда бы то ни было, и на ней должны быть сосредоточены все лучшие силы; на это дело должно быть брошено возможно большее количество средств, и не только потому, что дети - цветы человечества, наша надежда на будущее, а и потому, что именно им труднее всего живется в наше жестокое время.

У многих из них война, затем революция и голод отняли единственную опору — родителей, бросив на произвол судьбы на улицу — заниматься проституцией с малых лет или торговать папиросами. Да и те из детей, родители у которых остались живы, остаются на произвол судьбы, так как последние настолько перегружены, обычно, бывают работой, что им не до воспитания и образования своих детей.

Истощённому войной, надорванному благодаря разрухе и блокаде хозяйством, государству ни под силу прокормить, содержать и обучить, всю эту ораву, да и нецелесообразно было бы трудовому государству, при данных тяжёлых условиях, заниматься одной голой филателией, воспитывая, таким образом, из молодых поколений, люмпен-пролетариат и не приспособленную к жизни богему.

У нас учащие часто выдумывают трудную школу и сочиняют разные заковыристые программы и наглядные методы обучения, а научить детей работать в процесса самой работы воспитывать и образовывать себя - до этого редко кто додумывается. Между тем - это так просто, элементарно. Стоит лишь почаще забывать себя, побольше наблюдать за детьми и не пресекать, а поощрять и развивать, уметь использовать в воспитательных и образовательных целях, существующие почти у всех детей трудовые навыки и способности.

В самом деле, - вспомните-ка, - кто из нас уже в раннем детстве не увлекался тем или иным видом коллекционирования? Собирал спичечные коробки, бумажки от конфет. банки из под консервов, цветные лоскутки, пуговицы, катушки из под ниток, коробочки из под папирос, камешки, разные ярлычки, рисунки, марки, деньги и тому подобное. И каких только чудесных вещей нами не делалось из всех этих материалов. А отношение взрослых? а наше отношение ко всем этим детским выдумкам и пустякам? Не тронь, не сори, во пачкай, - одним словом, не занимайся не свойственным тебе трудом, не удовлетворяй своей любознательности, не учись, не воспитывайся по трудовому принципу, а веди себя паинькой и читай книжку, но раскрашивать

рисунков в ней не смей, ибо это все неудобно взрослым и не предусмотрено в сочиненных ими для тебя правилах.

А между тем занятие филателией, столь любимое детьми с юных лет наклеивание и собирание почтовых марок, - каким могучим средством образования и воспитания детей могло служить в руках развитых и опытных родителей?.. Тут тебе и арифметика, и все иностранные языки, и география, и политическая и экономическая история, и физика с химией, черчение с рисованием, геометрия, бухгалтерия, и наглядные методы обучения, и воспитание вкуса, порядка, внимания, памяти и дисциплины - одним словом, - целое интернациональное мировоззрение.

И вдобавок ко всему этому - не надо ребенка наказывать, силой усаживать за стол и книгу, держать деньги на бонну, няню или репетитора.

У нас считается хорошим детский дом, в котором ребята выдрессированы и тренированы, умеют по разному кривляться и изображать взрослых, читать выразительно стихотворения и быть сыто накормленными, а образцовые родители, всего этого добившегося и почитающего на лаврах. А а нахожу такой дом рассадником паразитов, фабрикой прожигателей жизни, в котором воспитатели культивируют русскую лень в своих воспитанниках и заглушают все трудовые прогрессивны задатки в детях.

Пусть дети не принужденно и свободно занимаются, когда вздумают, коллекционированием разных предметов: собирают марки и сортируют собранное, отсылая их в наш адрес для обмена на более нужные и необходимые предметы, или помогают нам в нашей работе по приведению в ликвидный вид поступивших марочных пожертвований, устраивая с этой целью экскурсии и воскресники.

В единении и труде - сила и право...

Ф.Г.Чучин

1922 год
№ 2 за октябрь
страницы 1 - 2

От редакции. Фальсификаты

Чудовищные слухи, распускаемые про Советскую Россию объединенными усилиями иностранной и отечественной контрреволюции, создали ту благоприятную нишу, на которой махровым цветком расцвела марочная спекуляция и надувательство коллекционеров всевозможными жуликами и проходимцами филателистического мира.

Во вновь открываемом нами специальном отделе - «Фальсификаты» - в журнале - «Советский Филателист» - мы намерены практически осуществлять намеченную нами в самом начале задачу - беспощадной и решительной борьбы со спекуляцией и фальсификацией филателистического материала, дабы очистить наши коллекции от всей той дряни, которая никогда не была в действительности выпущена на территории России.

Для более полного и исчерпывающего решения этой задачи мы рассчитываем на деятельную помощь всех идейных русских и иностранных филателистов-коллекционеров, больше всего практически заинтересованных в удовлетворительном и своевременном разрешении этой задачи, так как все фальсификаторы и фабриканты несуществующих почтовых марок больше всего имеют ввиду их карманы, учитывая их слабость и нетерпеливость к филателистическим новостям.

Что бы шире ознакомить со злоупотреблениями и надувательством иностранных коллег со стороны различных жуликов в отношении русских марок, мы поведем этот отдел в нашем журнале на всех более употребительных и распространенных языках мира, меняя их из номера в номер, не останавливаясь ни перед какими затратами, освещая один и тот же материал на разных языках, помимо русского.

Редакционная коллегия

1923 год

№ 1/2 за январь-февраль

страница 25

О задачах филателии в СССР.

Интерес к коллекционированию марок в СССР с каждым днем увеличивается. Чувствуется сильная тяга сознательных коллекционеров-филателистов и молодежи к объединению, образованию какого-то центра, который бы связал и объединил всех филателистов в одну дружную коллективную семью. На территории СССР в отдельных областных, губернских и даже уездных центрах стихийно образуются общества и кружки филателистов, вокруг которых объединяются любители коллекционирования марок.

Появляются на свет филателистические журналы, брошюры по специальным вопросам филателии и каталоги русских марок. Все эти робкие начинания убедительно свидетельствуют, что подъем на лицо, движение интереса к филателии увеличивается; нужно только объединить все эти начинания; направить в правильное организационное русло и проводить единую линию поведения.

Молодёжь наша особенно интересуется коллекционированием марок и лихорадочно организуется: возникают кружки (Петроград) и союзы (Москва) юных филателистов. Нужно быть хотя бы в одном марочном магазине, чтобы убедиться, какой интерес проявляет наше возрастающее поколение, а иногда и серьезный спрос на филателистические материалы.

Но все эти начинающие коллекционеры – любители наталкиваются на спекуляцию. Их добросовестному искреннему отношению и любви к филателии ни в коей мере не соответствует голый экономический расчет коммерсантов, и некоторые из них очень быстро охлаждаются в своем первоначальном рвении, а затем, не видя помощи или совета, совсем забрасывают коллекционирование.

Явление это для нас, филателистов, очень печальное и нежелательное. Нужно что-то делать и срочно принять какие-то меры к его предупреждению и устранению. Нужно вырвать молодежь из цепких лап марочных торговцев и объединить их на правах автономной секции с организующимися в Москве Всероссийским Обществом филателистов -коллекционеров, теснее организационно связав эти секции филателистической молодежи с Комсомолом, втянув таким образом этот последний в круг филателистических идей и интересов. Инициатором этого объединения и распрогандирования должен быть орган Уполномоченного ЦКПГ ВЦИК по марочным пожертвованиям в России и за границей – «Советский Филателист», совершенно правильно поставивший себе, между прочим, следующие задачи:

1) Очищение филателии от нездорового наносного спекулятивного элемента личной наживы коллекционеров-коммерсантов, спекулянтов-чиновников, фальсификаторов -мародеров и просто разных проходимцев невежд и постепенное – по мере своих скромных сил и возможностей – возведение ее на степень самостоятельной науки.

2) Посильная разработка и освещение отдельных проблем этой молодой кандидатки в науки; широкая популяризация и пропаганда филателистических идей и выяснение прикладного значения ее в научном, педагогическом, эстетическом и экономическом отношении.

3) Использование филателии – как средство пропаганды идей Велик[ой] Октябрьск[ой] Революции в филателистическом отношении к наиболее передовым буржуазным странам Европы и Америки.

4) Организация русских филателистов вокруг своего журнала и удовлетворение потребностей идейных филател[истов] – коллекц[ционеров].

5) Всемирное содействие проведению в жизнь строгой монополии во внешней торговле материалами и принадлежностями филателии – исключительно в целях

улучшения жизни детей и борьбы с физическим и духовным голодом населения, а равно наблюдение за доброкачественностью ввозимого и вывозимого из СССР филателистического товара.

Поименованные задачи, конечно, не в силах выполнить один орган в лице нескольких работников, поставивших себе единственную цель – поднятие интереса к филателии в широких массах населения, а для этого нужна общая работа и помощь филателистов СССР. Эта неиссякаемая помощь уже есть на лицо и будет дальше еще больше, - нужно только суметь ее привлечь, заинтересовать идейных коллекционеров и правильно их использовать.

Как пример – укажу на быстро создающиеся отдельные кружки и общества филателистов в отдельных городах СССР и на то оживление интереса в «День Филателии» 19 августа н.г. и «День Советского Филателиста» - 8 января сего года, которые были организованы Уполномоченным ЦКПГ ВЦИК по марочным пожертвованиям и прошли с большим подъемом и успехом. Да и самый журнал «Советский Филателист» совершенствуется с каждым номером. Я стою на точке зрения строгой централизации всего филателистического дела в СССР и дружного единодушного проведения в жизнь всеми истинными друзьями филателии установленной в законе монополии на филателистическую торговлю.

Первый шаг к оформлению и претворению в жизнь поставленных перед нами задач уже сделан Уполномоченным по филателии. Второй – это организация Всероссийского общества Филателистов с центром в Москве и с филиальными отделениями во всех крупных городах СССР, с автономной секцией молодежи в центре – при Обществе и подсекциями на местах, в каковое объединение вошли бы действительными членами все идейные филателисты-коллекционеры СССР и даже наши заграничные коллеги, разделяющие поставленные нами цели и задачи такого Всероссийского объединения.

Преобразование народившихся Обществ и кружков в отдельных городах СССР в филиальные отделения Общества и призыв с этой целью ко всем коллекционерам-филателистам должны помочь быстрому проведению в жизнь этого здорового начинания.

Задачами Общества я мыслю себе полностью задачи, выдвинутые органом Уполномоченного «С.Ф.» и, кроме того, считаю необходимым организацию филателистических клубов, устройства в них научных лекций, открытие при Обществе в центре и на местах, сообразуясь с развитием и укреплением Общества, доступных каждому коллекционеру обменных баз и продажи марок и филателистического материала по доступным ценам, убив этим частную спекулятивную торговлю этого вида товарами.

Преобразование органа «Советский филателист» - в орган Уполномоченного ЦКПГ ВЦИК по филателии и бонам и установление тесных организационных и идейных связей со Всероссийским Обществом Филателистов также должно составлять на первое время внеочередную задачу. Введение в орган «С.Ф.» некоторых дополнительных отделов и списка вступающих в действительные члены общества филателистов-коллекционеров с указанием членского номера, фамилии, имени и отчества, адреса и краткого цели вступления так же не будет излишней мерой и даст возможность коллективно корректировать и контролировать порядочность и честность отдельных членов общества.

Я не берусь сейчас излагать полностью устав всероссийского объединения. Мне хотелось бы только затронуть этот вопрос в общих чертах и выслушать мнение по этому поводу отдельных товарищей, быть может, более авторитетных – чем я, и полнее моего осведомлённых – на основании прежнего личного опыта – по всем этим вопросам.

Думаю, однако, что направление, указанное мною в этой статье, правильное, и я

рассчитываю на отзыв и поддержку всех коллекционеров-не торговцев.

Желательно было бы открыть дискуссию по этому вопросу и просить авторов направлять свои статьи и соображения в редакцию «Советского Филателиста».

Сдвинуть этот вопрос с мертвой точки и провести его в жизнь будет большим шагом вперед к будущему процветанию филателии в СССР и во всем мире.

Л.Эйхфус

1923 год

№ 1/2 за январь-февраль

страница 35 - 36

Коллекционирование и этика.

В наше переходное время, когда интерес филателии и бонизму захватывает всё более и более широкие круги общества и коллекционирование становится крупным общественным явлением, не только своевременно, но прямо-таки необходимо установить известный критерий для его оценки и определить границы дозволенного с общественной точки зрения и допустимого с точки зрения соблюдения интересов государства.

Полугодовой опыт нашей работы и наблюдения, сделанные за это время говорят за то, что коллекционирование - это страсть к определенным предметам, как всякая страсть, плохо поддается дисциплине воли, не выдерживает соблазна и часто толкает человека на не этические противообщественные поступки, а иногда и преступления, караемые уголовным законом. Поэтому всякий честный коллекционер не должен ставить себя в такое положение, при котором легче всего подвергнуться искушению и перейти границы допустимого и дозволенного.

Иллюстрируем это несколькими примерами, известными нам из жизненной практики и проверенными на опыте.

Гражданин X – коллекционер-любитель, человек науки — рассказывал нам, как он, будучи еще студентом Петроградского университета и страшно нуждаясь и самом необходимом, отказывал себе во всем решительно, лишь-бы приобрести на те жалкие гроши, которые у него временами заводились, серию почтовых марок, которых не доставало в его коллекции. Он готов был во всякое время скакать на край света, сломя голову, за новыми открытыми им разновидностями и неделями сидеть без хлеба над своей коллекцией, лишь бы заполнить их в неё раньше других.

Другой коллекционер-любитель и собиратель бон, гр. В., инженер по образованию и профессор по положению, бросает кафедру, а имеет с ней и великие открывающиеся для него возможности, берет коммивьяжерские поручения и бросается с одного конца света на другой, имея в виду использовать эти поездки для пополнения своей коллекции, и затем променивает солидное и верное место в крупной хозяйственной организации на простую канцелярскую работу, лишь-бы получить возможность преимущественного нрава покупки и приобретения коллекционной материала.

Наконец, третий любитель-коллекционер и весьма крупный журналист, занимающий высокое общественное положение, некто Z., в целях пополнения своей коллекции получает почти даром из государственного учреждения большие партии почтовых марок и даже целые коллекции в альбомах, иногда настолько увлекаясь ролью эксперта в качестве коллекционера, что забывает все и вся на свете, ставя себя и других в неловкое положение.

Внимательно всматриваясь в поступки такого рода людей и анализируя побудительные их мотивы, а равно взвешивая их взаимные отношения и прикидывая ко всему этому обычную гражданскую мерку нельзя не заметить что люди эти не вполне нормальны, имеют свою особую мораль и явно страдают навязчивыми идеями, фанатичны. Однако, нас интересует эта разновидность человеческого рода больше не с медицинской и психологической, а с общественной и моральной стороны.

Коллективная мораль подобного рода - это признание законности и допустимости нарушения общих норм нравственности нрава во имя высших интересов пополнения своей коллекции и, как следствие отсюда, замалчивание преступлений своих коллег, бессознательная подмена существенных интересов групповыми. Только злостные фальсификаторы, безбожно бьющие по карману самих коллекционеров, развязывают их языки и дают возможность выводить все на свежую воду.

Поясним это опять примерами из нашей поведенческой практики.

Существует запрещение Наркомпочтеля продавать из почтовых касс дефектные марки, которые подлежат изъятию по обнаружении их чиновниками, и возвращении в марочную экспедицию для обмена на нормальные, - с тем, чтобы выпустить на рынок те же дефектные марки организованным порядком через соответствующее государственное учреждение, что было бы в общем и целом гораздо дешевле и гарантировали бы от возможных подделок. Однако, марки эти, несмотря на строгую ответственности по закону для обеих сторон, продаются чиновниками и покупаются коллекционерами с круговой друг за друга порукой, частным образом, из под полы.

Постановлением ВЦИК и СНК от 21-го сентября 1922 года, при соблюдении известных условий и в целях ликвидации последствий голода и скорейшего улучшения жизни детей, разрешен для коллекционеров - любителей заграничные обмен филателистическими материалами с гарантией сохранности и доброкачественности пересылаемых вложений, и тем не менее немало имеется охотников, которые, рискуя обменным материалом и подводя себя под строгую уголовную ответственность, практикуют всевозможные нелегальные способы непосредственной пересылки и обмена марок с границей.

За последнее время надлежащими органами при нашем содействии раскрыты и разных городах СССР и за границей целые организации фальсификаторов филателистического материала и устанавливаются их сообщники в распространении фальсификатов, при чем имена большинства из них заранее давно были известны многим коллекционерам, которые, однако, в большинстве молчали, страдая материально от них сами, и только наиболее честные и смелые из них решались помогать нам бороться с этим огромным общественным и филателистическим злом. А к чему приводит подобная душевная дряблость и коллекционерская мягкотелость лучше всего доказывают те конкретные последствия и реальные результаты, к которым в конце концов неизбежно приходят, при соблюдении подобной тактики, все коллекционеры-любители, посредники, опекуны и фальсификаторы.

Возьмем и приведем для иллюстрации здесь несколько общеизвестных фактов. Тов. С., служивший в одном из комиссариатов для регулярной связи с границей и одновременно состоявший членом руководящего органа по филателии в другом комиссариате, стремясь к пополнению своей собственной коллекции, брал на себя выполнение иногда довольно щекотливых поручении аналогичного характера для общественной организации и в конце концов настолько деморализовал себя, что вынужден был открыто подписать себе политический смертный приговор, испугавшись больше физической смерти.

В другой раз молодые товарищи Н. и М., начинающие коллекционеры, гоняясь за новостями для своих личных коллекций, настолько забыли свое служебное и общественное положение, что возбудили против себя общественное мнение Филателистического мира в СССР и за границей, обратили внимание РКП и подвели себя под уголовную ответственность. вследствие своей легкомысленности и верхоглядства.

Наконец, всем известен печальный финал преступной деятельности коллекционеров филателистов, граждан С., Ш., Р., М.—П., П., Г и др., занимавшихся фальсификацией филателистических редкостей и очутившихся за железными решётками вне пределов досягаемости, куда широко открыты ворота и для их сообщников и помощников, еще находящихся на воле.

Все это, вместе взятое, нам кажется, говорит за то что из среды коллекционеров не только должны быть выброшены все фальсификаторы и торговцы, как показывает опыт,

явно заинтересованные в спекуляции и сбыте фальсифицированного филателистического и бонного материала, но беспощадно выметены железной метлой и все те мягкотелые и шкурнические элементы, которые, беспрестанно нарушают правила общепризнанной морали и этики.

От этого выиграют не только государственные интересы, но прежде всего и больше всего интересы самих коллекционеров.

Ф.Г.Чучин.

1923 год
№ 3/4 за март-апрель
страница 2 - 5

Occupation Azerbaidjan

В журналах «Советский Филателист» № 1 и «Русский Коллекционер» № 2 помещены рецензии на изданный в городе Киеве В.В.Поповым и братьями Резниковыми «Иллюстрированный каталог и описание почтовых марок России с ее бывшими окраинами».

В этих рецензиях, в том месте, где говорится о марках Азербейджана с надпечаткою «Occupation Azerbaidjan», я натолкнулся на два разноречивых указания: рецензент из «Советского Филателиста» категорически отрицает существование этих марок, относя их к разряду фантастических; рецензент из «Русского Коллекционера», наоборот, утверждает, что названные марки были выпущены английскими войсками в *персидской* (курсив его) части провинции Азербайджана, почему почти и неизвестны в Баку.

Судя по многочисленным запросам, которые я не перестаю получать от моих друзей коллекционеров и от читателей филателистических журналов, марки с этою надпечаткою продолжают интересовать русских коллекционеров. Поэтому я и счел для себя обязанностью поделиться с читателями «Советского Филателиста» имеющимися в моем распоряжении сведениями о выпуске этих марок.

Должен оговориться: статью об азербайджанских марках я приготовил для июльского номера «Северной Корреспонденции», но, очевидно, по той причине, что «Северная Корреспонденция» сузилась в объеме почти до листка филателистических объявлений, статья моя даже в выдержках помещена не была.

Задавшись целью произвести изыскания о марках Азербайджана с надпечаткою «Occupation Azerbaidjan», я старался держаться, по возможности, официальных источников, тем более, что имею по службе тесный контакт с деятельностью почтового ведомства Азербайджана.

30 марта 1922 года я обратился в Комиссариат Почт и Телеграфов А.С.С.Р. с официальным запросом по поводу азербайджанских марок с надпечаткою «Occupation Azerbaidjan».

На свой запрос я получил из Комиссариата нижеследующий ответ:

«По настоящему запросу отвечаю:

1) В марте месяце 1917 года мной принята центральная почтовая контора в Баку с колоссальным запасом почтовых марок российского образца, как для продажи публике, так и для снабжения всех учреждений Азербайджана.

2) Марки продавались всем в неограниченном количестве.

3) До последних чисел июля 1918 года власть была Совета Народных Комиссаров, следовательно, до ЭТОГО момента никакой оккупации Азербайджана не было.

4) Англичане вошли в Баку 1 августа 1918 года при власти Временной Диктатуры Каспийского Флота. С этого времени я занимал должность заведывающего Бакинским п.-т. округом и никому никакого разрешения на наложение на почтовые марки грифа «Occupation Azerbaidjan» не давал и на почту такие марки не поступали, а если были заклеены, то только нелегальным способом.

5) 15 сентября 1918 года никакой власти в Баку не было (постановление мое по Округу от 15 октября); англичане выбыли.

6) 17 сентября 1918 года вступили турки. По распоряжению министра почт и телеграфов и путей сообщения объявлено, что власть, по п.-г. ведомству находится в исключительном ведении Начальника Округа (прик. № 1) коим состоял я и тоже никому разрешения на наложение грифа на почтовые марки не давал.

7) 18 октября 1919 года мной принята из типографии первая партия азербайджанских почтовых марок (акт № 1), а марки русского образца оставлены на хранении. 31 октября разрешено марки продавать для коллекции.

8) 12 ноября 1919 г. по заявлению гражданина Гасан Мирза Заде Аллиева продано марок русского образца на сумму около 1 мил. рублей, с погашением штемпелем Бакинской Почтовой Конторы, но принимали мужчина и женщина, французы. Остаток марок русского образца с 10 ноября 1920 года распродавался по повышенной в 100 раз цене, вследствие недостатка марок азербайджанского образца.

Ответ мой, как обоснованный на документальных данных, предоставляю опубликовать по Вашему усмотрению.

Завед. Организац. Инстр. и Ревиз.Отд. Комиссариата почт и телеграфов Азерб.
С.С.Р

1 марта 1922 года
г. Баку»

М. Сироткин.

Таким образом, легенду о выпуске этих марок на территории Российского Азербайджана, нынешней А.С.С.Р., какими-либо оккупантами надо считать, официально опровергнутой.

Теперь коснусь замечания рецензента из «Русского Коллекционера»

Если согласиться с тем, что выпуск трактуемых марок относится к оккупации Персидского Азербайджана, при чем Yvert фиксирует их выпуск маем месяцем 1917 года, то здесь мы имеем уличающую погрешность: в мае месяце 1917 года Персидский Азербайджан продолжал быть включенным в сферу военных действий; Тавриз и другие города и местечки, магистральные и прочие дороги были заняты русскими гарнизонами и отдельными крупными воинскими частями: не прекращалась постройка солидной военной железной дороги, проходящей по

Макинскому Ханству и далее идущей в глубь Восточной Турции; другая дорога прокладывалась от Шериф-Ханэ к Урманскому озеру, где строилась военная речная флотилия; словом - Персидский Азербайджан переживал тогда все прелести военной оккупации, но только не британской, как об этом, как будто бы гласит иностранная надпись на марках, а русской.

Отход Кавказского фронта, который левым своим крылом охватывал часть Персии, начался с декабря 1917 года. Последние «оккупанты», казачьи части, покинули пределы Персии в марте 1918 года, а первые английские ласточки появились в Баку в конце июля 1918 года, со стороны Энзели вместе с генералом Бичераховым, сплотившим вокруг себя остатки казачьих частей, изъявивших согласие Диктатуре Центрo-Каспия (коалиционная власть в Баку после большевиков) защищать город Баку от наступления турецкой армии Нури-паши.

Таким образом и вторую версию о выпуске англичанами в мае 1917 года марок с оккупационном надпечаткою для Персидского Азербайджана надо считать исторически опровергнутой.

Откуда же их выкопал «Yvert», поместив в свой каталог? Марки эти - фикция и, по всей вероятности, представляют собою ловкую проделку кого-либо из наших отечественных эмигрантов, не раз уже надувавших иностранных филателистические фирмы и крупных коллекционеров, крайне падких ко всякого рода новинкам из области курьезов и «оккупации», а быть может, это, по-просту, один из легальных видов спекуляции высших сфер, возглавляющих русскую эмиграцию (см. статью об аналогичных марках русской почты лагерей Константинополя в «Накануне» за 1922 год, № 80, под рубрикой «Филателия»).

В конце 1921 года в Батуме я лично приобрел у одного коллекционера-итальянца, приехавшего по торговым делам из Константинополя в Грузию, полную серию «оккупационных» марок Азербайджана (13 с/з и 4 б/з), расцениваемую Yvert'ом поштучно от 50 до 500 франков за экземпляр, всего лишь за десять бумажных итальянских лир, причем о происхождении указанных марок и узнал от этого итальянца, жившего продолжительное время в Грузии и знакомого с политической жизнью Закавказья, такую версию: во время пребывания в Париже представителей Азербайджанского муссаватского правительства (мусульманские национал-либералы), домогавшихся в Европе признания себя «de jure», к ним обратилась Фирма Yvert с просьбой учинить на марках указанную оккупацию (остается не выясненным вопрос, кому принадлежит оккупация - англичанам или туркам). Насколько эта версия соответствует действительности, оставляю на совести информировавшего меня коллеги-иностранца. Версия эта, во всяком случае, близка к истине. По словам того-же итальянца - марка эти он приобрел в Марселе от коммивояжеров парижских филателистических фирм с колоссальной скидкой против их каталожных цен.

Высокая расценка в каталоге Yvert'a на «оккупационные» марки Азербайджана не замедлила породить фальсификаты, изготовленные в отделе константинопольских «художников».

Отличие от «подлинных» Yvert'овских, то есть, тех марок, надпечатки коих воспроизведены в его каталогах, заключается и следующем: начертание латинской буквы «у» слове Azirbayedjan у «настоящих» (читай - Yvert) имеет ножку прямую, то есть вида V, тогда как у фальсификатов она кривая с изогнутостью вправо или влево.

В заключение я позволю себе сказать два слова по адресу наших отечественных коллекционеров, рьяно и с упорством отыскивающих всякие кунст-штуки в области филателии. Один из моих московских коллег, дискуссия со мною настаивает (подобно рецензенту из «Русского Коллекционера») на существовании туркестанских надпечаток, добавляя, что, хотя он и не нашел их в Ташкенте, но там они не известны лишь потому, что курсировали в Туркестане...Китайском (Восточный Туркестан). Пойдем дальше и будем логичны: у Yvert'a помещены первые марки Грузии общероссийского образца, с проколами. Марки эти тоже злостная спекуляция; в Тифлисе их никто не видел, и они кавказским коллекционерам совершенно не известны, не потому-ли, быть может, что они были выпущены в Грузии...Турецкой (Горная Аджария), где люди и до сего времени живут без паспортов, а понятие о почте у них такое-же, как у нас о жителях Марса.

*Инженер С.И.Кузовкин.
город Баку*

1923 год
№ 3/4 за март-апрель
страница 19 - 23

Дело марочных фальсификаторов.

24 и 25 апреля в зале Московского Губ-суда слушалось дело марочных фальсификаторов, привлеченных: Д.И.Шефтель по 136 и 100 статьям Уголовного Кодекса, К.Б.Родендорф по 139, 190 и 220 статьям, Б.П.Попов - по 85, 190, 136 и 220 статьям, Н.Н.Ламтев по 85, 136 и 190 статьям и К.Ш.Мелик-Пашаев по 190 статье.

Состав суда: Председатель товарищ Браудэ, народные заседатели товарищи Ермаков и Королевский, секретарь - товарищ Баскина.

Обвинение поддерживал общественный обвинитель товарищ Чучин. Защищали члены коллегии защитников товарищи Орловский и Малянтович.

Среди публики присутствовали генеральный представитель государственной организации по филателии для всей Америки мистер Шерман с американским экспертом филателистом мистером Штерном, членом президиума Американского Общества марочных торговцев.

Опрос обвиняемых.

Заседание суда началось в 14 часов с опроса обвиняемых. Первым был опрошен Родендорф, который показал, что ему 17 лет, что он бывший дворянин, отца не имеет, мать у него артистка, но не служит, а халтурит. Далее Родендорф сознался, что он занимался видоизменением марок при помощи химических реактивов, фальсификацией надпечаток на марках и распространением фальсификатов в России и за границей, объясняя свою работу затруднительным материальным положением и болезненной страстью к коллекционированию. Между прочим, он показал, что об его фальсификаторской работе знали многие коллекционеры, в том числе гражданин Шефтель, по адресу которого выразился, что от Шефтел получить не фальшивой марки было нельзя, и это было хорошо известно всем коллекционерам.

Шефтель показал, что ему 17 лет. что он бывший мещанин Минской губернии, учащийся и одновременно торговец марками. В фальсификации марок он не сознался. О найденных же у него трезубцах гербов Украины пока зал, что приготовил их для изготовления скалы гербов Украины, необходимой как пособие почти для всех коллекционеров. Относительно транспорта марок за границу Шефтель показал, что отправлял марки за небольшую мзду через Эстонскую миссию, но делая это, был уверен, что не совершает преступления, Попов показал, что он инженер-технолог по образованию, начал заниматься фальсификацией марок под влиянием нужды, а также из желания, вместо сбываемых фальсификатов, получить настоящие марки для своей коллекции. Деятельности своей стыдился и потому, приезжая в Ростов на Дону для сбыта своих фальсификатов, выступал под фамилией Соколовского.

Ламтев показал, что он бухгалтер государственной электрической станции в Новочеркасске и редактор филателистического журнала «Русский коллекционер». Фальсификацией марок занимался вместе с инженером Поповым, с которым они были знакомы (один певец, другой - музыкант и оба филателисты). Ламтев показал также, что фальсификацией он перестал заниматься после того, как взял на себя редактирование журнала.

Мелик-Пашаев показал, что он уроженец Тифлиса, и настоящее время артист драмы в Москве и профессиональный работник. Занимался сбытом марок Армении, которые получил от своего брата, служившего в армянском Наркомпочтеле, а теперь живущего в Германии. Не предполагал, что распространявшиеся им марки были фальшивые и до сего времени считает их подлинными.

Опрос свидетелей.

Из опроса свидетелей - Пашкова, Вутииа, Веркмейстера, Касаткина выяснилось получение ими фальсификатов от четырех обвиняемых: Попова, Ламтева, Родендорфа и Мелик-Пашаева, при чем относительно последнего свидетеля инженер Бутин сообщает, что после посещения его Мелик-Пашаевым с предложением армянских марок, из его коллекции, которую Мелик-Пашаев рассматривал, пропала очень ценная марка. Марка эта была возвращена Мелик-Пашаевым через две недели по требованию Бутина под угрозой скандала.

Обвинительный акт.

Содержание обвинительного акта таково:

В начале февраля 1923 года в московский отдел ГПУ поступило заявление от Уполномоченного ЦК Последгола по марочным пожертвованиям, в котором указывалось на замеченные им злоупотребления в области филателии. Возникло следствие, в результате которого были установлены следующие факты: у подсудимого Шефтеля, проживавшего в Москве, оказалось несколько штампов с изображением трезубца - надпечатки на украинских марках. У хорошего знакомого Шефтеля Родендорфа, проживающего также в Москве, были обнаружены штампы и подушки для подделки надпечаток на марках, фальшивые штемпеля для гашения марок и препараты для химической обработки их. У Родендорфа и Шефтеля обнаружена также переписка, указывавшая на нелегальный обмен их марками с заграничными филателистами, нарушавший государственную монополию.

Дальнейшее следствие обнаружило, что проживающий в станице Аксайской на Дону инженер Владикавказской железной дороги Попов занимается фальсификацией и сбытом фальшивых марок в широких размерах. Он часто приезжает в Ростов на Дону и там сбывает фальшивые марки, именуя себя не своей фамилией, а Соколовским.

Далее предварительное следствие установило, что инженер Попов фальсифицировал марки совместно с бухгалтером государственной электрической станции в Новочеркасске Ламтевым, редактором филателистического журнала «Русский Коллекционер». При этом у Попова и Ламтева была вполне оборудованная мастерская, снабженная разными шрифтами, марочными штемпелями и так далее. А отобранная у Ламтева и Попова переписка изобличила их в нелегальном обмене марками с заграничными филателистами. Попов в филателистических кругах давно был на подозрении и в №№ 1 и 2 журнала «Советский Филателист» за 1922 год ему делались запросы по этому поводу, оставленные им без ответа.

Пятый подсудимый Мелик-Пашаев, брат упоминавшегося в журнале «Крымский Коллекционер» сбытчика фальшивых марок под инициалами М.Пева занимался сбытом сфальсифицированных марок сначала в Тифлисе, а потом в Москве.

Экспертиза

Экспертизе была поставлена масса специальных вопросов. Вот главнейшие из них:

- 1) Превращает ли надпечатка, поставленная на марку, эту марку в другую.
- 2) Назначение штампов с изображением украинского трезубца, конфискованных у Шефтеля.
- 3) Качество марок, конфискованных у Мелик-Пашаева.
- 4) Вред, наносимый фальсификаторами Государству Советов.

По первому вопросу экспертиза высказалась в том смысле, что всякая надпечатка, сделанная центральной властью, или местной с разрешения центральной, или даже без

разрешения в исключительных случаях, очень частых в эпоху войны и революции, несомненно превращает перепечатанную марку в новую, тем более что перепечатка старого знака почтовой оплаты обычно совпадает с переоценкой этого знака в более высокое достоинство.

По второму вопросу, после исследования шефтелевских трезубцев, экспертиза пришла к заключению, что эти трезубцы в том виде, как они были у Шефтеля в момент ареста, нельзя было использовать для подделки марок. Но и для скалы гербов Украины трезубцы эти использовать было также нельзя, как вследствие грубости их работы, так и потому, что часть их сделана для ручной работы, часть же для типографской.

Основываясь на последнем экспертиза полагает, что исследуемые трезубцы во всяком случае скорее предназначались для фальсификации марок, чем для скалы гербов.

По третьему вопросу о подлинности армянских марок, конфискованных у Мелик-Пашаева, экспертиза заявила, что может дать заключение только после сравнения их с подлинными, имеющимися во всей Москве только у двоих из экспертов.

Защита при этом заявила отвод этих двух экспертов от экспертизы армянских марок и предложила вместо них пополнить состав экспертизы двумя из среды старых филателистов, присутствовавших в зале заседания в публичке, именно - товарищем Бессоновым и гражданином Щаповым. Отвод и предложение защиты были приняты.

Новый состав экспертов пришел по вопросу об экспертизе подлинности армянских марок Мелик-Пашаева к следующему заключению.

Нет никаких официальных данных о законном выпуске исследуемых марок и их курсировании на почте. Но если даже предположить, что эти марки были действительно выпущены и курсировали на почте, то часть из тех марок, которые были конфискованы у Мелик-Пашаева при его аресте безусловно надо признать недоброкачественными. Особенно характерны для этих фабрикатов наличие клея и наложение надпечатки поверх почтового штемпеля, то есть уже на заштемпелеванную марку, чего при законном выпуске и употреблении марок никогда не бывает и быть не может.

По четвертому вопросу о вреде, наносимом фальсификаторами почтовых марок государству, экспертиза заявила, что работа фальсификаторов, подрывающая доверие к русской марке вообще на мировом филателистическом рынке, понижает цены и спрос на русские марки и тем самым наносит существенный ущерб государству и вред делу помощи беспризорным детям СССР.

Из второстепенных вопросов, предложенных экспертизе, отметим вопрос о хранении подсудным Мелик-Пашаевым почтовых марок, имеющих клей, в печке среди зимы, при чем печь не топилась в течение нескольких месяцев. Вопрос этот интересен тем, что вызвал разногласие среди экспертов с особым мнением по этому вопросу эксперта Щапова, который утверждал, что печь, хотя бы и не топившаяся несколько месяцев, хотя бы и среди зимы, в отношении сухости является наилучшим местом хранения для марок с клеем и что он на месте Мелик-Пашаева точно так же хранил бы свои марки в печи.

Последние слова подсудимых.

Перед прениями сторон суд заявил, что в виду ясности дела, им постановлено прений сторон не допускать и предложил подсудным последнее слово. Последние слова подсудимых были весьма кратки.

Мелик-Пашаев ссылается на свое доверие к брату. Мог ли он ожидать получить фальшивые марки от своего старшего брата, большого специалиста по маркам, служившего в Наркомпочтеле Армении, тем более что этот брат показывал ему при вручении марок и документ, удостоверявший подлинность вручаемых марок. Если же я,

оправдывается подсудимый, на предварительном следствии и признал себя виновным, то только вследствие заявления следователя, что конфискованные у меня при аресте марки - фальшивые.

Шефтель, с присущей ему развязностью заявил, что он не считал пересылку марок через Эстонскую миссию нарушением марочной монополии. Что же касается фальсификации, то, если даже допустить, что он подделывал марки, то и то нет к этому никаких доказательств.

Родендорф просил снисхождения в виду того, что он сознал свое преступление и раскаялся. Просил также принять во внимание, что в момент совершения преступления он был ненормален, как и всякий коллекционер.

Попов в последнем слове указал на то, что он чистосердечно во всем сознался с самого начала, что он допустил бесчестный поступок только вследствие психической ненормальности. Просил обратить внимание на то, что во всех других отношениях он вполне честный человек, что в связи с арестом он много выстрадал душевно. В заключение своего слова подсудимый просил у суда снисхождения из сострадания к его семье, которая в случае осуждения останется без всяких средств к существованию.

Подсудимый Ламтев был чрезвычайно краток: он был ненормален под влиянием страсти к коллекционированию, и только поэтому позволил себе некрасивые вещи. Теперь он излечился от страсти и вполне честен, поэтому просит суд о снисхождении.

Редакционная коллегия

1924 год
№ 5 за май
страница 24 - 26

Фальсификаторы перед судом. (Впечатления).

Когда вы слушаете этот процесс, вы просто ушам не верите.

Инженер и... подделка марок.

Редактор журнала и... усовершенствование этой подделки.

Артист драмы, профессиональный работник и... распространение фальсификатов.

И нисколько, не удивительны широкие от изумления глаза у не специальной публики, присутствующей в судебном зале. Этой публике кажется странным, как это можно судить человека за то, что он ставит надпечатки на не курсирующих и потому, по ее мнению, никуда негодных марках.

И в самом деле, какое до этого дело тому, кто не собирает марок и кому они совсем не нужны? Пусть себе забавляются инженеры и редакторы такой ерундой; пусть и артист драмы им помогает. Это их дело, если они неспособны на более серьезную работу...

Так рассуждали в судебном зале не-филателисты.

Совсем иное слышишь в том же зале от филателистов.

Для этих старые марки с надпечатками, особенно редкие, целые сокровища, и притом совсем особенные сокровища: такие, которые, уже раз появившись, больше никак и нигде не могут законно появиться. И сущность этих сокровищ тем и характерна, что ее нельзя безнаказанно создать вновь. Неудивительно, что филателисты ценят свои сокровища на вес золота и платят за них последние гроши, отказывая себе в самом необходимом, даже иногда урезывая свой стол.

В голосе филателистов звучит кровная обида на фальсификаторов. Для них фальсификаторы не просто люди, неспособные на серьезную работу. Это люди, посягающие на их карманы, на их трудовой заработок, на их средства к жизни. Для филателистов фальсификаторы хуже обыкновенных воров и мошенников, ибо элемент посягательства на материальные блага филателистов в их действиях, кроме всего прочего, связан еще с обманом. Обман же тут совсем особенный, потому что в результате его теряет доброе имя не только обманщик, а и обманутый, который, будучи введен в заблуждение, сам является обманщиком, хотя бы и невольным.

Вот это-то специфическое зло марочной фальсификации и заставляет филателистов смотреть на фальсификаторов, как на злейших врагов общества.

И еще шире раскрываются от удивления глаза не специальной публики, когда из опроса экспертизы выясняется, что работа марочных фальсификаторов наносит непоправимый ущерб делу помощи беспризорным детям, подрывая государственную марочную монополию и пагубно влияя на стоимость русской марки на мировом филателистическом рынке.

Вот тебе и невинное занятие людей, неспособных на более серьезную работу!

Что же представляют из себя обвиняемые?

Это - деклассированная артистическая богема, обломки старого мира...

Красной нитью в их показаниях и в их поведении на суде проходит жалоба на «пагубную страсть» коллекционирования и уверение в «полном избавлении» от этой страсти под влиянием ареста и предварительного тюремного заключения.

Их показаниями усердно создается впечатление полной ненормальности и невменяемости коллекционеров, способных под влиянием своей страсти на что угодно, даже на преступления. Они рисуют внутренний мир коллекционера замкнутым, своеобразным миром, далеким от действительной жизни. И действительно, один из свидетелей, старейший филателист с 35-летним филателистическим стажем, как-будто подтверждает это впечатление своеобразной замкнутости внутренней жизни коллекционера. На вопрос председателя суда: - Ваша специальность? - старик, не моргнув глазом, отвечает: «Россия». И только ряд повторных вопросов извлекает из него ответ, что его специальность - ретушер.

Оттенение «ненормальности» коллекционирования сквозит и в последних словах подсудимых, за исключением Шефтеля и Мелик-Пашаева.

Инженер Попов так прямо и говорит: «Будучи коллекционером, я был психически ненормален, и только поэтому позволил себе бесчестный поступок. Во всех других отношениях я честен»...

Редактор Ламтев, отличавшийся вообще краткостью своих показаний, не разговаривал и в последнем слове: «Я был болен, но теперь излечился. В прошлом я всегда был честен. Прошу снисхождения».

Подсудимый Родендорф, недоросль из дворян, заявил: «Я был ненормален, как и всякий коллекционер. Теперь я излечился от страсти; раскаялся и исправился».

Создается полное впечатление, что все коллекционеры марок ненормальны и невменяемы. Но когда сопоставляешь с показаниями обвиняемых вопросы к ним защитников, имеющие весьма прозрачную цель - утвердить впечатление ненормальности всех коллекционеров и невменяемости - поэтому - обвиняемых, становится ясно, что впечатление это создается искусственно в целях смягчения вины подсудимых.

Попов, Лаптев и Родендорф, это - сознавшие преступники, просившие у суда снисхождения. Мелик-Пашаев и Шефтель - не сознававшие вполне или частично в инкриминируемых им деяниях.

Вина Мелик-Пашаева, сына чиновника по ведомству юстиции, в сбыте фальсифицированных марок была доказана только после тщательной экспертизы сбывавшихся им марок. Характерно, что и после этого в последнем слове Мелик-Пашаев оправдывается, сваливая свою вину на собственного брата, который снабдил его фальшивыми марками. В эту минуту подсудимый не считает с тем, что оказывает плохую услугу своему брату, пытаясь переложить свою вину на плечи этого брата, находящегося за границей и приговоренного по марочному делу Лейпцигским судом к штрафу в 9.000.000 германских марок или двум неделям тюрьмы за то же самое деяние.

Особняком от всех обвиняемых стоит Шефтель. Шефтелю всего 18 лет.

Мальчик? - Нет, молодой, подающий надежды, нэпман.

Послушали бы вы, как этот мальчик ловко парировал вопросы председателя суда и общественного обвинителя. С каким спокойствием он признавал, что, правда, в филателистическом мире про него сложилась дурная слава, что его подозревали в фальсификации марок, что он «официально» за «мизерную мзду» отправлял контрабандой филателистические пакеты с марками через Эстонскую миссию в Москве за границу, минуя монопольную организацию Уполномоченного по

филателии и бонам, что в момент ареста у него найдены клише украинских трезубцев - все это так, - но где же более веские доказательства его виновности?..

Трезубцы были у него для изготовления скалы гербов Украины, столь необходимой для коллекционеров, а никак не для подделки украинских марок. И Шефтель тотчас же ссылается на экспертизу, которая признала, что трезубцы для подделки марок не годятся. С другой стороны, пользуясь не полной компетенцией филателистической экспертизы в вопросе техники печатания, Шефтель уверяет членов суда, что его трезубцы, часть которых сделана для ручных гербов, а часть для типографских, можно употреблять одновременно при ручном печатании. Так шефтельевские трезубцы и остались загадкой.

Изрядная доля самоуверенности у Шефтеля переходит минутами почти в нахальство. Как вам нравится, например, когда подсудимый в своем последнем слове заявляет: «Если допустить, что я даже подделывал марки, то нет к этому никаких доказательств».

Это - подлинные слова восемнадцатилетнего Шефтеля.

Однако, пролетарский суд учел все эти обстоятельства и приговорил: сознавшихся - Ламтева и Попова - каждого к 1 году заключения без применения амнистии, Родендорфа к 2½ годам и Шефтеля к 2 годам заключения с сокращением на одну треть наказания, вследствие их несовершеннолетия и уменьшения по амнистии на половину, и Мелик-Пашаева к 6 месяцам тюрьмы.

Ю.Милютин.

1924 год
№ 5 за май
страница 28 - 30

Дело марочных фальсификаторов. (Окончание)

Приговор суда.

После трех с половиною часов обсуждения Суд вынес по делу марочных фальсификаторов следующий приговор:

Приговор.

Именем Российской Социалистической Советской Федеративной Республики, Московский Губернский Суд по Уголовно-Судебному Отделению в открытом судебном заседании под председательством члена Губсуда Браудэ, народных заседателей товарищей Ермакова и Королевского, при секретаре товарище Баскиной от 24 - 25 апреля 1924 года, рассмотрев дело по обвинению граждан Шефтеля Д.Н., Родендорфа К.В. по 136, 190, а последнего и по 220 Уголовного Кодекса, Попова В.П. и Ламтева Н.П. По 85, 190 и 136, а 1-го и по 220 2 статьям Уголовного Кодекса и Мелик-Пашаева К.Ш. по 190 статье Уголовного Кодекса.

Нашел: что гр. Шефтель, будучи коллекционером-филателистом и торговцем марок, занимался сбытом марок, в том числе и фальсифицированных, за границу через Эстонскую миссию, в чем он и сознался.

Найденные у обвиняемого Шефтеля штампы, по заключению экспертизы, могли быть изготовленными также больше для надпечаток, чем для изготовления скалы гербов; точное их назначение установить невозможно. Связанный по коллекционированию с гражданином Родендорф, Шефтель указал на последнего, как занимающегося подделкой штампов для фальсификации марок путем подделки на них надпечаток, вытравливанием цветов и так далее. Обвиняемый Родендорф сознался в том, что занимался фальсификацией марок, распространением их в России и за границей, но объяснил это тяжелым материальным положением и болезненной страстью к коллекционированию марок. Оружие, найденное у Родендорфа, хранилось случайно и бесцельно.

Через обвиняемых Шефтеля и Родендорфа установлено, что фальсификацией марок самостоятельно занимались также граждане Попов и Ламтев. Обвиняемые Попов и Ламтев сознались в том, что действительно занимались подделкой надпечаток на марках и сбытом их за границу, но объяснили это тоже материальными условиями, что и толкнуло их на путь преступления. Обрез винтовки с патронами, найденный у гражданина Попова, хранился без надлежащего разрешения и без определенного назначения.

Обвиняемый Мелик-Пашаев занимался сбытом марок Армении, которые им получены были от своего брата, но, что марки эти - фальсификаты он не предполагал, и до сего времени считает их правильными. Однако, по заключению экспертизы, часть этих марок, отобранных у обвиняемого, является фальсифицированными. Однако, установить точно фальсификацию всех марок не представилось для экспертизы возможным, в виду того, что подлинных нормально гашеных марок Армении и их распоряжении не имеется.

На основании всего изложенного, суд постановил: признать гражданина Шефтеля виновным в том, что он отправляя за границу нелегальным путем почтовые марки, чем нарушал марочную монополию внешней торговли, то есть в преступлении, предусмотренном статьей 136-й Уголовного Кодекса. Обвинение, предъявленное ему по 190 статье Уголовного Кодекса, считать недоказанным; гражданина Родендорфа в том, что он занимался фальсификацией марок, то есть в преступлении, предусмотренном статьей 190-й Уголовного Кодекса, а также нарушением марочной монополии, отправляя их за границу, то есть в преступлении, предусмотренном 136-й статьей Уголовного Кодекса, и,

кроме того, хранил оружие без надлежащего разрешения, то есть в преступлении, предусмотренном статьей 220-й Уголовного Кодекса; граждан Попова и Ламтева в том, что они занимались фальсификацией марок, то есть в преступлении, предусмотренном статьей 190-й Уголовного Кодекса и сбытом их за границу, то есть в преступлении, предусмотренном статьей 136 Уголовного Кодекса, а Попова, кроме того, за хранение оружия без надлежащего на то разрешения, то есть по 220-й статье Уголовного Кодекса. Предъявленное обвинение Ламтеву и Попову по статье 80 Уголовного Кодекса считать недоказанным: гражданина Мелик-Пашаева в том, что он занимался сбытом фальсифицированных марок, то есть в преступлении, предусмотренном применительно 190-й статье Уголовного Кодекса, а посему приговорил:

Гражданина Шефтеля Давида Натановича, 17 лет, уроженца Минской губернии, бывшего мещанина, беспартийного, учащегося, не судившегося, со средним незаконченным образованием, по 136 статье Уголовного Кодекса к двум годам лишения свободы, без поражения в правах и на основании статьи 50 Уголовного Кодекса с конфискацией отобранных при обыске предметов и марок.

Гражданина Родендорфа Константина Борисовича, 17 лет, уроженца Ленинградской губернии, бывшего дворянина, беспартийного, незаконченное среднее образование, учащегося, не судившегося - по 186 ст. Уголовного Кодекса лишением свободы, сроком на два с половиною года - по статье 190-й Уголовного Кодекса с лишением свободы сроком на один год с конфискацией отобранных предметов, а по 220-й к принудительным работам на шесть месяцев, а по совокупности по всем статьям лишению свободы сроком на два с половиною года, без поражения прав и с конфискацией отобранных предметов.

Гражданина Попова Бориса Павловича, уроженца Донской области, 33-х лет, инженер-технолог, беспартийный, не судившейся, женат, по 136 статье Уголовного Кодекса к лишению свободы сроком на один год, без поражения в правах, по статье 190-й Уголовного Кодекса к лишению свободы сроком на один год с конфискацией отобранных предметов, а по статье 220-й Уголовного Кодекса к принудительным работам на шесть месяцев, а по совокупности по всем статьям к лишению свободы сроком на один год, без поражения в правах, с конфискацией отобранных предметов.

Гражданина Ламтева Николая Николаевича, уроженца Воронежской губернии, 30 лет, служащего, беспартийного, не судившегося, по статье 136 Уголовного Кодекса к лишению свободы сроком на один год, без поражения прав, и по 190 статье Уголовного Кодекса к лишению свободы сроком на один год с конфискацией отобранных, а по совокупности по всем статьям к лишению свободы сроком на один год без поражения прав с конфискацией отобранных предметов.

Гражданина Мелик-Пашаева Константина Шамильевича, уроженца города Тифлиса, 23 лет, беспартийного, не судившегося, со средним образованием, артист драмы, по статье 190-й Уголовного Кодекса к лишению свободы сроком на шесть месяцев, с конфискацией отобранных предметов.

Всем осужденным зачесть срок предварительного заключения.

Принимая во внимание, что преступление, совершенное гражданами Шефтелем и Родендорфом совершено до 5-ти летнего юбилея Октябрьской Революции, применить к ним амнистию и срок наказания сократить на половину каждому и, кроме того, на основании статьи 18-6 Уголовного Кодекса наказание смягчить еще на одну треть.

Меры пресечения в отношении всех обвиняемых оставить прежние до вступления приговора в законную силу.

Вещественные доказательства и конфискованные предметы и марки сдать Уполномоченному по филателии при ВЦИК для нужд беспризорных детей.

Вознаграждение экспертам Блумбергу, Раевскому и Эйхфусу по 10 часов Бессонову и Щапову по 5 часов в размере по 75 копеек за час взыскать за счет осужденных.

Судебные издержки в размере, установленном в распорядительном заседании суда, разложить между осужденными поровну.

Приговор окончательный и может быть обжалован сторонами лишь в кассационном порядке в течение 72-х часов с момента вручения копии приговора осужденным.

П.п. Председатель Брауде.

Народные заседатели: Королевский, Ермаков.

Редакционная коллегия

1924 год

№ 6 за июнь

страница 26 - 27

Тифлисская городская почтовая марка.

Хотя первые экземпляры Тифлисской городской почтовой марки найдены уже более 10 лет тому назад, тем не менее эта марка еще совершенно неизвестна собирателям, филателистическая литература о ней молчит и в каталогах она не помещена. Поэтому я решился ее описать, поделиться с собирателями своими соображениями и сообщить то немногое, что мне стало о ней известно, предоставляя более счастливым дополнить все то, чего мне при всем желании не удалось пока разъяснить.

Слухи о том, что когда-то в городе Тифлисе существовала городская почта и что для местных писем употреблялась особая городская почтовая марка, ходили уже с 80-х годов прошлого столетия, может быть, даже еще раньше. Эти слухи заставили известного издателя журнала «Timbre Poste» Я.Б.Мунса в 1389 году обратиться к директору почтамта города Тифлиса с запросом, существовала ли когда-либо в Тифлисе особая городская почтовая марка и когда она была в обращении? Директор почтамта ответил на этот запрос, что он ясно припоминает, что когда-то были в обращении особые городские почтовые марки, но что он, к сожалению, лишен возможности дать какие-либо более точные указания о времени их употребления (см. «Timbre Poste» № 318, июнь 1889).

Вследствие этих туманных, но тем не менее очень упорных слухов наибольший в свое время каталог Я.В.Мунса приводит под заглавием Tiflis постоянно в каждом новом издании многозначный вопрос: Были изданы марки, но какие именно?

За несколько времени до начала всемирной войны, туман, окутывавший эту марку, был рассеян счастливой находкой трех экземпляров этой марки. Все обстоятельства этой находки дают право предполагать, что при этом исключена всякая возможность подтасовки или подделки.

Я имел счастье в 1913 году приобрести одну из этих марок и благодаря этому

обстоятельству сейчас же приступил к выяснению всех подробностей ее издания. Мне удалось получить рекомендательные письма к некоторым тифлиским старожилам, к которым я обратился с просьбой сообщить мне все, что им известно об этих марках, при чем приложил к моему письму фотографический снимок и оплаченный конверт для ответа заказным письмом. Я получил только один ответ, сообщающий мне, что на месте ничего о таких городских марках неизвестно. Тогда я непосредственно перед войной, путем объявлений в местной газете, обратился ко всем с просьбой выяснить историю тифлисской городской марки и обещал соблазнительную награду тому лицу, которое мне сообщит неопровержимые данные об

этой марке, прилагая при этом ко всему, по возможности, доказательства, подкрепленные документами. На эти объявления я ни одного ответа не получил.

Таким образом, я должен, был предоставить или счастливому случаю, или более успешным искателям, осветить это темное место русской филателии. Обратимся теперь к описанию самой марки.

Марка изображена помощью бесцветного рельефного штампа необыкновенной ясности и чистоты рисунка. Ее величина равняется 22 x 22 мм. В середине изображен богатый герб города Тифлиса, над которым помещен двуглавый орел с опущенными вниз крыльями, как он изображался обыкновенно во время царствования Николая I. Тонкий рельефный круг окружает этот герб, а сам он вписан в двойную

квадратную рамку. На этой рамке помещена следующая надпись, начиная с левой стороны: «Тифлис(ская) город (ская) (почта) 6 коп:» В углах между рамкой и кругом помещены по два скрещающихся почтовых рога.

Толщина желтовато - белой бумаги равняется 0.2 кг/м. Желтовато-белый клей густо нанесен и потому сильно потрескался.

По рисунку двуглавого орла можно приблизительно судить о времени обращения этой марки. Двуглавый орел с опущенными вниз крыльями был в ходу приблизительно до 1855 года (см. водяной знак на первых русских конвертах и гербовых бумагах, двуглавый орел на монетах и т.д.). При Александре II двуглавый орел получил уже веерообразные крылья, как он изображен на первых почтовых русских марках. Потому можно предположить, что тифлисская городская почтовая марка была издана, во всяком случае, раньше 1855 года.

Можно далее почти с уверенностью сказать, что описанная марка была государственная. К числу земских марок ее отнести нельзя, так как в то время земские учреждения еще не были введены, а на Кавказе они вообще никогда не существовали. Кавказ всегда управлялся наместником. С другой стороны, ее нельзя присоединить и к так называемым частным почтовым маркам, так как и России таковых вообще нигде не существовало. Остается только присоединить Тифлиссую городскую почтовую марку к разряду городской почтовой марки 1863 года города С.Петербурга и к городским почтовым конвертам двух столиц С.-Петербурга и Москвы.

Примечание. Печатаемая статья о тифлисской городской почтовой марке нашего сотрудника К.К.Шмидт, почетного члена Международного Общества филателистов в Дрездене, редакция «С.Ф.» считает долгом чести наших российских и кавказских коллекционеров добыть и опубликовать в нашем журнале «С.Ф.» исчерпывающие и неопровержимые данные об этой марке. Мы с своей стороны будем напоминать об этом коллегам на страницах «С.Ф.», чтобы почаще будоражить их совесть.

К.К.Шмидт

1924 год
№ 7 за июль
страница 14 - 15

О старинных японских марках.

В филателистическом журнале «Юраку», издающемся в Токио, мистер Шотаро Гибата начал печатать историю японских марок. В настоящей заметке мы познакомим читателя с почерпнутыми из этого источника наиболее интересными сведениями.

Первые японские марки были выпущены 1 марта 1871 года. До этого времени в обращении находились гонконгские марки, так как и 1858 года, согласно договора Японии с Англией, в Иокогаме, Коби и Нагаски были открыты британские почтовые отделения.

Однако, существует одна очень старая таинственная марка, происхождение которой до сих пор не выяснено. Она напечатана на желтой бумаге, черным и напоминает по своему внешнему виду частные местные американские марки. На ней изображен почтальон на лошади и имеется надпись «Сезерланд и К», цена $\frac{1}{4}$ бу (бу - название старинной серебряной монеты стоимостью в $6\frac{1}{4}$ сен.). Предполагают, что марка эта была выпущена в Нагасаки около 1870 года и употреблялась для почты, перевозимой на иностранных пароходах между японскими портами. Попытка расследовать, кто был Сезерланд и компания закончились неудачей.

Почтовые марки были введены в Японии бароном Мэшимой в 1870 году. Первоначально предполагалось украсить их бордюром из цветов слив. Однако, это намерение не было осуществлено и бордюр первых выпущенных в свет марок представлял собою двух драконов со скрещенными хвостами; в середине марки проставлена стоимость.

Марки эти были изготовлены путем гравирования по меди, с которым японцы ознакомились у голландцев около 1870 года. Гравировальное искусство развилось, главным образом, в трех городах: Иеддо (ныне Токио), Киото и Нагасаки. Гравированьем ранних японских марок занимались Ацсумо Матсуда, принадлежавший к школе Киото, Сузан, Умсмуре и Джетсуреи Макамура - школы Иеддо.

Рисунок бордюра марок переводился первоначально на промасленную бумагу, которая накладывалась затем на медную пластинку, покрытую особым лаком; затем гравировальщик наносил его своими инструментами на медь, а лак смывался азотной кислотой. Первый выпуск марок был изготовлен на медной пластинке, на которой было выгравировано пять рядов марок по 8 в каждом ряду:

Способ, которым производилось обозначение стоимости марки в середине ее неизвестен.

Большая забота Мэшимы состояла в том, чтобы предотвратить возможность подделки марок, а также воспрепятствовать двукратному употреблению одной и той же марки. Последнее в настоящее время нам кажется странным и несущественным, но если мы вспомним историю марок хотя бы в Англии, то увидим, что и там этот вопрос вначале привлекал к себе много внимания, и что много усилий было затрачено на то, чтобы это устранить.

Для первого выпуска марок была употреблена бумага двух сортов «Ватоши», бумага местного приготовления, напоминающая китайскую, и веленевая бумага «Суругабаншни», названная так по имени провинции Суруга, где изготовлялась.

Однако и та, и другая бумага казались Мэшиме слишком прочными, он стремился печатать марки на такой тонкой бумаге, чтобы их было нелегко удалить с письма не повредив, и чтобы таким образом их вторичное употребление стало невозможным.

Этого он и добился: второй выпуск японских марок, появившийся в 1872 году, был отпечатан на очень тонкой, белой китайской бумаге. Филателисты прекрасно знают, какое неудобство для них влечет за собой это обстоятельство, и как трудно достать и сохранить эти марки.

Валентина Байер.

1924 год
№ 11/12 за ноябрь-декабрь
страница 14 - 15

Что и как собирать.

Платформа Златоустовского кружка юных филателистов.

(В дискуссионном порядке)

Обычно собирают марки по странам. Специализируются, например, на Европейских странах и так далее. При этом каждый стремится собрать все марки страны, все серии, все разновидности, все печатки, при чем с особою гордостью отмечаются редкости. Качество альбома всегда при этом способе коллекционирования прямо пропорционально количеству вложенных средств. Для буржуазии это имеет смысл. Для нас это бессмысленно. Помимо этого, при бешеном темпе нашей жизни, при перегруженности всех учащихся учебной и общественной работой мы не имеем досуга, чтобы копаться в зубчиках, водяных знаках, утонченности марок, качестве бумаги. У нас нет времени, чтобы ухаживать за марками, как старая дева за кошками, купать их, отмывать бензином, сушить, смывать гуммирование и так далее. Самого стремления к редким курьезам, сдвигам, печаткам мы совсем не понимаем. Вообще многое в буржуазной филателии кажется нам чуждым для психики людей нашего времени. Вся эта филателия полноты коллекции, погони за редкостями, не нормальностями и уродствами - по нашему мнению - носит все характерные черты психики рантье. Наше главное положение: марка не есть только «знак почтовой оплаты», марка прежде всего исторический документ эпохи. Филателист - это собиратель исторических документов, подлинных настоящих свидетелей эпохи. Это такой же собиратель, как историк, собирающий древние манускрипты. Марка ценна постольку, поскольку она ярко отражает эпоху, поскольку она богата содержанием. Не редкость, а богатый содержанием документ.

Мы сознательно переходим к собиранию таких марок. Что значит, когда начинающий ищет рисунка на марке? Это бессознательное стремление к содержанию. Начинающий, не искушенный в филателистической схоластике, по требованию здравого смысла, ценит именно содержание, а не редкость марки. Если марка выпущена в сотне экземпляров, ходила 3 дня, но если на ней нарисована одна ничего не говорящая цифра, если она ни о чем не говорит, и самый факт выпуска ее ни с каким событием не связан, мы просто выкидываем такой хлам, не удостаивая его наших альбомов.

Мы составляем наши альбомы так:

Первобытное общество (какую красивую и полную характеристику могут дать, например, французские колонии).

Кочевое Общество. Скотоводство (тоже французские колонии).

Какую красочную страницу «феодализма» могут дать некоторые немецкие марки (например, рисунки рыцарей, замков, готических соборов).

Какие дивные страницы даст Эпоха открытий. Марки с Колумбом, португальские - с Васко де Гама, капитаном Куком и так далее.

«Затем» - Развитие капитализма с подразделениями: а) техника, б) пути сообщения, в) классы.

Из новых марок как легко составить страницы «Экономические предпосылки империализма», «Балканская война». А «Мировая война». Какую яркую картину можно составить, начиная от марок убийства эрцгерцога, вплоть до благотворительных в пользу инвалидов.

А как красиво выглядят страницы «Версальского мира» или же «Эпоха инфляции и денежных реформ после Версаля»!

Имеет ли смысл для нашей коллекции знаменитая марка Маврикия? Никакого. Она ни о чем не говорит. А вот дешевая марка французского Мадагаскара, где, обливаясь потом, несчастные негры на плечах тащат гордого француза! Эту марку мы ценим. Ведь это живой документ наглого циничного империализма. Такие марки мы собираем.

Филателия должна покончить с методами «кунсткамеры» Петра I-го, где

собирались все уродства, раритеты, невиданные диковинки. Конечно, и разнородность зубчиков, и водяные знаки, и качество бумаги и краски - имеют свое значение, но лишь для экспертизы, для определения подлинности марки. Этим пусть занимаются единицы - знатоки, профессора филателии.

Наши тезисы:

1. Марка (не каждая), - подлинный исторический документ эпохи.
2. Собирать нужно только марки - документы эпохи, а не простые знаки почтовой оплаты.
3. Необходимо бросить фетишизм редкостей и не нормальностей, сдвигов, курьезов, раритетов. Это - филателия рантье. Количество зубчиков, водяные знаки, гуммирование, качество бумаги предоставить экспертам.

Собирать нужно не по странам, а по темам историко-политико-экономическим вроде «Версальского мира», «Империализма» и так далее. Можно взять в качестве темы историю отдельной страны; но это будет «история страны в марках», а не «история выпусков знаков почтовой оплаты страны», во что в лучшем случае вырождается буржуазная филателия.

Только такой метод собирания годен для среднего филателиста. Этот метод более интересен и лучше выявит положительные качества филателистов, так как по этому методу лучший альбом будет не у самого богатого коллекционера, а у того, что сумеет лучше оценить марку, как документ эпохи и лучше сделать подбор марок по темам.

От Центрального Бюро С. Ю. И. Б. С. Ю. К. предлагает президиумам всех Секций Юн. Кол. срочно продискутировать платформу Златоустинского Кружка Юных Филателистов. По окончании дискуссий результаты их должны быть немедленно сообщены в Центр. Бюро.

Редакционная коллегия

1925 год
№ 3 за март
страница 4 - 5

Марки на конвертах.

(В дискуссионном порядке).

Коллекционирование марок на конвертах пора бросить считать какой-то специальной областью коллекционирования. Это основной вид филателистической коллекции. Наоборот, все другие виды (кроме коллекционирования цельных вещей, прошедших почту) как раз и должны быть признаны специальными видами.

Филателистическая коллекция является серьезной, научно составленной, не построенной на любительском капризе лишь в том случае, если она действительно является собой систематически собираемую коллекцию знаков почтовой оплаты. Может ли быть таким знаком, почтовый документ, чистая марка или чистая открытка? Далеко не всегда. Нередки случаи, когда та или иная марка или цельная вещь не служила и не могла служить знаком почтовой оплаты, а являлась лишь памяткой какого-либо почтового проекта, в жизни не осуществившегося, или просто доходно-спекулятивной статьей почтового ведомства. Марка только тогда может быть названа почтовым документом, а следовательно и подлежащим серьезному коллекционированию действительным (а не фиктивным или сомнительным) знаком почтовой оплаты, когда она имеет на себе официально фиксированное свидетельство о том, что она в свое время и в своем месте действительно послужила почтово-денежным документом и сыграла свою роль, совершив путешествие от адресанта к адресату.

Изложенные соображения говорят пока за преимущество коллекционирования гашеных почтовых марок. Это преимущество за последними, конечно, должно быть признано. Но мало того. Общеизвестно, что не всегда гашеная марка является почтовым знаком, сыгравший свою официальную роль: марки для коллекции гасятся «полюбовительски», гасятся фальшивыми штемпелями; штемпеля погашения часто бывают неясны, смазаны, совершенно неубедительны. И, главное, марки, даже гашеные почтовым штемпелем, не представляют из себя цельного почтового документа, являясь лишь механически извлеченным из него кусочком, каким, по существу, является и вырезанная из цельной вещи хотя бы и гашеная марка.

Почтовая марка (наклеена ли она на конверт или напечатана на нем - безразлично) только в том случае живет своей почтовой жизнью, когда она имеет свою историю почтового путешествия и когда она не отделена от той части документа, которую оплачивает.

Марка на конверте, прошедшем все необходимые почтовые инстанции и имеющем штемпеля мест отправления и получения, - вот тот основной филателистический документ, тот знак почтовой оплаты, коллекционирование которого должно быть признано основным видом филателистического коллекционирования.

Этот взгляд подтверждают многие известные нам случаи, когда почтовую марку можно с филателистической точки зрения признать и поместить в коллекцию, только видя ее на конверте или хоть на обрывке его. Таковы наши сберегательные и контрольные марки, курсировавшие в качестве почтовых в начале революции. Таковы марки Украины, ДВР, Сибири и всех вообще окраин, выпуски которых сомнительны. Таковы, наконец, марки местных выпусков (провизории безмарочного периода), тираж которых обычно весьма мал и документально слабо доказывается.

Марки специальной оплаты - авиапочты - иначе и не могут быть собираемы, как только на конвертах, доставленных адресату воздушно-почтовым путем, когда они хранят на себе понятный филателисту аромат воздушного путешествия.

А.Сигорский

1925 год
№ 9 за май
страница 4

По поводу платформы златоустовцев.

(В порядке дискуссии).

Я думаю, что марки собирать надо по странам или по времени выпуска, но отнюдь не по рисункам. Например, марки Испании-республики 1873 года (первый выпуск после революции: женщина со щитом, копьем и веткой), очевидно, отсутствуют в коллекциях членов Златоустовского кружка, ибо по рисункам не подходят ни к которому пункту их платформы. А где траурная марка Финляндии (лишение независимости) 14 VIII 1890 года? А много-ли у членов Златоустовского кружка марок Австрии-республики?

Размещая по своему плану марки, златоустовцы безбожно путают все времена: марка С.А.С.Ш. Parcel Post 5ц с паровозом 1913 года может очутиться у них, например, рядом с маркой РСФСР голодающим (паровоз).

Такое составление для маленьких детей, которым главное картинки. Если мы будем так собирать, то филателия никогда не развяжется с теорией детской забавы.

Конечно, иногда можно собирать такую коллекцию параллельно с основной, но никак не одну.

Если собирать только такую коллекцию, то легче и дешевле собирать конфетные бумажки. У златоустовских коллекционеров нет времени, чтобы ухаживать за марками, как старая дева за кошками. Позвольте, полчаса в день (которые едва ли кто не может выделить) вполне достаточно не только для ухаживания, но и для меня.

А что за коллекция, в которую никогда не заглядывает хозяин? А если он заглядывает, то у него есть время и поухаживать. Я соглашаюсь с златоустовцами только в том, что необходимо бросить фетишизм ненормальностей, сдвигов и курьезов.

В.Самodelкин

1925 год
№ 10 за май
страница 9

Долой патологию! (В порядке дискуссии).

Оставляя в стороне одну часть вопроса, поднятого Златоустовским кружком юных коллекционеров, я хочу лишь коснуться другой части этого вопроса. Я имею в виду так называемый «патологический» метод коллекционирования, то-есть обязательное включение в коллекции всякого рода уродцев: сдвигов, опечаток, переверток и проч. Такого рода отрасль уже начинает охватывать и молодых коллекционеров. Конечно, «о вкусах не спорят» но, на мой взгляд, почти всякая коллекция должна отражать собою красоту. Какого же рода красота может заключаться в уродстве? А ведь на добывание уродцев тратится масса и средств и времени, за счет которых значительно легче и скорее можно было бы заполнить ряд пустующих мест в альбоме нормальными марками. Для государственных и других больших музейных коллекций, имеющих общественно-научное значение, такого рода уродцы имеют некоторое значение и должны быть включаемы в состав таких коллекций. А заполнять коллекционеру свой альбом такого рода униками - это большое искривление филателии отживающей свой век буржуазией, с которым следует вести борьбу, как и со всяким извращением. Ведь пролетарское государство, всесторонне поддерживая и поощряя физкультуру, глубоко осуждает так называемое «рекорданэнство». Нечто аналогичное мы имеем и в данном случае. Своевременным будет филателистам всесторонне обсудить этот вопрос и, выявив отрицательные его стороны, постараться их скорее изжить.

Филателия, освобожденная в СССР, из под вредного влияния спекулянтов, впервые становится на научную ступень. Превращаясь в орудие-воспитания из барской затеи, она приходит на помощь беспризорным детям и вместе с тем должна вызвать из своей среды все творческие-силы к научно-воспитательной работе. Могут возразить, что для этой цели необходимо создать специальные школьные коллекции, выполняющие роль наглядных пособий. Но если мы не будем вести борьбу против «патологического» уклона, то он непременно проникнет в школы, окончательно заразит нашу молодежь и помешает хотя-бы частично выполнению той большой работы, которая возложена на филателию. Современная филателия должна освободиться от остатков буржуазного нездорового налета; должна совмещать в себе красоту и науку. Этого справедливо требует сама школа в лице школьного кружка юных коллекционеров города Златоуста, и этому требованию советской школы мы все должны пойти навстречу.

П.Буткевич

1925 год
№ 10 за май
страница 10

Новости в подделках.

До последнего времени среди фальсификатов марок можно было встретить почти исключительно редкости. До сих пор существуют, например, прекрасно подделанные первые марки Японии или, например, известно несколько хороших поддельных изданий русских марок 3½ и 7 рублей и так далее.

Но последнее время, очевидно, подделка марок приняла массовый характер; стали подделываться не только дорогие, но и дешевые марки. Введя заграничный обмен, я постоянно получаю из разных стран много фальшивых марок. Первое время, не умея в них разбираться, я много раз впадал в ошибку, принимая подделки за настоящие марки, брал их в свою коллекцию и высылал за них в обмен хорошие русские марки. Но постепенно, с помощью других коллекционеров, я поучился различать многие подделки и теперь хочу поделиться приобретенным опытом с читателями «Советского Коллекционера», чтобы те из них, которые ведут заграничный обмен, с большей осторожностью брали получаемые марки и избегали бы, по возможности, напрасных убытков.

В последнее время из Франции, Австрии, Литвы, Венгрии и других стран, шлют марки Греции 1896 по каталогу Ивера 108 - 112. Почти все эти марки поддельные, при чем, по видимому, существует несколько их изданий. С первого взгляда трудно определить их поддельность. Когда я первый раз получил эти марки и показал их некоторым старым коллекционерам, они СОЧЛИ их настоящими. У кого нет в коллекции ни одной марки из этой серии тому крайне трудно не впасть в ошибку.

При сравнении с настоящими марками подделки отличаются, во 1-х несколько большей величиной и, во 2-х, при рассматривании в увеличительное стекло, заметно, что работа гораздо грубее, что особенно ясно видно в отношении контуров рисунка, который у подделок очень толст. Кому же из получающих эти марки их не с чем сравнить, советую вовсе их не брать - будет вернее.

Далее, стали присылать марки Испании 1905 (серия Дон-Кихот, особенно 10 песет, стоящая по кат. 100 фр, тоже несомненно фальшивая).

Лично я получаю больше всего и лучше всего сделанные подделки из Вены. Там дошли до большого совершенства. Помимо простой фальсификации старых марок Австрии, там додумались до очень тонкой подделки. Недавно я получил в обмен марки Австрии 1858 №6-13 и 22-23 и соответствующие им издания Ломбардии-Венеции и Леванта) чистые и гашеные. Марки казались вполне безукоризненными, и я хотел взять их себе. Но наученный прежним опытом я решил предварительно показать их другим коллекционерам. Все, кому я показывал их, нашли, что марки настоящие.

Честь открытия секрета принадлежит И.И.Пастухову. Сначала, когда я показал ему эти марки, он тоже признал их настоящими. Как известно эти марки, после прекращения их обращения, были снова изданы для коллекционеров, это так называемые новоделы. Но известно далее, что у настоящих марок зубцовка 15, тогда как у новоделов - 10½, 12, 12½ и 13. На полученных мною марках зубцы были 15. как и должно быть у настоящих марок.

Это побудило Пастухова признать их за настоящие. Однако очень легкое различие в цвете с оригинальными марками из его коллекции, заставило его еще раз тщательно рассмотреть мои марки. У него мелькнуло подозрение, не поддельны ли зубцы. Наложив мои марки на его, мы заметили, что мои марки меньше, уже и короче. Разглядывая зубцы в увеличительное стекло, мы заметили, во 1-х кое-где следы от других зубцов, и, во 2-х на некоторых уголках марок очень тоненький хвостик зубца, чего никогда не бывает у настоящих марок и не может быть. Явное доказательство, что каждая марка обрабатывается отдельно, а не в листах, Таким образом подозрение блестяще подтвердилось. Цвет моих марок тоже слегка отличался от оригиналов с гарантией, соответствуя описанию новоделов у КОЛЯ, Например, марка в 3 крейцера или в 3 сольди у новоделов больше желто-зеленая, а у настоящих синевато-зеленая.

В этой же посылке были марки Австрии и Венгрии с редкими зубцами 9^{3/4}. Обнаружив подделку зубцов в предыдущих марках, легко было заподозрить возможность подделки и этих зубцов, как ни казалось мне это в первый момент невероятным. И действительно, при изучении этих марок они оказались тоже меньше нормальных, что доказывало фабрикацию новых зубцов, за счет краев марок и кое-где оказались те-же тонкие хвостики.

Рассматривая потом разные подобные марки в своей коллекции, полученные ранее тоже из тех-же источников, я обнаружил, что эти редкости обязаны своим происхождением тем-же Фальсификаторам.

Таковы, например марки Австрийского Крита №№ 5а, 5в, 12а, 12в, 12с, 13а и другие. Тут дело уже гораздо сложнее, потому что операции подвергаются настоящие марки. Не верьте всем разновидностям зубцовок Австрии, Крита, Леванта и Боснии.

Даже такие дешевые марки, как Английский Крит № 2 - 5, Румыния №160-167 и многие другие, присылаются тоже подделанными. Особенно необходимо крайне критически относиться ко всякого рода надпечаткам Фиумс, Венеция, Левант, Крит, Александрия и тому подобное. Ведь если у нас делались поддельные надпечатки Украины, Дона, Кубани и тому подобное, то при высокой технике и изобретательности, которую показывают заграничные подделки, верить заграничным посылкам надо с величайшей осторожностью, особенно если на присылаемом материале нет гарантии солидной Фирмы или коллекционера.

Подделка дешевых марок показывает, что фабрикация подделок приняла массовые размеры и это побуждает относиться с крайним вниманием даже к самым обыкновенным маркам. Надеюсь, что эта краткая заметка поможет кое-кому из коллег, особенно в провинции, избежать досадных ошибок.

В.Сорохтин.

1925 год
№ 12/14 за июль
страница 13 - 14

Одноглавый орел с серпом и молотом.

(Дискуссионная).

Интересную марку выпустили социал-соглашатели в Австрии в 1919 году: одноглавый орел, на груди - национальные цвета, в одной лапе серп, в другой - молот. Может-ли какой другой документ нагляднее, чем эта марка, представить всю политику социал-соглашателей: сохранить старого геральдического орла с национальными цветами и в то же время стараться привлечь рабочих и крестьян демагогическим включением в герб Австрии Серпа и Молота? Разве эта марка не интереснейший документ, разве в умелых руках это не агитационный материал? Странно, почему тов. Самоделкин думает, что мы, златоустовцы, выбрасываем эти марки из своих коллекций... Нет, тов. Самоделкин, наоборот именно такие марки мы и собираем... Мы уже писали, что собираем только такие марки, которые о чем-нибудь говорят, вроде финляндской марки 1890 года, которая так много говорит о национальном вопросе, или же марок испанской революции, без которых тема «буржуазные революции» была-бы так бледна. Правда, у нас может получиться такая вещь: одна и та же марка «паровоз голодающим» может в первый раз быть наклеенной в теме «Революция 1917 года - разруха — голод» - вместе с азербейджанской маркой Помгола, а в другой раз вместе с американским паровозом Persel Post при характеристике техники XIX-го века. Но беда невелика: наклеим два экземпляра марки, а если нужно, и три... Во-всяком случае мы знаем, что мы ценим в марках. Мы ценим марку, как официальный документ эпохи. Что-же цените вы в марке, если собираете по странам все марки? Почему вы собираете марки, а не этикетки с пивных бутылок? Ведь и их можно собирать по странам, пивным заводам, по времени выпуска. Смысл один и тот же...

Нас интересует не марка, как марка, а марка, как исторический документ. Чем ярче говорит марка о чем-либо, тем ценнее она в наших глазах, тем охотнее мы включаем ее в свой альбом... Если же встать на точку зрения собирателей марок по странам, то какой же критерий особенного интереса к той или другой марке может быть, кроме редкости?.. Для нас ясно, что если собирать все марки, то логическим выводом должен стать повышенный интерес к «маврикиям», опечаткам, уродцам и так далее. Буржуазная филателия по своему права и прямолинейна: если собирать все марки, независимо от содержания, то, конечно, самой лучшей коллекцией будет та, в которой будет больше всего редкостей и так далее.

Мы по своему прямолинейны: если собирать только марки-документы, «говорящие» марки, то - долой маврикиев, бессодержательных Викторий, Вашингтонов, Оскаров, Георгов, как бы дороги на буржуазном рынке они ни были. Лучшая коллекция не та, в которой много редкостей, а та, которая дает из марок яркое содержание, у кого марки хорошо подобраны и расположены по темам культурно-исторического характера.

Но есть и третье направление. Оно желает оставить филателию, как она была, в неприкосновенности. И в то-же время как-то неловко признавать такие явно рантьерские

черты филателии, как интерес к сдвигам, патологии. И получилось: за старую филателию, но без патологии, без фетишизма, сдвигов, курьезов... Здесь уже логики мало... А как эта позиция походит на описанную выше австрийскую марку. Державу и меч, как явно неподходящие для Австрийской Республики выкинули, заменили серпом и молотом, а геральдический орел все тот же... Такова и соглашательская позиция в вопросе о том, что и как собирать...

Кружок юных коллекционеров Златоустовской Школы 2-й ступени

1925 год
№ 15 за август
страница 9

К статье «Марки на конвертах».

(В дискуссионном порядке).

Товарищ Сигорский в своей статье доказывает, что коллекционирование марок на конвертах является основным видом коллекционирования, а не специальной областью.

В основу своего доказательства он кладет марку, как почтово-денежный документ. С этой точки зрения товарищ Сигорский отчасти прав, но беда в том, что в настоящий момент на марку смотрят не столько, как на почтово-денежный, сколько как на исторический документ. Если же мы признаем за маркой ее историческую роль, то для нее совсем необязательно проходить почту. Негашеную марку еще лучше поместить в коллекцию, чем гашеную, так-как на ней лучше виден рисунок, исторический момент. В следствие предпочтения чистых марок гашеным отпадает возможность гашения их «по любительски». Товарищ Сигорский нападает на почтовые проекты, официально не выпущенные. А если эти проекты отражают данную эпоху или вообще чем нибудь интересны? Мы поместим их себе в альбом (может быть с некоторой оговоркой, но поместим). Теперь посмотрим, почему некоторые гашеные марки помещают в альбомы только в том случае, когда их видят на конвертах или на Обрывках конверта. Это объясняется нежеланием коллекционера заполнять свою коллекцию фальшью, когда можно приобрести не фальшь. И видя марку на конверте, убедившись, что она не фальшь, он помещает ее в альбом, на обрезке конверта или совсем отмоченную.

Но если даже мы откинем взгляд па марку, как на исторический документ, то все же товарищу Сигорскому можно возразить, что коллекция марок на конвертах, во-первых, не оставляет такого яркого впечатления, как коллекция, в которой отдельные марки расклеены по сериям в альбоме, вследствие того, что яркость впечатления скрадывается конвертами; во-вторых, собирая марки на конвертах, коллекционер слишком загромождает коллекцию. А как развернуться коллекционеру со своей коллекцией марок на конвертах, если он собирает марки всех стран? В третьих, получить марки на конвертах, особенно старых выпусков является едва ли возможным, а также для получения заграничных марок на конвертах нужно их выменивать у иностранных коллег. Все это сопряжено с нежелательными, а может быть и невозможными затратами средств, так как придется обмениваться не письмами, а цельными посылками, что при ограниченных средствах среднего коллекционера и коллекционера рабочего невозможно. Юным же коллекционерам придется или переходить на специальную область коллекционирования или «прикрывать лавочку».

Из всего этого вытекает один вывод, что коллекционирование марок на конвертах является специальной областью коллекционирования, доступной не каждому коллекционеру. Основным же массовым видом коллекционирования является именно коллекционирование марок без конвертов.

О.Заостровский, Вейденбах.

1925 год
№ 16 за август
страница 8

По поводу Златоустовской платформы «Что и как собирать». (В порядке дискуссии)

Способы и цели коллекционирования, конечно, могут быть чрезвычайно разнообразны. Также могут быть различны до бесконечности и объекты собирания. Поэтому писать какие-либо законы для способов собирания бесполезно. Но практика и наука выработали некоторые приемы коллекционирования, которые при наименьшей затрате энергии дают наибольшие результаты. Особенно это относится к филателии.

Совершенно справедливо, касающаяся этого вопроса «Златоустовская платформа» определяет филателиста, как «собирателя исторических документов, подлинных свидетелей эпохи». Но это только одна сторона. Филателист также собирает коллекцию и для того, чтобы на ней, сообразно с природой таких исторических документов каковыми являются «знаки почтовой оплаты» изучать, как отразилась эпоха в этих документах и как можно охарактеризовать эпоху, отразившуюся в них. Эта последняя задача, по видимому, рисуется и перед златоустовцами в их рассуждениях о «темах», но она сумбурно перемешана с первой задачей.

Таким образом в филателии определяются два момента: первый - собирание, систематизация, хранение исторических документов, второй - изучение собранного и систематизированного таким образом материала. По времени они, конечно могут и должны совпадать, но ясно, что приступить к изучению можно лишь имея достаточный и разнообразный материал.

Для хранения всяких исторических документов в таком виде, чтобы было легко найти нужный документ или ряд документов, должна быть особая система. При исчислении почтовых марок десятками и сотнями тысяч экземпляров система должна быть строго, научно продумана иначе исследователь утонет в своем марочном море. Ясно, что как исторический документ, отражающий движение во времени, филателистический объект прежде всего должен быть расположен в системе, отражающей это движение в порядке хронологическом. Но так как марки издаются каждым самостоятельным государством и исторический процесс, пока что, идет в известной степени особенно в каждом государстве, то, разумеется, марки должны быть расположены в соответствии с органами, выпускающими их, то есть в настоящее время по государствам. Является ли эта система идеальной, это другой вопрос, однако мы можем сказать, что эта система является самой лучшей и единственной, дающей возможность свободно разбираться и читать своеобразную историю, рисуемую марками.

При этом необходимо иметь в виду одно исключительной важности обстоятельство. С моей точки зрения, филателист всегда должен быть готов открыть свою коллекцию и для других коллег, изучающих те или иные отражения эпохи, проявляющиеся в марках.

А для этого марки должны быть расположены в таком порядке, чтобы всякий исследователь быстро мог найти ему нужное и в правильном соотношении.

Таким образом, как может быть увидят и златоустовцы, ничего решительно специфически буржуазного, а тем паче - бессмысленного в собирании марок по государствам нет. Как раз наоборот.

Когда коллекция правильно систематизирована, тогда легко, не боясь впасть в ошибки от отсутствия известного числа документов, можно приступить к изучению того, как отражают эпоху марки. Вот тут уже место - темам. Сообразно своим задачам, интересам, взглядам и знаниям, каждый исследователь может подходить к собранному материалу с разных сторон. Один будет изучать на одном и том же материале, как отразилась мировая война, другие искать отражение флоры, фауны, обычаев страны,

третьи отражение взглядов на искусство данной эпохи и так далее до бесконечности. И опять-таки, чтобы дать возможность подойти с разных сторон, коллекция должна быть расположена в научно объективном, то есть хронологическом и по месту выпуска порядке.

Но исключает ли вышеуказанная система собирание коллекций по темам? Конечно, нет.

Как я уже сказал в начале статьи, нельзя предписывать законы собирания коллекций. Но нужно задаваться «темами», которые соответствовали бы природе марки, нужно иметь ввиду при этом, что такая коллекция может служить лишь одной какой-нибудь теме, а главное - не нужно считать собирание по «темам» способом только что открытым и объявлять способ систематизирования хронологически и по государствам «бессмысленным» и делать отсюда категорические выводы.

Итак, златоустовцы желают собирать по «темам». Очень хорошо, в особенности если они сумеют справиться с тем материалом, каковым являются марки. Но тут у меня является печальное сомнение. Из всей последующей риторики мне, к сожалению, становится ясным, что они марки почти совсем не знают, очень мало даже видели и пишут свои заключения вовсе не на основании конкретного материала, а придумывают, приклеивают свои теории из головы. Образом служит ряд примерных тем, приводимых платформой.

Во-первых, полное незнание или жизни первобытных народов или марок французских колоний даст им основание говорить, что по этим маркам, можно дать полную характеристику жизни первобытного общества, кочевого общества, скотоводства (огородничества?). Давно ли златоустовцы открыли, что первобытное общество ходило в кепи французских генералов, одевалось не в шкуры, а в ткани, имело каменные постройки причудливой архитектуры, ездило на оседланных лошадях и так далее. Марки эти дают некоторые картинки жизни современной во французских колониях и это очень поучительная «тема». Не требуйте от марки больше того, что она может дать, ибо дать она может и так очень много.

Теперь темы: «Развитие капитализма», да еще с подразделениями:

- «балканская война», «мировая война» и уже нечто совсем замечательное «экономические предпосылки империализма». Понимаете, коллекция «предпосылок», да еще «экономических!».

Дальше: ..А как красиво (! ?) выглядят страницы версальского мира ила же эпоха инфляции и денежных реформ после Версаля. Очень следовало бы просить златоустовцев выслать в Москву эти «красивые» страницы. Может быть они оказались бы полезными даже и товарищу Бухарину и Наркомфину Сокольникову и другим теоретикам и практикам экономики и финансов. Но боюсь, что у златоустовцев такие страницы имеются только «в уме».

Ясно, что полной характеристики, картины ни «мировой войны», ни «инфляции» ничего даже подобного марки дать не могут. Это могут дать специально разработанные труды, которые должны базироваться на разработке всех исторических документов данной эпохи, в том числе и знаков почтовой оплаты, и эта роль марки велика, ее не нужно преуменьшать, но и не преувеличивать этой роли, а то получится не история, а скверный анекдот.

Я останавливаю некоторое внимание еще на теме «мировая война». Это мне необходимо, чтобы показать, как неясно, неконкретно, представляет «платформа» филателию.

Конечно, как я уже сказал, одними почтовыми марками нельзя изобразить такой громадной картины, как мировая война но МОЖНО определить, как отражалась в марках

мировая война. Подойдем и к этой теме не отвлеченно, а конкретно.

Прежде всего посмотрим, как отразилась мировая война на марках России, затем, взяв это отражение на марках других государств, мы научно можем подвести общий итог.

Как же отразилась война на марках России? По рецепту златоустовцев мы должны взять лишь четыре марки с содержанием - благотворительные выпуск 1914 года. Только четыре, ибо остальные им не нужны - разница в бумаге, в зубчиках, это все от «лукавого» - буржуазии. Какая же получится картина? Никакой. Я думаю, с этим согласятся и златоустовцы. А между тем мировая война ярко отразилась на марках.

Уже в 1915 году появляются марки выпуска 1906 года, но без зубчиков. (Вот они «зубчики» и «беззубчики» (оказывается они что то и весьма важное характеризуют). Появились они без зубчиков, потому что перфорировальные машины перепортились, чинить их было некому и некогда.

Дальше идут надпечатки на 7 и 14 копеечных - падение валюты - первый звонок - «Что же это», - ничего не говорящие цифры? Дальше вместе с почтовыми марками попадают на оплату писем денежные знаки того времени—государственный аппарат начинает давать перебои. Чем дальше к 1911 году, тем больше начинает появляться всяких отпечаток, переверток, сдвигов и они становятся, так сказать, более разнообразными государственный аппарат слабеет, распадается.

Итак, не на марках «с содержанием» отразилась «мировая война» в России, а на очень обыкновенных прозаических марках, на всех этих зубцах, перевертках, оттенках «ухудшение качества красок во время войны». Что, если бы мы, по рецепту златоустовцев, сожгли этот материал?

Отсюда явствуется ответ и на другой важный вопрос, затронутый златоустовцами - нельзя никоим образом для полной коллекции игнорировать разновидностей, опечаток и так далее. И вообще, как правило, нет марок «без содержания», хотя быть может часто весьма важное «содержание» выявляется в процессе изучения, и именно для «тем» такие марки и оказываются незаменимо нужными.

Теперь, в заключение, несколько слов о «раритетах». Если каждая марка для филателиста, да и вообще для историка, является историческим документом, то таковым же является и раритет. Поэтому с презрением отзываться о раритетах не приходится, и для полноты картины, таковые в коллекции также желательны как и не раритетные марки.

Конечно, погоня за раритетами, как за таковыми, ничего общего с филателией не имеет. Некоторым раритетам место только в музеях, но ничего нельзя возразить и против того, если какой-либо коллекционер, имея достаточно свободные средства, будет приобретать и систематизировать раритеты, лишь бы его коллекция, как и музейные коллекции, всегда была готова послужить исследователям, не имеющим этих раритетов.

Мы готовы признать за рассуждениями златоустовцев проявление их личных взглядов на филателию, имеющих некоторое значение, хотя, обоснованных весьма отвлеченно и без надлежащего знания материала, но признать их взгляды за филателистическую «платформу», а тем паче за «декларацию прав трудящихся филателистов» решительно отказываемся.

В.Олендзский
Член президиума Московского Отдела ВОК.

1925 год
№ 17 за сентябрь
страница 6 - 8

В защиту Златоустовской платформы (Дискуссионная)

В длинной статье обрушился уважаемый В.К.Олендзский на златоустовцев. Попытаемся дать критику его критики.

I. Товарищ Олендзский считает, что каждый филателист должен быть «собирателем, систематизатором и держателем» марок, и, как таковой, должен располагать марки по странам. Возьмем, как это претворяется в жизнь. Филателист специализируется на определенных странах. Положим, что всего по Иверу в данной стране 189 марок - у филателиста 160. Он их располагает по нумерации каталога, недостающие выписывает, ведет обмен по манколисту, пока не добудет все 189. В случае если требуется определить разновидность или установить подлинность, он исследует бумагу, использует зубцемер, разглядывает марку в лупу. И дальше? Это все... Хоть товарищ Олендзский и будет протестовать, но я все таки полагаю, что вправе назвать такую филателию бессмысленной. Далее в его статье говорится о какой-то систематизаторской работе коллекционера. Какой? Ведь все готово в каталогах. Альбом, составленный по странам - копия каталога. Ни для какой систематизации, ни для какого исследования при подобном методе коллекционирования места нет. Если мы установим подлинность и определим разновидность, у нас не будет стимула даже разглядеть хорошенько марку. Это мертвящий метод, который имеет смысл только для тщеславного рантье, желающего похвастаться ценой своей коллекции и ее полнотою. По моему, все зло в филателии именно от того, что филателист на нервном плане считает себя «собирателем и хранителем», считай «собственником» коллекции, а не исследователем. Это и есть должный быть чуждым для нас элемент собственничества.

II. Вторым моментом товарищ Олендзский считает изучение собранного и систематизированного материала. Перейдем к конкретному примеру. Положим вас, как художника, заинтересовало изучение стиля «модерн» в марках. Тема интересная, может потом вылиться в серьезное исследование, сопровождаемое прекрасно составленным экспонатом на выставке. Как же вы по совету товарища Олендзского, должны приступить к изучению темы? - Сначала собрать все марки всех стран, все их разновидности, зубцовку, водзнаки, сдвиги, расположить их по странам в хронологическом порядке и только после этого подбирать интересующий вас материал. Нелепость рецепта говорит сама за себя. Если вы интересуетесь модерном в марках, зачем собирать, что попало. Интересуюсь модерном - собираю модерн. А в качестве систематизированного материала буду, конечно, пользоваться каталогом Ивера. Ведь каталоги существуют не только для выкачивания прибыли для фирм; они имеют колоссальное значение. Каталоги завершают скучную и кропотливую работу систематизации марок, проделанную раз навсегда. Вновь проделывать эту работу так же бесцельно, как снова измерять расстояние между Ленинградом и Москвой. Вот, где ваша Ахиллесова пята, товарищ Олендзский. Вы забыли, что ваш «первый момент» уже давно, зафиксирован Зенфом, Ивером и т. д. Остается только лишь ваш «второй момент», к которому и призывает «Златоустовская платформа».

III. Товарищ Олендзский сомневается: вряд ли марка может дать исчерпывающую картину на данную тему. Конечно, странным был бы тот историк, который хотел бы построить исключительно на марках историю мировой войны. Также, как странно и нелепо устроить, например, историю исключительно на мемуарах. Тем не менее для историка мемуары могут быть прекрасным иллюстрирующим материалом. Нечто подобное может дать и специально исследованная и подобранная коллекция марок.

Кстати товарищ Олендзский удивляется, как МОЖНО марками французских колоний иллюстрировать тему о низших ступенях культуры и первобытном хозяйстве: ведь во французских колониях гуляют генералы в кепи какое там первобытное хозяйство? Верно, там к настоящему времени ходят генералы в кепи. Но и 3000 лет тому назад, когда сами французы были первобытным народцем, и у них ходили чужие генералы, только не в кепи, а в шлемах Одиссея и финикийских купцов... Это ничего не значит - в чистой форме тип хозяйства найти невозможно, выводы же делать не мешает. А на современных отсталых народах историки изучают наше прошлое уже давным давно. Значит, не такие уже невежи златоустовцы, когда они иллюстрируют примитивное хозяйство французскими колониями... Марка Dahomey Uvert 43 не дает разве представления о присваивающем характере хозяйства? Эту марку можно поместить прямо хоть в учебник истории развития хозяйства. А марки Дефебра (генерала в кепи) соберет интересующийся темой «Колониальная политика империалистических стран».

IV. Товарищ Олендзский, указывая на значение зубцовок, сдвигов и так далее, считает необходимым различать по ним марки. Наше мнение: ни зубцовки, ни сдвиги, ни бумага, ни водзнак самодовлеющего значения в филателии не имеют и лишь когда они отражают какое-либо важное явление, необходимо обращать внимание и на них. Например: вообще говори водяной знак филателю (если исключить вопрос о подлинности) ни чего не дает: не все-ли равно, какой водяной знак на марках английских колоний, - корона ли с буквами С.А. или же корона и С.С. Но когда на марках независимой Палестины мы находим ту же корону с буквами С.А. это очень и очень говорящий водяной знак. Я думаю, что позиция златоустовцев в данном вопросе ясна.

V. Товарищ Олендзский указывает, что у златоустовцев коллекции никуда не годны. - Действительно, когда знающий рыночную цену марок старый филателю осматривает коллекцию златоустовцев, он разочаруется: одни пятисантимные марки. Ни одной сколько,нибудь дорогой. Понимаю, почему такими бледными показались бы для Олендзского страницы «Эпохи инфляции и денежных реформ». Там все самые простые, дешевые марки. А мы как раз этими страницами и гордимся: они дают довольно яркую картину инфляции и денежных реформ во всех странах. Вот в том-то и заключается «декларация прав», что собирающий по странам должен для сколько-нибудь интересной коллекции затратить крупные суммы, интересующийся же какой-либо темой может составить интересную коллекцию и из самых дешевых марок. Следовательно наша филателия более доступна массам. А в СССР филателия будет или доступной массам, или же ее совсем не будет.

М.Сюзюмов.

1925 год
№ 17 за октябрь
страница 5 - 6

Златоустовская платформа и молодежь

Златоустовская платформа, всколыхнувшая общественное мнение советской филателии, имеет для нас, юных коллекционеров, особенно важное значение. Дискуссия о ней сразу резко разделила всю коллекционирующую массу на две части: «за» и «против», и как раз «за» оказались в большинстве случаев юные. Более 75 секций, принявших участие в дискуссии, высказались более или менее окончательно «за». Многие из них не приняли платформу в частностях, но в целом ее приняли почти все.

Главные поправки, которые вносили на местах товарищи: 1) Возражение против собирания бракованных и неотмытых грязных марок, 2) Возражение против собирания только «картинок».

Первый пункт чрезвычайно показателен. Раз места возражают проитив помещения в коллекцию бракованных и грязных марок, следовательно, уже повсеместно укоренилось мнение: «Бракованная марка - не марка», следовательно, на местах филателия приучает молодежь к порядку и опрятности. А как раз эти то качества филателии и дают нам возможность говорить, что филателия есть помощница педагогики.

В данном случае дискуссия выявила очень интересный для всех факт. Кстати сказать, и сами Златоустовцы. видимо, отошли от своих основных принципов по данному вопросу, так как недавно вернули Распредотделу ВОФ несколько бракованных марок, посланных им по недосмотру.

Переходя к пункту второму, следует сказать, что здесь, видимо, многие товарищи не вполне ясно поняли Златоустовскую платформу. Не обязательно, чтобы марка имела красивую наружность, а важно, что-бы содержание её рисунка давало какой-либо материал и в частности Златоустовцы в статье «Одноглавый орел с серпом и молотом» обращают наше внимание па марки Австрии выпуска 1919 года с изображением орла, держащего серп и молот, про которую никто не скажет, что она картинка, а между тем марка послужила даже темой для статьи.

Таким образом суммируя результат дискуссии, следует отметить, что крупных принципиальных возражений против платформы молодежью до сих пор не выдвинуто, а наоборот, многие секции последовали примеру Златоуста и ведут общесекционные коллекции но темам.

В заключение ладим ряд цифр, характеризующих отношение секций юных коллекционеров к платформе Златоустовской С.Ю.К.

Безоговорочно за платформу высказались 8 секций с 420 членами. За платформу, по с исключением пункта о помещении в коллекцию бракованных марок 29 секций с - 138 членами, за платформу, но с более детальными изменениями - 9 секций с 118 членами. Против платформы полностью ни одна секция не высказалась. Не приняли участия в дискуссии 16 секций с 553 членами Таким образом 75% секций приняли участие в дискуссии и из них почти все 73% высказались за платформу.

М.Артамонов.

1925 год
№ 22 за ноябрь
страница 10 - 11

Чем занимаются в «культурной» Европе.

Политические верхушки Западной Европы занимаются вершением, конечно, политических судеб европейских государств. Однако это дело высокой политики не мешает им заниматься и ... фальсификацией различных документов и знаков когда это им нужно и выгодно.

Но если венгерские сиятельные фашисты и министры не брезгают подделкой французских франков, болгарских стотинков, румынских лей, чехословацких крон и так далее; если «благородную» руку Лиги Наций можно было найти на фальшивом письме Зиновьева в Англии и на «бланках Коминтерна» в Германии; если англичане сумели арестовать советника нашего торгпредства в Китае на основании фальшивого мандата, якобы у него найденного, а на самом деле сфабрикованного с их ведома русскими белогвардейцами; если имеются на лицо такие «культурные» факты «высокой политики», - то ничего нет удивительного в том, что и филателия «культурной» Европы по ее доброкачественности недалеко ушла от политики.

Фальсификаты.

«Bernier Briefm Zeit» сообщает о следующих фальсификатах.

Марка Ганновера 1860 г- 1/2 гр. встречается подделанной не только чистая но и гашеная, при чем штемпель погашения «Фрейбург 17.10» также подделан. От настоящих марок подделку можно отличить по жирной надписи, по более овальному «О» в слове Ганновер и по более гладкой бумаге. Подделка не новая и уже была описана. К повторному описанию ее побуждает то, что фабрикат после значительного перерыва вновь выпустил ее в свет.

Тот же, по видимому, источник распространяет фальшивые марки Нейденбурга. По крайней мере бумага у той и другой фальши одинакова. Для гашения этих фальсификатов употребляется фальшивый 15-линейный ромбовидный штемпель. Для большей естественности фальшь имеет пятна.

Французский фальсификатор Г. Чернин (Париж), о котором уже сообщалось в „С. К." и который распространял фальсификаты швейцарских марок воздушной почты в настоящее время выпустил новые подделки. Эти фальсификаты служебных марок Лиги Наций и международного рабочего Союза. Для этой фальши употреблялись обыкновенные гашеные марки (Frcimarken), которые получили поверх штемполя фальшивую надпечатку «Societe des Nations» или: «S. de N. Bureau international du Travail».

Этот фальсификат распространяется почти исключительно из Генуи.

Из Парижа распространяется фальсификат румынской марки юбилейного издания 1903 года. Признаки фальши: желтоватый клей, немного неправильная зубцовка и несколько не соответствующие оригиналу краски. Из того-же источника распространяются фальшивые марки с каретой и правительственное юбилейное издание Болгарии. Необходима большая осторожность при приобретении перечисленных трех серий.

Наконец появились подделки марок Эстонии (Цумштейн №5 - 8) и итальянских надпечаток (Цумшт. № 192-395). Первые отличаются от подлинных «незначительными» изменениями в цвете бумаги и печати и опасны лишь тем коллекционерам, которые не имеют под рукой оригиналов для сличения. Вторые на первый взгляд исполнены очень хорошо, и лишь при тщательной экспертизе выступают незначительные изменения оригинальной надпечатки, особенно у двухсторонних звезд. Этих фальсификатов надо опасаться, когда дорого стоящие их номера предлагаются по дешевым ценам.

Таким образом, как мы видим, филателистическая культура буржуазной Европы

нисколько не отстает от ее политической культуры.

Но если Лига Наций через посредством Дружеловских и Ко не стесняется подделывать советские и коммунистические документы, а венгерские фашисты используют для фальсификации свои госорганы, то буржуазные филателисты фальсификаторы не стесняются подделывать документы и самих высокопоставленных фальсификаторов, как это наблюдаем мы с марками той же Лиги Наций.

Интереснее всего то, что Лиге Наций против фальсификации ее марок и возразить нечего.

В самом деле, если с санкции и проискам Лиги Наций подделываются документы громадной политической важности, то какое право имела бы она протестовать против подделки ее марок, имеющих лишь сравнительно небольшое значение, хотя и являющихся документами? С удовлетворением констатируем, что в СССР за прошлый год не выпущено в свет ни одной фальшивой марки.

1926 год

№ 3 за март

страница 5 - 6

Марки гашенные и не гашенные.

До сих пор спорным для коллекционеров является вопрос о преимуществах собирания знаков почтовой оплаты в гашенном или не гашенном состоянии.

Помимо того, что «о вкусах не спорят», в этом вопросе имеются вполне определенные признаки целесообразности собирания марок в том или другом виде. Надо лишь смотреть на дело не с внешней стороны, а по существу его.

Филателия, как одна из подсобных исторический дисциплин, имеет перед собою две самостоятельные задачи, а именно: она должна быть используема прежде всего в направлении научно историческом, а затем в технически – художественном. Поэтому ясно, что в первом случае преобладающим элементом собирания должны являться марки гашенные, как использовавшие свое назначение и этим приобретшие возможность стать историческим документом, во втором же случае по весьма понятным причинам – не гашенные.

Первый случай характеризуется следующим примером. У пишущего эти строки имеется весьма интересный конверт денежного письма, сданного в почтовую контору в Тронгэунде (Финляндия) 23 VI 97 (нового стиля), что видно из погасительного штампа на почтовых финляндских марках в 14 и 3 копейки русского типа «с кружочками». Подателем этого письма, как указано на конверте, был один из личного состава команды броненосца «Гангут». Адресовано письмо в С.-Петербург, и с петербургский почтовый штамп содержит в себе дату получения письма – 13 июня 1897 года (старого стиля). За это же время в газетах появилось извещение, что в ночь на 12 июня (ст. ст.) приблизительно на 60° 30, 40" сев.шир. и 28° 30,15" вост. долг. между полуостровом Кинфортом и мысом Крюсфортом, наткнувшись на не нанесенный на картах подводный камень, погиб эскадренный броненосец «Гангут».

Таким образом посылка этого письма была, вероятно, одним из последних жизненных актов погибшего судна, а благодаря имеющимся на конверте почтовым штампам, оно вместе с тем является неопровержимым доказательством, что броненосец еще существовал на Тронгзундском рейде в течении дня 11/23 июня 1897 года, а находившиеся на нем люди, занимались своими повседневными делами, не предполагали, что их судну предстоит скорая гибель.

Что касается марок, не бывших в употреблении (не гашенных), то они прежде всего должны служить образцами графической и художественной техники данной эпохи, и, конечно, в этом смысле, такие марки всегда будут предпочитаемым маркам, бывшим в употреблении, страдающим часто от жирной краски штампов погашения и от различных случайностей, с коими нередко бывает сопряжена пересылка писем по почте.

Из сказанного ясно, что полной нормальной филателистической коллекцией может быть лишь смешанного состава, то есть состоящая из знаков почтовой оплаты, бывших и не бывших в употреблении, так как лишь при таких условиях она будет удовлетворять вышеуказанным двойственным требованиям, положенным в основу филателии, как подсобной дисциплины.

Идеально такая коллекция марок представляется в следующем виде: для каждого выпуска, а также и для отдельного издания всякого выпуска, если только эти издания отличаются чем-нибудь одно от другого, как-то: по цвету, печати, бумаге, зубцам, водяному знаку и пр., должен быть образец марки в не употреблённом состоянии с полным неповрежденным клеем. При этом предпочтительно не в единичном экземпляре, а в паре или блоке, а где это возможно, то и цельным листом. Затем, как бы в развитие дальнейшего существования данной марки, должны следовать образцы ее в гашеном виде и опять-таки для придания полноты впечатления и законченности, не снятыми с оболочки письма, а на целых письмах, где это невозможно, - как, напр., для специальных марок для посылок,

маловесных пакетов или денежных переводов, - на вырезках обложек, что бы имеющие значение погасительные штемпеля и другие отметки могли сохраниться полностью. Число таких бывших в употреблении экземпляров само собою может быть в каждом отдельном случае неограниченно, и будет находиться в зависимости от того, какое обладатель коллекции придает значение разнообразию погасительных и иных почтовых штемпелей.

У известного германского филателиста А.Бунгерца есть одно сочинение, носящее оригинальное название «Vom Ateliervzum Schalter», то есть «От мастерской до прилавка». По своему содержанию этот труд является характеристикой первого периода существования марок, часть которых в не употребительном виде из почтового окошка попала в альбомы собирателей, не выполнив той роли, какая им предназначается при самом их заготовлении. Что же касается всего остального количества выпускаемых почтовыми учреждениями марок для их прямого назначения - для надобностей почтовой оплаты, то в отношении этой группы марок как бы само собой напрашивается другое определение - «От прилавка к жизни».

По степени редкости марок и каталожной расценке их, не употребленные (не гашенные) марки всегда ценятся несравненно выше гашеных. Однако есть несколько исключений из этого правила. К числу их относятся марки следующих стран: из европейских государств – вольные германские города Бергедорф и Любек, Мекленбург-Стрелиц, Шлезвиг-Гольштейн, остр. Гельголанд, Папские (церковные) владения – последние два выпуска, Романья, республика Сан-Марино; из вне – европейских – Новая Республика (в Южной Африке), Тихоокеанская параконная компания, остр. Принца Эдуарда, остр. Самоа (первый выпуск), Шанхай (первый выпуск), Стелла-ланд (в Южной Африке), Компания Суэцкого канала и Уругвай (два первых выпуска).

Причина того, что перечисленные марки ценятся выше в употребленном виде, заключается в том, что сравнительно малое количество их было использовано для надобностей почтовой оплаты, а так же отчасти и потому, что по выходе их из обращения не использованные остатки их были проданы марочным торговцам. Допустима еще и третья причина: в прежнее время не везде были введены в употребление штемпеля погашения, и марки гасились перечеркиванием или надписями чернилами, или иногда даже карандашом, что в некоторых случаях не выполнялось и марки оставались незатронутыми, не неся на себе никаких следов погашения. Конечно, тут надо принимать в расчет лишь не употребленные оригиналы марок, а не новоделы, которые весьма естественно всегда должны цениться дешевле оригиналов. Однако бывают и здесь исключения. Так, например, некоторые из новоделов - марок Северо-Американских Соединенных Штатов ценятся выше оригиналов.

В виду значительной разницы в расценке экземпляров вышеуказанных марок в гашеном и не гашеном состоянии, весьма естественно является большой соблазн для фальсификаторов снабжать такие марки фальшивыми штемпелями погашения, повышая этим их стоимость. Поэтому при приобретении марок, стоящих дороже в гашеном виде, нужно быть очень осторожным и всегда удостоверяться в подлинности имеющихся на них штемпелей погашения. В некоторых случаях даже и подлинные погасительные почтовые штемпеля еще не могут служить гарантией того, что марка исполнила свое назначение. Это бывает в тех случаях, когда штемпеля накладываются на марках в почтовых учреждениях по специальной просьбе (так называемые «Штемпеля одолжения» - Gefällig keitsstempel), в большинстве случаев торговцев, заготавливающих упрощенным способом запасы гашеных марок для удовлетворения спроса со стороны своих покупателей. Иногда к этому способу прибегают и сами собиратели, желая иметь в своем распоряжении более красивые экземпляры гашеных марок с аккуратно поставленными и разборчивыми штемпелями. Торговцы, обыкновенно, не находят нужным даже наклеивать такие штемпелеванные по их заказу марки на кусок бумаги, а пускают марки в продажу с совершенно не затронутым оригинальным клеем.

С другой стороны, тут нельзя не упомянуть еще об одном интересном обстоятельстве, касающихся марок некоторых стран, где допускается использование для почтовой оплаты марок давно вышедших из обращения и заменённых другими, но сохраняющих по законам государства, их выпустившего, свою платную стоимость. К числу таких государств относится, например Англия, где допускается оплата почтовых отправлений всеми существующими до сего времени в этой стране марками. Во Франции до последнего времени точно так же признавались действительными марки всех прежних выпусков, за исключением лишь так называемого Бордосского выпуска 1875 года во время франко-прусской войны. В Соединенных Штатах Северной Америки пригодны для оплаты выпуски марок, начиная с 1861 года.

Таким образом, вполне возможны, хоть и мало вероятны случаи нахождения на письмах, идущих из названных стран, марок, давно уже вышедших из обращения и погашенных современными штемпелями.

Ленинградец

1926 год
№ 3 за март
страница 6 - 8

Новые подделки.

За последнее время появилось большое разнообразие поддельных марок французских колоний типа марок Франции 1876 - 77 годов. Подделки очень опасны так как исполнены хорошо, может быть даже подлинными клише, и отличить их от настоящих довольно трудно. При распознавании их прежде всего останавливает внимание общее впечатление некоторой ступенчатости, расплывчатости исполнения, как будто клише износились. Затем, если мы положим рядом настоящую марку и поддельную, то при рассматривании в лупу на последней замечается некоторое несоответствие деталей исполнения, в особенности глаз и других частей лица, с таковыми на подлинниках. На подлинниках эти части лица хорошо и отчетливо проработаны, тогда как на подделках они смутны и лишены подробностей, особенно глаза, представляющие на подделках сплошное пятно. Большинство подделок заштемпелеваны, но бывают и неупотребленные. Далее, в некоторых сортах имеется различие в цветах, например, заметно отличается цвет фиолетовых марок, в два франка. Имеется различие и в бумаге: на подделках она, по большей части, довольно темная, но марка в 15 сантимов, - голубая, всегда исполнена на бумаге с квадратиками, что особенно вводит в заблуждение.

Посылаются эти марки главным образом из Вены О.Винтером, Кубатом и другими, а также из Венгрии. Согласно сообщению моих корреспондентов, в Чехии и Франции подделка марок преследуется законом. Поэтому вероятнее всего, что их главный склад в Вене.

Новостью являются также подделки английских колоний. Первую из них марку С.Винцента я получил еще в прошлом году от О.Винтера. Марка была с водяным знаком, звездой, но он-то и навел меня на сомнение. Линии водяного знака тонки и жидки и в них нет той четкости, которая присуща водяным знакам настоящих марок. Общее впечатление водяного знака - какая-то несолидность. Усомнившись в водяном знаке, я стал изучать марку в лупу и заметил, что и исполнение самой марки хуже, неряшливее, чем на подлинных марках. Но, конечно, хорошо сравнивать, когда есть с чем, но не всегда это возможно. Поэтому мой совет, весьма осторожно относиться к маркам английских колоний, идущим из Вены и Венгрии.

Последнее время я получил подделки разнообразных английских колоний с водяными знаками СС и СА, например, Бермуду, Британскую Гвиану и др. Водяные знаки все также тощи, жидки и несолидны.

Из числа подделок, имевшихся ранее и упоминаемых в каталогах, за последнее время посылают, например, марки Сербии 1904 года № 74 - 81. Они исполнены очень хорошо и без сравнения с настоящими не возбуждают сомнения. Но при сравнении заметна некоторая разница в цветах исполнения и в бумаге. Например, лиловая марка в пять динаров светлее, чем следует. Заметна также некоторая небрежность исполнения, которую, однако, не представляется возможности как-либо точно определить с тем, чтобы такое определение дало бы способ отличать подделки от подлинников. Имеются также поддельные Сербия № 58 - 59 и другие.

Марки австрийской оккупации в Сербии с прямой надписью попадают с надпечатками, сделанными более крупным шрифтом, чем это следует. Очень трудно разбираться в марках венгерской оккупации.

Недавно я и А.Э.Мюллер получили серии Арада от Р.Питтнера из Вены. На оборотной стороне марок имелась какая-то гарантия, видимо, самого Питтнера. Он писал, что эти марки становятся все более редкими и их трудно доставать. При сравнении с имеющимися у меня оказалось: надпечатки были сделаны шрифтом почти тождественным

по форме с надпечатками на имеющихся у меня марках Арада с гарантиями, полученными из хороших источников. Но только шрифт надпечаток марок, присланных Питтнером, был несколько *больше*, чем на имеющихся у меня марках. Посмотрев каталог Михеля, я нашел там указание на такие подделки.

Существуют подделки всех марок оккупации, их очень трудно обнаружить и наверно большая часть имеющихся у нас этих марок фальшивы. Столь же трудно разобраться в марках CSR, тем более, что они печатались литографским способом, почему каждая марка в листе может иметь вариации и в шрифте и в наклоне надписи.

Появились также некоторые марки Персии, напечатанные штампами, купленными у персидского правительства. Бумага та же, на которой печатаются новоделы Бельгии, Красный крест, Румыния, Босния, первые издания и прочие. Бумага и клей белые, слишком новые, такой клей не может быть у марок, лежавших 20 лет и более.

Наши провинциальные коллеги проглатывают все, что им посылают из-за границы. Им труднее нас, москвичей, знать о добросовестности тех или иных иностранных филателистов, труднее избежать напрасных потерь и засорения своих коллекций фальшью.

В.Сорохтин.

От Редакции:

«Советский Филателист» уделяет серьезное внимание вопросу охраны коллекционеров от фальши и неоднократно помещал статьи о подделках. Нам известно, что московские коллекционеры считают эти статьи очень полезными. Но *мы* совершенно не слыхали по этому поводу наших коллег из отделов. Желательно было бы узнать и их мнение и запросы и узнать, помогают ли им эти статьи и заметки.

1927 год
№ 2 за февраль
страница 4 - 5

Выставка в Страсбурге.

Торжественное открытие Интернациональной Филателистической выставки в Страсбурге произошло в субботу, 4, во дворце Рейна. Огромный наплыв посетителей, наблюдавший на выставке, объясняется тем, что среди экспонатов, общая стоимость каковых достигала 100 миллионов франков, имелись экземпляры необычайной редкости, уникалы, пользующиеся мировой известностью, познакомиться с которыми представляло большой интерес не только для филателистов, но и для широкой публики. Наплыв покупателей у двух окошек для продажи марок был так велик, что пришлось ограничить количество экземпляров продаваемых в одни руки.

Из выставленных экспонатов особенный интерес заслуживают следующие:

Коллекция Лихтенштейна из Нью-Йорка, бывшая гвоздем выставки и получившая почетный приз президента республики и серебряную чашу. В ней имеются «Двойные Жeneвы», единственные имеющиеся в полосках и блоками по 2, 3 и 4 экземпляра, а также «Голубка Базеля», новая, в блоке в 10 - 15 штук, стоимость каковой составляет не менее 200.000 франков. Коллекция Кастлера из Парижа, получившая медаль председателя совета и серебряную чашу. Владелец ее, эльзасец по происхождению, в течение многих лет собирал марки Эльзас - Лотарингии 1870 года. Коллекция имеет не только большую филателистическую ценность, но и большой исторический интерес для Эльзаса и Лотарингии. Оценивается приблизительно в миллион франков. Коллекция Бауэра, генерального секретаря выставки, получившая серебряную чашу, также содержит прекрасные и редкие марки Эльзас и Лотарингии и замечательна тем, что в ней имеются все штемпеля на немецком и французском языках всех почтовых контор Эльзас-Лотарингия и французских местностей, занятых немцами в 1870 - 71 годах со всеми датами, начиная со дня эмиссии до эвакуации войск.

Коллекция Бюррю из Сент-Мари-о Мин, состоящая из 70 альбомов в 100.00 страниц, содержит более 200.000 марок. В ней имеются марки Эльзас - Лотарингии блоками от 4 до 20 штук и целыми листами, совершенно новые по 150 штук. Коллекция старых марок Баварии, среди которых имеется блок в 45 марок по 1 крейцеру черных, из каковых каждая по каталогу стоит 1.500 франков, такие редкие марки, как Цейлон, Сицилия с крестом Савойи. Первые марки английской Гвианы - одна из них на письме, из каковых каждая стоит от 10.000 до 30.000 франков. Более редкими являются марки Гвианы, из них синяя в 2 цента, новая по каталогу оценивается в 500.000 франков и является единственным известным экземпляром этой марки. Из редких марок Англии замечательна марка в 10 шиллингов, оцениваемая в 60.000 франков, первые марки острова Маврикия, из которых известны только около пятнадцати экземпляров, стоимостью по 300 - 400.000 франков. Хорошая коллекция первых марок Швейцарии, в особенности «Двойные Жeneвы», оцениваемые в 30 - 60.000 франков, «Голубка Базеля» и так далее. Тоскана и все прежние государства Италии до ее объединения представлены также прекрасными экземплярами в большом количестве.

Совершенно бесподобная, единственная в мире коллекция Эйда из Каира, составлена исключительно из марок Нежда. Она состоит из двух альбомов приблизительно в 300 страниц большого формата и содержит целый ряд уникалов. Первый том оценивается более, чем в 1 миллион франков, второй трудно оценить даже приблизительно.

Одновременно с выставкой произошло открытие Конгресса Федерации Франц. филат. обществ, заседавшего в Страсбурге 6 и 7 июня.

Из предложений отдельных обществ, переданных на рассмотрение конгресса и принятых последним, некоторые не лишены интереса.

Так, например, было внесено предложение освободить от пошлин марки, пересылаемые филателистами в колонии и получаемые оттуда с тем, чтобы это право распространялось исключительно на общества и их членов, ввиду того, что такая мера будет сильно способствовать развитию обмена между филателистами метрополии и колоний.

Предложено было также протестовать против постановления Синдикальной Палаты Торговцев почтовыми марками не котируют серию Алжира, январь 1927 года, выпущенную в пользу воинов в Марокко, и требовать, чтобы в отмену заявления, помещенного в каталоге Ивера и Теллье 1927 года для марок Франции и колоний, эта серия была бы включена в общий каталог 1928 года. В ином случае предлагается отныне рассматривать каталог Ивера и Теллье не как официальный документ, как это практиковалось до сих пор, а исключительно как прейскуронт торговцев.

Внесено было также предложение: ввиду того, что каталог Ивера и Теллье не является прейскурантом торговцев марками, а номенклатурой всех марок, официально выпущенных во всем мире, не предоставлять издателям права, по требованию торговцев, включать в него эмиссии якобы спекулятивного характера.

Внесено было также предложение, что если издание такого каталога, который действительно удовлетворял бы насущные потребности филателистов и не являлся бы просто прейскурантом торговцев марками, будет принято помимо федерации, то, чтобы последняя внимательно рассмотрела индивидуальные попытки и предложения в этой области и оказала таковым материальное и техническое содействие. Заслуживает внимания в этом отношении работа Интернациональной Ассоциации Свободного Обмена.

Редакционная коллегия

1927 год
№ 8 за август
страница 11

Наука на службе филателии.

Если любитель-коллекционер смотрит на коллекционирование почтовых марок только как на удовольствие или на временную забаву, то это делает ему мало чести, и он никогда не возвысится до понимания того, какие радости и чувство восторга порождает сопровождающий филателию процесс научного собирания. Всякое простое удовольствие, сопровождаемое научной проработкой, кроме известных радостей, приносит и большую пользу человеку. Филателиста же его занятие выдвигает на высшую ступень по сравнению с просто любителями. Итак, если любитель-коллекционер собирает почтовые марки для своей забавы и удовольствия, не находя в своем занятии никакого научного интереса, пренебрегая данными опыта и филателистической литературой, то такого коллекционера следует называть только любителем-коллекционером в противоположность другому, признающему творчески научный характер филателии, которого будем называть ученым филателистом.

Химические изменения.

Прогрессируя в своих филателистических познаниях, мы должны также ознакомиться с различными процессами, сопровождающими филателию, как-то: процессами бумажного производства, вариацией красок, печатанием, а также с влиянием химических изменений на различные сорта красок. Химические познания, хотя бы даже самые элементарные, настоятельно необходимы серьезному филателисту, так как марки находятся под постоянными химическими воздействиями. Действие воздуха, сырости, времени, кислого клея, нечистоты в бумаге на самую бумагу и ее окраску часто бывают причиной изменения цвета.

Марки некоторых цветов под различными воздействиями превращаются в более или менее черный цвет или же совершенно обесцвечиваются. Такому превращению подвергаются синие, алые, оранжевые, розовые и розово-карминовые цвета марок. Химические причуды могут окрасить нормальный синий экземпляр в черный цвет, или же рамку в черный цвет, а центр останется в синем. Или же, наконец, водяные знаки окрашиваются в коричневый цвет. Все это для прошлых поколений представляло сплошную загадку.

В данное же время, когда наука пришла на помощь филателии, такие загадки объясняются просто. Они уже не вводят больше филателистов в заблуждение: простое химическое превращение, вследствие продолжительной сырости или же влияния сильного дневного света.

Перекись водорода.

В прежнее недавнее время перекись водорода была хорошо известна нашим дамам, которые употребляли её для перекрашивания своих волос в желтый цвет. Перекись водорода производит характерный желтый цвет и употребляется для восстановления первобытного цвета на марке в натуральной свежести.

Бензин.

Бензин - спутник каждого филателиста - употребляется для обнаружения водяных знаков на марке, а также для распознавания исправленной марки. Бензин состоит из смеси летучих водоуглеродов. Но нельзя забывать, что даже самый чистый сорт бензина разрушает и уничтожает окрашенную поверхность марки и потому в таких случаях надо опасаться, чтобы весьма ценная марка не пропала.

Анилин.

Анилин - производное угольной смолы, обширно употребляющаяся краска для всяческого окрашивания. Анилин происходит от португальского слова аниль, что означает индиго, из которого эта краска и получается. Если мы поместим негашенный экземпляр марки, отпечатанный анилиновой краской, в воду и начнем его отмачивать, то увидим в очень скором времени, что краска начинает сбегать с марки и окрашивать воду. Чтобы отличить анилиновую краску на марке, достаточно хорошо всмотреться в наружность экземпляра, которая отдает металлическим блеском. Поэтому надо предварительно знать, что данную марку, отпечатанную в анилиновой краске, отмачивать в воде нельзя.

Кварцевая лампа.

Известная английская фирма Сефи-Пембертон изобрела усовершенствованную кварцевую лампу, таким образом применив науку к филателии. Посредством этой лампы можно отличить подделку от подлинника и исправленную марку от оригинала.

Очень многие тела показывали свое строение только под действием сильного света индивидуальной флористой эссенции, но обычно слабого напряжения. Чем светлее источник света, тем более силы имеет флористая эссенция. Чем темнее свет, тем, наоборот, менее силы во флористой эссенции. Поэтому требуется такой источник света, который производил бы лучи при достаточном актинизме на флористую эссенцию.

Такой источник света был открыт в кварцевой лампе, при чем найдено было возможным применить легкое управление фильтрами, проницаемыми для невидимых глазу ультра-фиолетовых лучей. В такой лампе находится жидкий фильтр, составленный из 2 - 3 растворов, которые помещаются один за другим слоями (так называемый деревянный фильтр). Производство и управление таким фильтром было настолько усложнено, что большое количество заинтересованных филателистов-специалистов в этом процессе нашло невозможным приладить обычные фильтры к лампе.

Вследствие невозможности пользоваться обычной кварцевой лампой, прибегли к новым изысканиям. В скором времени появился новый фильтр, изобретенный Сефи-Пембертон, который сделан весь из стекла и невооруженному глазу кажется совершенно черным. Проходя через такой фильтр, свет делается темно-красного цвета, а кварцевая горелка - темно-фиолетового. Посредством особых актинических лучей, которые одновременно прорезают весь видимый свет, характеристическая флористая эссенция проводится с чрезвычайною силою.

В кварцевой лампе ртутный пар содержится в прозрачной полый трубке, сделанной из расплавленного кварца, которая под электрическим током переносит максимум температуры и этим производит свет чрезвычайного напряжения.

Давно уже известно, что накаленный добела ртутный пар распространяет химически активные лучи (ультра-фиолетовые) в большом напряжении. Однако, в ординарных ртутно-паровых лампах, сделанных из стекла, ультра-фиолетовые лучи были поглощаемы стеклянным прибором. В новой кварцевой лампе этого не может случиться. Расплавленный кварц совершенно непроницаем для ультрафиолетовых лучей. В то же самое время он позволяет ртути переносить более высокую температуру, чем это возможно в стеклянной лампе, потому что расплавленный кварц сопротивляется более высшей температуре, чем обыкновенное стекло.

Распознавание подделок.

Первые филателистические подделки были выполнены весьма небрежно,

неискусно и без достаточного знания. Они отпечатывались лишь литографским способом. Серьезному филателисту они совсем не опасны, потому что он сможет очень легко их распознать. Новейшие подделки, которые в наше время выбрасываются на рынок в большом количестве высококвалифицированными мошенниками-специалистами, использующими свои научные познания для корыстных целей, весьма трудно поддаются определению. Их может обнаружить только высокотренированный специалист-эксперт посредством ультрафиолетовых лучей аналитической кварцевой лампы.

В настоящее время специалист-фальсификатор выполняет свою работу весьма искусно и аккуратно. Так, он удаляет зубцы с марки и, таким образом, превращает зубцовую марку в резаную (если нужно, добавляет края посредством вклейки частей от других марок), или же к резаной марке добавляет зубцы; или же, наконец, оборванную марку починяет, вставляя отсутствующие углы, края или поля; изменяет цвет марки химическим способом; удаляет фискальные гашения с марок и помещает на них почтовое гашение (подлинное или поддельное), водяные знаки (поддельные) и т. д. Таким образом он превращает марку с ничтожной ценностью в весьма редкую и дорогую. Если данной марке присущи водяные знаки, которые невозможно подделать, то цвет всей марки или часть его на лицевой стороне удаляются химической обработкой и помещаются детали подделываемой марки. Таким путем была подделана марка Лагос 1/2 пенса с одиночным водяным знаком СА в весьма редкую и дорогую в 10 шиллингов.

В прежнее время для того, чтобы узнать исправленную или починенную марку, необходимо было пропитать таковую бензином. Исправленная или подклеенная часть, тогда представляла собою бумагу несколько темнее, чем остальная часть экземпляра; между исправлением появлялась темная полоска, служащая как бы границей.

Новый процесс состоит в испытании образчиков в специальном кабинете под сильными ультра-фиолетовыми лучами аналитической кварцевой лампы, направленными на предмет через специальный фильтр, который совершенно ясно определяет в подделке сорт бумаги или окраску, приставную часть в исправленной марке, подчищенную часть марки, даже старый образчик, густо заштемпелеванный. При этом совершенно ясно обозначается даже то, чего не видно под сильным увеличительным стеклом.

Новая аналитическая кварцевая лампа являет собою прекрасный аппарат для обнаружения фальсификации почтовых марок. Посредством этого весьма остроумного аппарата является возможность отличать различные сорта бумаги, которые кажутся совершенно одинаковыми, однородного цвета - при обычном дневном свете, но разнятся между собою в химических составах пигмента.

В Венском большом филателистическом журнале «Die Postmarked» дана весьма интересная и обстоятельно-обоснованная статья, прекрасно освещающая этот интересный и сложный вопрос, в которой автор описывает результаты серий опытов на различных марках. Прежде всего автор выбрал несколько комплектных подделок и поместил их рядом с оригиналами, направив на них ультра-фиолетовые лучи кварцевой лампы. Во всех испытываемых марках сразу появлялось очевидное различие между оригиналами и подделками. Так, оригинал Гольдштейн 1864 года, 1/4 шиллинга, с скверной надписью, вышел совершенно тусклым под ультра-фиолетовыми лучами, бумага темная, цвет марки почти черный; в подделке же этой марки бумага вышла чисто белой, а цвет марки блестяще синий.

Подделка Бельгия 5 франков 1878— 81 года с трудом показывала какую-либо перемену под ультра-фиолетовыми лучами; между тем как оригинал показал цвет марки черновато-коричневый; так же получилось значительное различие в бумаге; клей на двух марках выглядел под лучами совершенно различным.

Из этих опытов мы можем заключить, что испытание под ультра-фиолетовыми лучами представляет прекрасный метод в обнаружении поддельных марок, особенно в таких случаях, когда оригинал выпускался только одним или двумя изданиями; при множестве изданий обнаружение является более затруднительным и сложным. Чтобы быть совершенно уверенным, необходимо каждый раз сравнивать предполагаемые подделки с оригиналом каждого издания.

При испытании поддельных отпечаток под ультра-фиолетовыми лучами невооруженный глаз не обнаруживал видимого различия между подделкой и подлинником только в отношении черного цвета. Кварцевая лампа служила анализом при обнаружении подделок, главным образом, отпечатанных в ярких цветах, например: красный, синий, зеленый.

Особо ценный метод состоит в распознавании цветных подделок. Автор испытал несколько химических цветных имитаций и получил поразительные результаты. Оригиналы «Австрия, желтый Меркурий», под ультра-фиолетовыми лучами вышел блестяще светло-желтый, бумага белая; цветная же подделка, выделанная из синего Меркурия, показала под ультра-фиолетовыми лучами тускло коричнево-розовый цвет с темной бумагой.

В «Бадене № 1» бумага вышла совершенно темной; в подделке же, сделанной из цветной № 5, бумага вышла светло-коричневой. Весьма интересны были результаты в подделке редкой «Баден, 9 крейцеров, черная на зеленой», которая была подделана из настоящей марки на лаванда-розовой бумаге. Оригиналы - 6 крейцеров, черная на зеленой, и 9 крейцеров, черная на лаванда-розовой бумаге, показали под ультрафиолетовыми лучами тускло темно-коричневый цвет; в цветных же подделках краска выходила блестяще бледно-зеленая. В этом случае при одном издании метод этот не оценим.

Распознавание починкок.

Непредвиденное преимущество нового метода было обнаружено при дальнейших опытах в марках с починкой, которые очень легко распознаются. «Желтый Меркурий Австрии» под ультра-фиолетовыми лучами немедленно показал дефектное поле, которое было дополнительно вставлено: бумага и марка оригинальных мастей экземпляра показали совершенное различие цвета от добавленной части. Даже на черном, которое обыкновенно видимо глазу очень ясно, ультрафиолетовые лучи обнаружили различный клей на вклеенной части и на остальной части марки до мелких подробностей, что ясно показывает, что марка смешана с частью другой марки.

«Ольденбург № 5», в которой испорченная часть была заменена частью другой марки, показала очень ясно этот дефект под ультра-фиолетовыми лучами, при чем заполненная часть оказалась много темнее, чем остальная часть марки.

Гораздо меньший успех был показан в попытках распознавать выскобленное почтовое гашение. В «Ганновере № 1», который несомненно имел химически удаленные следы штемпеля, ультрафиолетовые лучи не дали доказательства этой процедуры. В таких случаях лучшие результаты дает способ фотографирования на цветных чувствительных пластинках.

Все эти серии продемонстрированных опытов показали, какой ценный вклад для филателии дала аналитическая кварцевая лампа в испытании марок.

Кроме всего перечисленного, можно еще распознавать в марках также и оригинальный клей от подмешанного. Кварцевая лампа может быть полезна и в других сомнительных случаях. Не может быть сомнения, что аналитическая кварцевая лампа будет представлять собой весьма ценную филателистическую принадлежность всякого

специалиста и, к счастью, она весьма просто оборудована и не очень дорога.

Надеемся, что ее появление в руках филателистов скажется на несомненном уменьшении количества подделок, ибо посредством ультрафиолетовых лучей все подделки могут быть совершенно уничтожены, а новые подделки уже не так трудно будет выявлять, пока, конечно, изобретательные фальсификаторы не добьются дальнейших успехов в своем позорном ремесле.

П.Архангельский.

1928 год

№ 1 за январь

страница 3 - 6

Забытая филателистическая уника

Описанная К.К.Шмидтом в №7 «Советского филателиста» за 1924 год марка Тифлисской городской почты весьма заинтриговала меня, и я задался целью отыскать официальные источники, подтверждавшие ее существование. Этому занятию способствовали мои частые посещения города Тифлиса, в архивах и библиотеках которого я думал найти ответ на поставленный вопрос. Однако, первые мои попытки в этом направлении не обещали дать каких-либо положительных результатов. Дело в том, что богатейшие архивы гражданских и военных установлений Закавказья, хранившиеся в городе Тифлисе, еще в начале империалистической войны на Кавказе, под угрозой наступления на Тифлис, в обход крепости Каре, турецкой армии Исхан-паши, - были вывезены в ящиках в Батум, Владикавказ и Ставрополь. Часть этого архивного имущества впоследствии была возвращена в Тифлис и здесь в 1921 году почти целиком погибла во время гражданской войны, будучи сожжена или употреблена на оберточную бумагу. Попутно, интересно отметить такой факт: следственное дело об убийстве поэта М.Ю.Лермонтова на дуэли было спасено одним из просвещенных покупателей в тот момент, когда продавец бакалейной лавки пытался выдрать из дела листы, чтобы вернуть в них свой товар. Дело об убийстве поэта было отправлено А.В.Луначарскому.

Мне оставался единственный путь поиска: каких-либо следов марки Тифлисской городской почты в книжных изданиях прежних годов по кавказоведению, где можно было бы найти хоть какой-нибудь намек по вопросам устройства почтового дела на Кавказе. Такие сведения могли сохраниться в печатных актах по археологии в почтовых дорожниках, старинных календарях и т.п. Этого рода литература подверглась особому моему вниманию и специальному обследованию. Я пересмотрел и перечитал все то небольшое, что находилось в библиотеках Тифлиса и Баку.

Но обратимся к статье К.К.Шмидта. К.К.Шмидт делает предположение о том что трактуемая марка Тифлисской городской почты, судя по фактуре государственного герба, должна была быть изданной, во всяком случае, не позже 1855 года, к которому времени, по его мнению, относится изменение рисунка герба на монетах того же периода. Такая трактовка вопроса безусловно неправильна и вот почему: изменения фактуры государственного герба на монетах, как известно, являлось в большей части результатом попыток улучшения технической стороны чекана монет, и отнюдь не были следствием государственного акта, то есть изменения рисунка малой и большой государственных печатей. Основной рисунок государственного герба в исполнении гравера П.Уткина с 1836 года в главных своих частях был изменен (см. рисунок герба к Русской истории проф. М Н. Покровского, т. IV, стр. 418, изд. Т-ва «Мир», 1920 г.).

Строить предположения о том, что эта марка могла быть земскою маркою, тем более не приходится: Закавказье, мечтавшее в течение многих десятков лет о земских учреждениях - земства так и не добилось.

Однако, на марке сделана надпись «Тифлисс. городск. почта 6 коп.», и она имеет рельефный городской герб города Тифлиса.

Что же это за марка, кто ее издатель и какими причинами вызывалась необходимость ее выпуска?

Чтобы осветить эти вопросы, необходимо несколько уклониться от прямой темы, сделав небольшую экскурсию в область прошлого, иллюстрирующую состояние почтовой связи в первой половине прошлого столетия в Закавказье, то есть развитию темы преподавать историческую предпосылку, объясняющую потребность выпуска трактуемой марки. О состоянии почтового дела в Закавказье в первой половине прошлого столетия сведения

заимствуем из актов Кавказской археографической комиссии (тома XI и XII).

Со времени присоединения Грузии (18 января 1801 года) к б. Российской империи до 1830 года почтовая часть не была приведена в то устройство, в каком она находилась в остальных частях империи. Сначала по незначительности корреспонденции перевозка почты в Грузии была возложена на казачьи посты, которые пересылали её в виде летучих почт, а потому почтовые лошади не содержались на счет земской повинности. Потом, когда пересылка корреспонденции, в особенности казенной, и число проезжающих увеличилось, в помощь казачьим постам, по недостатку казачьих лошадей, давались так называемые «чапарханы», то есть поселяне по нарядам от земли с верховыми лошадьми. Чапарханы эти в некоторых местах были нанимаемы на земские повинности, в других же сами поселяне отправляли эту обязанность натурою и были в этом отношении в ведении казачьих начальников, а возка почт начала производиться на вьюках*. С 1830 года станции по некоторым трактам Грузии были отданы подрядчикам с торгов и в то же время было утверждено положение об устройстве почтовой части в Закавказском крае на тех же началах, на каких она была устроена в империи. В силу этого положения Закавказский край по части почтового управления впоследствии образовал отдельный XIII почтово-инспекторский округ. Были учреждены почтовые конторы: областная в Тифлисе, уездные первого класса - в Баку, Эривани, Нахичевани, Кутаисе и Редут-Кале; второго класса - в Гори, Душете, Анануре, Телаве, Сигнахе, Елизаветполе, Кубе, Дербенте и Владикавказе. Уездные почтовые конторы были подчинены Тифлисской областной конторе.

В дальнейшем, с упразднением туземных установлений в Грузии и с развитием административного управления в завоеванных областях края, что совпало с усилением военных действий в Черноморье и на Кавказской линии, - естественно усиливается значение почтовой связи в Закавказье. К середине сороковых годов в Грузии, а следовательно, в Тифлисе, действовали следующие виды почтовой связи:

1) *Экстра-почта*, с которою корреспонденция отправлялась в центр регулярно дважды в неделю по строго определенному маршруту (С.-Петербург, Москва, Новгородская, Тверская, Тульская. Воронежская губернии. Земля войска Донского, Нижегородская, Одесская и Варшавская губернии);

2) *Тяжелая почта* - тоже в центр дважды в неделю, с отделением корреспонденции в другие места империи;

3) *Легкая* - по почтовым местам Закавказья и по смежным губерниям;

4) *Летучая почта* - по пограничным гарнизонам и [пропуск в первоисточнике];

5) *Эстафетная почта* - за кордон, Владикавказ, по особому наряду, с уплатою прогонных денег за почтовые услуги. (Телеграфной линии в то время еще не существовало. Первая телеграфная линия открыта в Закавказьи между Тифлисом и Поти в 1860 году).

Вообще развитие и упорядочение почтовой связи в Закавказьи относится ко времени управления краем наместником князем М.С.Воронцовым (1844 - 1854 года). Этот безусловно умный администратор и талантливый проводник российского империализма в завоеванных областях Кавказского края, человек европейски образованный, (родился и воспитывался в Англии) своею либеральною политикою весьма способствовал преуспеванию и развитию производительных сил Края. При нем начали прокладываться почтовые дороги и строиться мосты; к его управлению относится устройство паровозных сообщений по Черному и Каспийским морям; изыскания горных промыслов; развитие торговли, просвещения и образования; к его времени относится также возвышение города Тифлиса, как административного центра; за последние три года его управления (1852 - 1854 годы) Тифлис неимоверно подвинулся вперед как прибавлением населения (по статистическим данным значилось населения в Тифлисе в 1854 году - 47 304 жителей), так

и значительным количеством новых красивых общественных и частных зданий. Все это давало городу и населению его определенный общественный импульс, темп к развитию которого настоятельно диктовали необходимость дальнейшего приведения в упорядочение почтовой связи.

Еще в первые годы своего управления Краем, - князь М.С.Воронцов в докладе своем в Петербург отмечал особенное усиление почтовой корреспонденции, указывая на это явление, как на факт, доказывающий успехи в просвещении при постепенно возрастающем народонаселении, а также на увеличение деятельности во всех делах. Как одну из мер, облегчающих для населения пользование услугами почты, князь М.С.Воронцов считал необходимым распространение на Закавказье разрешения пользования при пересылке писем штемпельными конвертами, как это уже давно было установлено в империи, с каковым предложением он выступил перед Главноуправляющим почтовым департаментом. (Акты Кавк. археогр. комиссии, т. X, стр. 858).

Нижеследующая таблица движения почтовой корреспонденции по одному лишь городу Тифлису за 1855 год может иллюстрировать до некоторой степени развитие культурных потребностей населения кавказской столицы, по преимуществу военного и чиновничьего, с точки зрения охвата населения почтовыми услугами.

Количество отправленной и полученной корреспонденции по Тифлисской губернской почтовой конторе за 1855 год.

Отправлено	Простых	Денежных	Заказных
Частных	197.928	24.572	9.349
Казенных	385.988	15.728	2.617
Получено			
Частных	263.549	41.283	12.213
Казенных	695.263	19.504	13.809

(Акты Кавказской археографической комиссии, том XI)

Здесь интересно будет привести такую статистику: в то время (конец 50 годов прошлого столетия) когда на 100 жителей городов б. Империи приходилось 12.3 в год отправленных и полученных писем; на 100 жителей города Тифлиса было - 36 отправлений и получений; в Англии на 100 жителей - 300 (Календарь Суворова на 1872 год).

Другой наиболее кардинальной мерой, способствовавшей дальнейшему развитию и упорядочению почтовой связи, надо считать изъятие из подчинения земской почты почтовых станций Тифлисской губернии и гор. Тифлиса и передачи их в виде опыта на 3 года в ведение почтового начальства за Кавказом. Эта правительственная мера относится к 26/X-1857 году (Акты Кавк. археогр. комиссии, том XII).

Следует также упомянуть о том, что администрация Края всячески шла навстречу делу упорядочения и облегчения начинанию пользования почтовыми услугами видно из такого маленького, но характерного примера: в почтовых правилах по времени объявлялись часы открытия и закрытия почтовых контор, а от «проезжающих лиц, к числу которых надлежит относить не живущих постоянно в городах: окрестных помещиков, крестьян и окольных жителей» - письма принимались во всякое неурочное время.

Заканчивая историческую экскурсию в область описания состояния и постепенного развития почтовой связи в Закавказье в первой половине прошлого столетия и возвращаясь

к трактуемой теме, - легко уяснить себе причины, побудившие администрацию Края удовлетворить назревшую потребность выпуском такого знака оплаты почтовых услуг, который облегчил бы населению пользование почтой. Сюда относятся прежде всего проект издания своих штемпельных конвертов, (парочка таких пробных конвертов Тифлисской городской почты найдена тем же К.К.Шмидтом и опубликована в филателистической печати), а затем выпуск в обращение специальной почтовой марки города Тифлиса достоинством в 6 коп.

Материалы о ее официальном существовании и почтовом обращении найдены мною летом 1928 года в библиотеке краеведческого музея в города Ставрополе-Кавказском. Это, кажется, единственный город во всем Союзе, обладающий полным комплектом (1545 - 1917 годов.) Кавказских календарей, весьма ценных для кавказоведов по своим официальным данным. Сведения об интересующей нас марке приведены в Кавказском календаре за 1858 год.

Это - пока единственный официальный источник, кроме самой марки, и я его привожу целиком.

Правила для городской почты в Тифлисе и развозки на дом журналов и газет.

(Выписка из «Кавказского календаря» за 1858 год, стр. 151, раздел IV. Издание канцелярии наместника, г. Тифлис. 1857 год.).

1) При Тифлисской губернской почтовой конторе учреждено особое отделение городской почты, в котором продаются, введенные собственно для развозки почты, особые бумажные штемпельные печати, имеющие свойства облатки, с платою за каждую по 6 копеек. Продажа менее пяти таковых печатей производиться не будет. За рассылку же визитных и пригласительных билетов, прием которых будет производиться исключительно в этом отделении, платится за каждый по 2 копейки.

2) К письму, посылаемому по городском почте, должна быть приклеена одна штемпельная печать, удостоверяющая, что письмо оплачено.

3) Прием писем производится в озеленим городской почты при конторе и кроме того устроены особые ящики, куда подаватели сами могут опускать свои письма, а именно: для жителей 1-ой части города: на Эриванской площади у Театрального здания; в Сололаках у дома коллежского асессора Шмидта; на Александровской площади у дома, занимаемого приказом общественного призрения; на Головинском проспекте у дома Шахмурадова и в предместий Веры у дома коллежского асессора Габаева. 2-ой части: на Армянском базаре у рецептной аптеки; на Аббас-Абадской площади у дома протоиерея Тер-Казарона; на Майдане и на Ванной улице у дома господина Шмоева; 3-й части: у Метехского подъема при доме, занимаемом рыбными рядами; на Песках - при доме почетного гражданина Зальцмана; на Авлабарской площади у дома конторы акцизного сбора; в военном поселении при доме подполковника Щербакова; в Мавтлуге: на Миллионной улице, близ дома господина Прибыли и близ комиссариатской комиссии; в Куках у дома, занимаемого провиантской комиссией и близ дома, занимаемого господином начальником гражданского управления; в Колонии у дома колониста Альбрехта.

4) При отправлении корреспонденции по городской почте должно иметь в виду нижеследующее:

- а) деньги и документы по городской почте не пересылаются;
- б) казенные конверты будут рассылаться как и письма, расписка же в получении тех конвертов может быть выдаваема только в отделении;
- в) адреса должны быть написаны верно и четко;
- г) неоплаченные письма и каменные пакеты не будут доставляемы;
- д) пригласительные и визитные билеты должны быть подаваемы прямо в отделение

городской почты при особых реестрах, с верными адресами, за двое суток до того дня, в который надлежит разослать их по адресам с платою по 2 коп. за каждый билет; если же подаватель пожелает чтобы те билеты были разосланы в такой же срок как и письма, то платит как за письма, по 6 коп. за каждый.

е) вообще, при отступлении от этих правил, письма и билеты останутся неотправленными.

5) Письма, брошенные в один из устроенных ящиком до 12-ти часов утра, а поданные в отделение в 12 1/2 часа пополудни, будут отсылаться по назначению в час пополудни; письма же, поданные после означенного срока, рассылаются по утру на другой день.

6) Доставка корреспонденции в Коджоры и оттуда в город будет производиться с 20-го июня по 1-ое сентября, с платою по 18 копеек за письмо, для чего к посылаемому письму следует приклеить три штемпельные печати каждая по 6 копеек. Таковые письма, опущенные в устроенные ящики до 6 часов утра, а поданные в отделение до 7 часов утра, будут отправляемы в 7 часов утра, поданные же после означенного срока отсылаются на другой день. Из Коджор ** в Тифлис письма, брошенные в ящики, устроенные близ дач г. г. Андреевского и Демоннеля, до 10 часов утра, будут отправляемы к город в 10 часов утра, брошенные же после того будут отправляемы на другой день. При отправке писем в Коджоры и оттуда в Тифлис следует иметь в виду правила, установленные в §4 для писем, пересылаемых в городе.

7) Желающие отправить из Коджор частное письмо на почту, для отправления с первою отходящею почтою, могут присылать письма свои и существующих ныне штемпельных конвертах, вложив оное в другой конверт, адресованный в контору и оплаченный по установленному правилу тремя печатями, с надписью при том на конверте, от кого письмо; для того собственно, чтобы контора, на случай, если самое письмо будет превышать вес, установленный для штемпельного конверта, могла возвратить обратно.

8) Вообще, своевременное доставление писем по городской почте преимущественно зависит от приноровления подачи их ко времени означенных выше сроков, точности и четкости адресов; в случае же каких-либо неисправностей или замедлений в доставлении писем или билетов, жалобы на то должны быть адресуемы прямо на имя управляющего почтовым округом на Кавказе и за Кавказом, прилагая и самые конверты, в которые вложены были письма или билеты, послужившие поводом к жалобам.

Кроме того, для доставления проживающим в городе, а также в Коджорах, всевозможных удобств к скорому получению журналов и газет, а для Коджор и частных писем, получаемых в городе Тифлисе с почтами, при отделении городской почты будет производиться доставка оных на нижеследующих условиях: а) желающие получать в городе на дом все газеты и журналы, доставляемые через почту, приобретают для сего в отделении годовой билет по 1-е января 1859 года с платою 2 руб. б) на право получения писем в Коджорpx с 20-го июня по 1-е сентября, кроме денежных и страховых, выдается в отделении городской почты при конторе билет, за который платится 50 копеек серебром; за доставку же газет и журналов выдастся особый билет, за который платится по 1 рублю серебром, в) письма и журналы, получаемые с почтою, будут доставляться в городе с возможною скоростью, а в Коджоры на другой день к 9-ти часам утра, г) газета «Кавказ» для подписчиков на доставку вообще журналов или газет на Коджоры будет отправляться без особой платы по предъявлению редакции.

Итак, установив настоящим официальным документом факт существования и почтового обращения столь редкой марки Тифлисской городской почты, считаю

необходимым дать некоторые комментарии к разбору вышеприведенного документа.

1) Прежде всего, на протяжении всех параграфов «Правил» нигде не встречается слово «марка», а тот знак, который мы определяем этим словом, к «Правилах» называется «бумажною штемпельной печатью, имеющее свойство облатки». Разберемся в этом вопросе. Слово «марка» в том распространенном смысле, в каком это понятие вкоренилось в наш современный обиход, тогда еще не существовало, ибо сама марка, как бумажный почтовый знак, только что начала водворяться в русскую жизнь; так, первая русская почтовая марка 10 копеек за лот без зубцов была выпущена в обращение, как известно, 1-го декабря 1857 года. До этого времени ни на штемпельных «кувертах», ни на прочих почтовых знаках это слово нигде не фигурирует. Отсюда, вполне естественно она названа «бумажною штемпельною печатью», и, надо полагать, по аналогии с теми бумажными печатями, коими наряду с сургучными оклеивались и опечатывались казенные письма и пакеты. Один экземпляр такой бумажной печати конца 40-ых или начала 50-ых годов XIX века имеется в моей коллекции. Далее, выражение бумажная печать, «имеющая свойство облатки», указывает на то, что оборотная сторона этой печати покрыта клеем. Как известно, по почтовым правилам описываемого времени письма могли быть пересылаемы внутри империи либо в штемпельных конвертах, либо подаваемые на почту с уплатою денег в обыкновении конвертах, или сложенными в пакет и пропечатанные сургучною печатью подавателя или подклеенными хлебною или иною облаткой с вытисненной на ней печатью подавателя. В случаях неотправления или недоставки писем по назначению, подаватель приглашался получить свое отправление обратно, предъявив для сличения печать, коей опечатано было отправленное его письмо.

2) Рассматриваемая марка имеет надпись Тифлис: городск.: почта: 6 коп. , что указывает район ее распространения, относя тем самым марку к числу марок городской почты. Цена марки в 6 копеек приравнена к стоимости оплаты аналогичных услуг в Петербурге и Москве. Действительно, стоимость городского отправления в установленных весовых размерах оплачивалась пересылкою такового отправления в конвертах, на коих имелся знак пятикопеечного достоинства и еще уплачивалась 1 копейка за конверт.

3) Переходя к рисунку марки и фактуре государственного герба (орел с поднятыми крыльями), надлежит сказать следующее. Марка изготовлена безусловно в Тифлисе, в типографии наместника, к чему имелись все технические средства. На рисунке марки - городской герб города Тифлиса с помещенным над ним орликом. Время учреждения городского герба, по рисунку которого МОЖНО было бы судить о времени выпуска трактуемой марки, относится по всей вероятности, к царствованию Николая I, при котором в городе Тифлисе введено было городское самоуправление. Во всяком случае, розыскания об этом относятся к области геральдики, и дата в точности может быть установлена путем наведения справок в полном I собрании законов 6. Российской империи за время царствования Николая I (1825 - 1854 годы). Я этими розысканиями не занимался, ибо время выпуска марки без затруднений устанавливается следующими соображениями:

4) Трактуемая марка Тифлиской городской почты опубликована в официальном Кавказском календаре на 1858 год. Всякие календари обычно издаются в конце года; точно также Кавказский календарь 1858 год на заглавном листе имеет дату выпуска г. Тифлис 1857 г.". Указаний об этой марке не имеется в почтовом отделе просмотренных мною кавказских календарей за 1857 и 1859 годы. Следовательно, марка была в обращении какой то промежуток времени, начиная от конца 1857 г. и захватывая часть 1858 года. Трактуемая марка безусловно не могла быть выпущена в период нахождения Тифлиских почтовых контор в ведении земского начальства, каковые конторы из-за неустройства почтового дела, как сказано выше, 26/X-1857 года в виде опыта выведены были из подчинения земской

полиции и переданы в ведение почтового ведомства. Итак, приведенные соображения и даты почти точно устанавливают время выпуска марки в обращение: это - ноябрь или декабрь месяц 1857 года. Предположительнее ноябрь перед декабрем, ибо в декабре 1857 г. уже появилась в обращении российская 10-ти копеечная «марка», что дало бы основание и тифлисский знак почтовой оплаты назвать этим словом, а не «бумажной печатью, имеющей свойства облатки».

Далее, можно предположить, что марки Тифлисской городской почты не нашли себе широкого распространения по весьма стеснительной причине продажи их на почте не менее как по пяти штук зараз, приняв во внимание еще то, что всякие городские отправления (пригласительные билеты, визитные и поздравительные карточки и т. п.), рассылавшиеся в значительном количестве, могли быть также подаваемы на почте по реестру с уплатою почтовых сборов наличными деньгами (см. § 4 Правил). По этой причине марка Тифлисской городской почты продержалась недолгое время и, надо думать, была аннулирована введением в действие с 1-го марта 1858 года на Кавказе, а следовательно и в городе Тифлисе, общеимперских марок и штемпельных конвертов, взамен взноса денег при подаче их. Правительственное распоряжение об этом опубликовано было в официальной газете «Кавказ» за 1858 год № 6. Этого номера газеты, к сожалению, мне не пришлось иметь под руками, но в нем имеется указание в Кавказском календаре за 1895 год в перечне правительственных распоряжений, публикуемых в газете «Кавказ», начиная с первого года ее издания. Здесь также не без некоторого основания можно сделать предположение о том, что эту марку могли заменить городские штемпельные конверты города Петербурга.

Будем надеяться, что какой-либо счастливый случай, например, случайная находка такого конверта, оправдают наше предположение, а пока что факт, как говорится, остается фактом: марка Тифлисской городской почты официально существовала и находилась в почтовом обращении, и долг русской филателии восстановить в своих анналах забытую филателистическую уникалу.

*) Вследствие неустройства дорог, разлива рек и небезопасности движения.

**) Село Коджоры в 16 верстах от города Тифлиса - летняя резиденция грузинских царей, а при наместниках - дачное местопребывание двора наместника, штабов и т. д., спасавшихся там от тифлисской летней жары.

Баку
С. Кузовкин

1929 год
№ 1 за январь
страница 28 - 29

Будущность филателии

Доклад, зачитанный на общем собрании членов Северо -
Западного областного отдела ВОФ 29 апреля 1929 г.

К тем проблемам филателии, которыми интересуется большинство серьезных собирателей, несомненно относится важнейший вопрос о будущем филателии. И это, конечно, вполне понятно, так как появились нездоровые симптомы, которые угрожают низвести ее с той высоты, на которой она стояла раньше. Сначала собиранием марок занимались очень немногие, но они относились к делу совсем не так, как теперь. Они не стремились наклеить в альбом возможно большее количество марок, их интересовали только те марки, которые действительно были почтовыми. Очень скоро собирание получило самое широкое распространение во всех культурных странах. Это явление конечно, следует приветствовать, но с другой стороны, если мы проследим за положением вещей в течение последних десяти лет, то убедимся, что оно угрожает стать роковым для филателии, так как почтовая марка стала объектом самой наглой спекуляции как со стороны частных лиц, так и правительств. Мы все знаем много случаев, когда выпускаются совершенно ненужные марки, а это вносит замешательство в наши ряды, у многих, в особенности у начинающих, возникает вопрос - «какие марки я должен собирать?» Как на проводника самой беззастенчивой спекуляции, следует указать на правительство Испании. Это маленькое государство в течение 27 лет выпустило 126 новых марок, и то обстоятельство, что прежний выпуск остался в обращении по настоящее время, ясно доказывает, что новые марки не были нужны и что расчет сделан только на филателистов. Это, как сказано, один из самых возмутительных примеров, но таких много. С каждым годом становится все меньше и меньше лиц, собирающих марки всего мира. Началось так называемое «специализирование» по странам. Хотя против специализирования в принципе нельзя было бы возражать, так как тут подробнее знакомишься с особенностями культурного развития и достижений в каждой стране, но с другой стороны оно делит доселе общую для всего мира семью филателистов на группы, и мы работаем уже не сообщая, а только рядом друг с другом, у нас уже меньше общих интересов и тут возможно, что в будущем наши пути могут разойтись. Против этого распада надо принять энергичные меры, надо вести борьбу, от этого ведь зависит будущее филателии. Во что же выльется эта будущность? Если не быть пророком, на вопрос ответить трудно, так как разрешение его всецело зависит от самих собирателей: если мы не сделаем дружных усилий, чтобы избавиться от тысяч спекулятивных марок, число которых с каждым месяцем все растет и растет, филателии грозит медленная, но верная смерть. Следовательно, вопрос сводится к тому, что надо сузить область собирания и поставить ее в известные рамки. Необходимость ограничения была уже доказана много лет тому назад. Многие из нас помнят те времена, когда в альбомы рядом с марками помещались и вырезки цельных вещей. Теперь ведь этого, никто делать не станет. Собирание цельных вещей стало отдельной отраслью филателии. То же самое должно произойти в самом ближайшем будущем и с коммеморативными и благотворительными марками. Первые шаги к этому уже сделаны: почти все немецкие журналы открыли на своих страницах особые рубрики под заглавием „Ненужные марки“, в которых обращается особое внимание на все спекулятивные выпуски. Еще дальше пошел каталог Скотта, который все благотворительные марки выделяет в особый отдел. Таким образом, передовые люди думают ослабить интерес к этим маркам, и если мы достигнем того, что собиратели перестанут набрасываться на эти марки, а станут их совершенно игнорировать, конечно, прекратятся и выпуски их. Трудно провести точную границу между нужными и ненужными марками, но этот вопрос

поставлен в повестку дня Всемирного филателистического конгресса, имеющего быть в этом году, и можно надеяться, что компетентные лица вместе с издателями каталогов Зенфа, Михеля, Скотта, Ивера и др. решат вопрос вполне определенно.

Для упрочения будущности филателии нам следует обратить особое внимание еще на другую область, от которой существенно зависит развитие филателии в ближайшие годы: я говорю о юношестве. Его следует приохотить к собиранию марок, внедрить в него те методы и принципы, которые выработались за 70-летнее существование филателии, с которыми они, очевидно, совсем незнакомы. Теперь мы сплошь и рядом видим, что юноши, бывшие ревностными собирателями в 12-14 летнем возрасте, к 16 годам становятся самыми заправскими спекулянтами. Такого явления раньше не было, и оно должно быть изжито, - иначе нашему прекрасному, благородному занятию угрожает гибель. В этом отношении больше всего сделано в Австрии. Там, благодаря неутомимой деятельности директора Хумана, во многих школах филателия введена как обязательный предмет обучения. Австрийские педагоги, отдавая должное сильно развившейся в последнее время физкультуре, учли также и то обстоятельство, что филателия приучает учеников к старанию, вниманию и наблюдательности, - качествам очень важным и необходимым в жизни человека.

На основании всего сказанного будущность филателии нельзя представить себе в розовом свете. В окружающей нас среде мы встречаем в лучшем случае равнодушие, а подчас и насмешки, и глумление, в наших рядах мало солидарности, но тем не менее нет также оснований вешать головы, так как в наших руках имеются средства и возможности создать будущность филателии в том виде, как мы того желаем. Средства эти следующие: мы должны вести беспощадную борьбу со спекуляцией! во всех ее видах, мы должны неустанно вести пропаганду идей филателии! мы должны обратить самое серьезное внимание на правильное понимание этим идеи юношеством, бережно относиться и удовлетворять его запросы. Если мы достигнем каких либо результатов в этих направлениях, нам не будет страшно, если какая нибудь Литва или Испания выпустит хотя бы 1000 новых марок. Мы не будем сожалеть, что у нас не хватает такой то марки Танну-Туву или пресловутой зубцовой 7-копеечной марки в память восстания декабристов с надпечаткой, мы по прежнему будем любоваться и восторгаться базельской голубкой, австрийским Меркурием, савойским крестом и не только ими, но также и теми тысячами старых и новых сантимных марок, которые честно выполнили свое назначение действительно почтовой марки и этим приобрели право спокойно отдыхать на страницах наших альбомов.

Е.А.Русинов

От редакции.

Ввиду того, что некоторые положения т. Е.А.Русинова являются спорными, редакция оставляет за собой право остановиться на них в одном из ближайших номеров «С.К.»

1929 год

№ 1/9 за июль - сентябрь

страница 3 - 4

Поставим на ноги

Как известно, на коллекционирование у нас даже так называемые культурные люди смотрят иногда довольно парадоксально, чтобы не сказать резко. Кое-кто считает его даже вздорным и поэтому абсолютно ненужным занятием. В доказательство приводится обычно тот аргумент, что «широкие массы» стоят в стороне от коллекционирования. Что этот аргумент не выдерживает серьезной критики, об этом мало кто думает. В самом деле, если бы полезность явления оценивалась только по степени участия в нем масс, то мы должны были бы отрицательно отнестись не только к коллекционированию, но и к искусству, литературе, языкознанию, археологии, спорту и даже к музыке, так как всем известно, что широкие массы, особенно в СССР, где даже простая грамотность еще не являются всеобщим достоянием, - очень далеки от всего этого. И, наоборот, такое начальное явление, как пьянство должно, очевидно, пользоваться бесспорным признанием, поскольку оно не без стараний царского правительства глубоко проникло в массы, где алкоголь не так еще давно заменял почти все культурные потребности.

Мы в свое время достаточно подробно ответили тем, кто пытался дискредитировать коллекционирование в печати (см. нашу статью «Неприкрытое верхоглядство» в №№ 4 - 6 «СК» за 1929 год). Сейчас мы возвращаемся к этому вопросу в связи с тем, что кое-где опять стали раздаваться недоуменные вопросы о том, для чего нужно коллекционирование, какой от него практический толк, может ли оно помочь социалистическому строительству, углубить борьбу за промплан и так далее.

Человеку предубежденному и вдобавок невежественному иногда очень трудно доказать даже то, что дважды два - четыре. Если подходить к явлению только с точки зрения утилитарности и осязаемого материального эффекта, то большинство из них пришлось бы подвергнуть коренной переоценке. В самом деле, что может реально дать строительству социализма музыка, поэзия, игра в шахматы, изобразительное искусство с точки зрения глухого, неграмотного, слепого, а тем более некультурного человека? Да и многие элементарно зрячие и грамотные люди могут рассуждать точно так же. К счастью, они не делают погоды. В отношении же коллекционирования «глухих» и «слепых» так много, что их вопли принимаются иногда, за мнение большинства, притом мнение вполне авторитетное.

Между тем коллекционирование по самой своей природе - бесспорно культурное явление. Статистика с неумолимой последовательностью показывает, что там, где больше грамотных, где интенсивнее проявляется стремление к знанию, где выше культура - тем шире коллекционирование. И наоборот, в первобытных странах, стоящих на низкой ступени развития, коллекционирование совершенно отсутствует. Отсюда и различное отношение к коллекционированию. Западно-европейские рабочие сплошь и рядом занимаются коллекционированием и состоят членами различных коллекционерских корпораций и объединений. Наши советские рабочие пока лишь присматриваются к коллекционированию, поэтому в количественном отношении их участие в коллекционерской жизни СССР незначительно, как незначительно по сравнению с территорией и населением Союза и все наше коллекционерское движение в целом, что объясняется многими причинами, о которых здесь не стоит говорить. А где-нибудь в недрах Африки или Австралии о коллекционировании не имеют даже понятия. Вот почему на Западе мы нередко встречаем даже старых революционеров, открыто и с увлечением занимающихся коллекционированием. Между тем у нас многие взрослые коллекционеры почему-то скрывают свое занятие и в тех случаях, когда оно случайно

открывается, пытаются объяснить его наличием сына или дочери, которые, мол, «забавляются», а отцы им в этом якобы только помогают. Это особенно относится к нашим ответственным работникам. Коллекционеры знают наперечет многих таких «укрывающихся», которые занимаются десятки лет собиранием марок, монет, всяких редкостей, оружия и пр., - в то же время не принимают никакого участия в общественной коллекционерской жизни из опасения, как бы это не уронило их в глазах других не менее ответственных. Можно ли после этого удивляться нелепым взглядам на коллекционирование со стороны «слепых» и «глухих», если даже сами коллекционеры своим поведением как бы подтверждают, что коллекционирование в некотором роде предосудительное занятие.

Насколько такое отношение к коллекционированию типично только для наших родимых недотеп, свидетельствует тот факт, что повсюду за границей вы ничего подобного не встретите. Мало того: любой коллекционер, как бы он высоко ни стоял на иерархической или общественной лестнице, - не только не скрывает своего увлечения, но проявляет его даже там, где по нашим понятиям это было бы по меньшей мере неудобно. Так, большинство руководителей иностранных фирм, банков и заводов при деловых сношениях с вашими советскими учреждениями свои письма неизменно заканчивают просьбой прислать те или иные советские марки, для чего к письмам обычно прилагаются соответствующие суммы. Это явление имеет настолько широкий и постоянный характер, что одно из наших учреждений, не зная о существовании Советской филателистической ассоциации, всерьез задумало открыть у себя отделение по филателии специально для удовлетворения таких запросов. Едва ли нужно доказывать, что ни один из наших «ответственных» никогда не рискнул бы на подобный шаг.

Чтобы не представить этого явления в одностороннем освещении, добавим, что не только иностранные дельцы, но даже видные революционные деятели обращаются В СССР с просьбой выслать нужные им марки. Как видно, за границей никто с коллекционированием не прячется, так как там уже привыкли к нему, как к фактору культуры.

Если коллекционирование находится у нас в загоне, если оно не получило должного развития, если оно не играет той роли, которую может и должно играть в деле культурной революции, - то это в первую очередь объясняется как раз тем возмутительно небрежным отношением к нему, которое проявляют даже наши научно - просветительные учреждения. За примером ходить недалеко. Наркомпрос, несмотря на предложение Правления ВОФ, - пока что упорно отказывается принять общество в свое ведение и тем самым дать ему возможность не только правильно развиваться, но и приносить максимум общественной культурной пользы. Наряду с этим Наркомпрос издает специальные книги, трактующие о роди филателии в школе (А.Чачиков - «Филателии в школе»). Отдельные статьи, посвященные аналогичным вопросам, встречаются в органах просветительской печати («Филателия в школе» в журнале «Просвещение на Урале» и др.).

Чем объяснить такую неувязку? Что филателия в школе может сыграть крупную роль, - этого не отрицают даже те, кто о филателии знает по наслышке. Почему же целое общество филателистов, готовое и имеющее полную возможность развить и наладить помощь школе через коллекционирование - игнорируется и упорно оставляется безпризорным?

Думаем, что Наркомпрос найдет время, чтобы разрешить наше недоумение.

В заключение напомним об одном факте, связанном с Марксом и Энгельсом и имеющем прямое отношение к филателии.

Ф.Энгельс в письме к К.Марксу от 21 апреля 1863 года между прочим пишет: «Посему заканчиваю письмо, прилагая еще несколько марок для Туссенки. Многие марки в двух экземплярах. Дублеты идут здесь на обмен. Итальянскими, швейцарскими, норвежскими и некоторыми немецкими марками могу служить в большом количестве».

В другом письме к К.Марксу от 20 мая того же года Ф.Энгельс опять говорит о марках: «Прилагаю снова несколько марок. Но этой части в конторе сейчас происходит большое воровство» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс - Сочинения под ред. Д.Рязанова, т. XXIII, стр. 148 -149).

Из этих коротеньких фраз можно заключить следующее:

1) Марксом и Энгельсом существовала специальная договоренность относительно снабжения марками, так как иначе Энгельс их бы не посылал, а тем более не писал бы о том, что он «еще» прилагает марки; по видимому посылка марок носила систематические характер;

2) Энгельс довольно обстоятельно вникал в филателию, так как он вполне правильно указывает на возможность использования дублетов для обмена и даже разбирается в том, какие марки он может высылать Марксу для его дочери, чего непосвященные делать, конечно, не может. Отсюда невольно напрашивается предположение, - не был ли сам Энгельс филателистом, В письме от 20 мая он отмечает факт воровства марок в конторе. Ясно, что речь идет о гашеных марках, так как чистые иностранные марки в частной конторе быть не могли. А если Энгельс знал, что пропадают гашеные марки с прибывающей корреспонденции - значит, он внимательно следил за ними, что скорее всего присуще филателисту-любителю. Самый факт «воровства» говорит о том, что коллекционирование марок уже тогда увлекало многих.

3) К.Маркс поощрял занятие дочери филателией. Это обстоятельство очевидно и бесспорно. Как видно из письма, Энгельс посылал марки для младшей дочери Маркса, Элеоноры (она же Туссенка и Бэби), родившейся в 1855 году, т.е. ко времени цитированных нами писем насчитывавшее только 8 лет. И если Энгельс в серьезной деловой и научной переписке специально упоминает о марках и посылает их, ясно, что его об этом просил К.Маркс. Если учесть теперь то внимание, которое К.Маркс уделял воспитанию своих детей (вплоть до танцев), то станет бесспорным, что филателия, как фактор культурного воздействия на ребенка, поощрялась Марксом вполне обдуманно и отнюдь не случайно, Это подтверждается еще и тем, что Маркс даже в менее важных вопросах, чем воспитание детей, всегда руководствовался твердыми и логически обоснованными принципами.

Итак, К.Маркс и Ф.Энгельс ещё 70 почти лет тому назад способствовали привитию ребенку любви к филателии. Еще 70 лет тому назад два лучших ума поняли то, чего некоторые наши умишки не могут понять до сих пор: что филателия - средство культурного воздействия. Как известно, впоследствии Элеонора Маркс была активнейшей участницей английского рабочего движения. Филателия таким образом не помешала ей стать революционеркой. Отсюда вытекает, что в нас нечего опасаться каких-то отрицательных последствий от занятия этим культурным и общеобразовательным делом, как опасно предполагают некоторые. Все зависит от методов, принципов и целей коллекционирования.

Отметим еще один штрих. Филателистический фонд мира в шестидесятых годах прошлого века представлялся более чем скромно не только в количественном, но и в качественном отношении. Почтовые марки имели тогда двадцатилетний возраст и не могли похвастать тем обилием сюжетов, художественного разнообразия, графического

мастерства, богатства красок и классово-идеологического содержания, которые присущи современным почтовым маркам. И если тем не менее Маркс и Энгельс систематически помогали восьмилетнему ребенку собирать эти марки, они уже тогда правильно оценили их культурное значение.

Остается пожелать, чтобы мы и в этом отношении шли по стопам Маркса и Энгельса.

Маркс и Энгельс в свое время поставили на ноги гегелевскую диалектику, которая до того стояла «вверх ногами». Пусть наше сообщение о том, что эти два величайших мыслителя поощряли филателию, - поможет нашим отечественным мыслителям поставить на ноги представление об этом мощном факторе культуры.

А отсюда недалеко и до правильного понимания всего коллекционерского движения в целом и его роли в деле культурного воспитания масс.

Д.Б.Валерон

1930 год

№ 1 за январь

страница 1 - 4

Марка как произведение искусства.

Если вы спросите филателиста, что его побуждает собирать марки, вряд ли он сумеет нам дать определенный ответ. Ему будут приходить в голову мысли о своего рода спорте, о занимательности собирания, наконец, о какой то симпатичности этих маленьких цветных листиков но, пожалуй, будет забыта одна из главных причин, - именно художественная сторона марки: марка - как произведение искусства.

Чисто слышишь выражение «красивая марка», но оно обыкновенно употребляется, как характеристика сохранности данного экземпляра, его редкости и, большей частью, - эффектности. Над тем, что каждая марка в той или иной степени, является произведением искусства, филателист едва ли задумывается.

Между тем, имеются все данные для того, чтобы, к почтовой марке подойти с художественной точки зрения. В самом деле, государство, выпуская марку, стремится дать ее красивой: привлекательной, выражая тем самым господствующий вкус. Это, разумеется, следует понимать в очень широком смысле слова. На деле же марки весьма часто выпускаются частными издательскими фирмами по договоренности с соответственными ведомствами. Таковы, напр., «Амернкэн Банкнот Компани», «Де ля Рю и К°», печатающая марки Англии и ее колоний и т. п. Эти фирмы, до некоторой степени, диктуют свой вкус обществу. В свою очередь, и каждая эпоха даст маркам свой стиль, что не трудно проследить по маркам основных характерных типов.

Здесь, разумеется, нет возможности рассмотреть все разновидности типов марок, однако, общую картину эволюции рисунка марки набросать не очень трудно имея, конечно, при этом в виду, что рисунок этот меняется в зависимости как от перемены вкусов, так и изменении техники и удешевления печати, в следствии увеличения марочных тиражей с колоссальным ростом числа почтовых операций.

Если взглянуть с художественной точки зрения на первые марки, так называемые «антики», можно заметить, что они, за малым исключением, представляют собою просто портреты властителей со вставкой надписей и цифр в фон или в легкую рамку. Исполнены они очень тонкой гравюрой резцом с травлением кислотой, отчего в печати получаются мягкие, бархатистые оттиски, дающие значительное число вариантов как по оттенкам, так и по клише, вследствие «ретуши», вернее - подгравировки. У этого типа марок краски подобраны очень тонко и гармонично, - представляется совершенно очевидным, что эстетическая задача стояла здесь не на последнем месте. То же можно сказать и о бумаге, у которой масса различий, вследствие ручной выделки; она подобрана специально для «глубокой» печати. К этой первой группе марок можно отнести марки Бельгии «эполет» работы гравера Жака Винера, первые марки Англии, по гравюре Фред. Хит. Сицилия - «Фердинанды», отличающиеся бесконечным разнообразием «ретушей», и первые марки Нидерландов. Но технике гравюры подходят сюда марки Пруссии и Саксонии, но последние печатались черным на цветной бумаге, Еще красивее марки некоторых английских колоний, напр. Цейлона, по рисунку Е.Г.Корбульда, а также целый ряд так наз. «Челон тайп», как Багама, Гренада, Наталь, Квинсленд, Тасмания и др. Здесь также необходимо упомянуть и о марке треуголке Мыса Доброй Надежды, вполне заслуженно взятой в рисунок значка Британского филателистического общества и в экслибрис Северо-западного отдела ВОФ. Сравним, кстати, работу и рисунок старой треуголки и недавно выпущенного бездарного подражания в Брит. Южной Африке, - падение художественности сказывается самым очевидным образом. Нельзя пройти мимо поразительной серии «геральдических» марок Новой Шотландии, Нового Брауншвейга и

Ньюфаундленда с их большой тонкостью гравюры и художественной печатью.

Художественная печать марок продержалась на этой высоте сравнительно недолго. Сначала начала портиться печать. Все первые марки Англии и ее колоний печаталось фирмой «Перкинс, Бэкон и К°» с 60 же годов прошлого столетия эти же клише переходит к фирме «Де-ля-Рю и К°», что совпадает с довольно быстрым падением художественной печати; краски становятся менее глубокими по тону, сама же печать - грубее, вследствие упрощенных способов перевода с оригинальной гравюры на планшет для печати частично же даже перевода того же самого рисунка вместо «глубокой печати» на печатание с медных или гальванизированных клише типографской печати.

В 60 же годах развивает свою деятельность американская фирма «Америкэн Банкнот К°», которая вырабатывает свой стиль марок - очень четкую границу резцом и пупсоном на стали, суховатого рисунка, но очень хорошей печати, К этой серии принадлежат марки Канады, Нов. Брауншвейга, Соед. Штатов и, в дальнейшем, почти все американские марки, Здесь, при бесспорной красоте марки, техника уже начинает преобладать над художественностью.

Второй эпохой стиля можно считать марки рельефной печати, где начало скульптуры сменяет принцип гравюры, и марка является барельефом в бумаге, включенным в яркое, цветное обрамление. Марка достигает максимума декоративности и лаконической выразительности. Сюда относятся марки Португалии, Сардинии и целого ряда государств старой Германии.

Более дешевой была «литография» - печать с плоского камня: или гравюры на нем, или так называемого «перевода». По первому способу отпечатаны хотя бы марки Ольденбурга, но второму - целый ряд марок местных изданий. Но литография дает еще больше разновидностей печати, чем гравюра: небольшой дефект «перевода» совершенно изменяет рисунок марки и открывает возможности ее подделки.

Типографская печать, давая громадный выигрыш во времени и простоте печати, сильно снизила марку в художественном смысле. Она не дает той остроты линий и бархатистости тона, которые наблюдаются в «глубокой печати», и требует более грубого и четкого рисунка. И мы видим марки Англии «чертежного стиля, Франции в «греческом стиле» рисунки гравера Барр. Марки этого периода, приблизительно 80 годов, можно охарактеризовать, как этикетки, теряющие художественное значение.

В 90 годах происходит дальнейшее падение художественности марки. Рисунок сух, чертжен - сюжет преобладает над выполнением. В качестве примеров назовем «тип Мушона» во Франции и «ангильский» и «сейшельский» типы английских колоний.

Эпоха 80 и 90 годов характеризуется бурным ростом буржуазии и накоплением капитала. Некогда и некому думать об эстетике - время деловое. С приближением к XX веку появляется потребность в украшении марок, и мы видим, как голая схема марок 90 годов начинает обрастать какими то орнаментами, завитушками и арабесками, - к примеру новый «ниасский» тип английских колоний, - а то и сочиняются новые, более «легкомысленные» рисунки «декадентского» стиля, как на марках Франции и др.

Уже с 90 годов, в подражание юбилейной серии Соединенных штатов топкого и достаточно художественного выполнения, выпускаются массами марки с картинками, которые при ближайшем их рассмотрении оказываются нарисованными небрежно и, несмотря на хорошую и эффектную, часто двухцветную печать, никак не могут быть названы художественными. К этим маркам можно отнести «зоологические» Сев. Борнео, Ниассы и некоторые южно-американские. Этого типа марки выпускаются главным образом для юных филателистов, которых они пленяют своей яркостью и дешевым

эффектом.

После мировой войны массовые марки начинают находить свой стиль, но лишенный художественности хотя бы на своей лаконичности. Тон задаст французская «сеятельница», гравюра также Мутона, попав на сплошной фон и соединив два принципа, - гравюры и рельефной печати. Таковы и марки Германии с «великими немцами», - вырабатывается как бы стандарт, отличающийся у разных марок только качеством печати. Англия, как более консервативная страна придерживается в общем старой схемы, приукрашивая свои марки в пышном стиле Людовика XVI; особенно неудачны «роскошные» марки выпуска 1912 г. от 2 шилл. 6 пенс, до 1 фунта стерл., выполненные гравюрой очень ловко, но в художественном смысле представляющие форменную какофонию, где «смешались в кучу кони, люди», здесь и Георг V и Британия, и морские кони, все втиснуто в маленький клочок бумаги в ущерб композиции и чувству меры.

Франция, создавшая тип «сеятельницы», в то же время достигает настоящего безобразия, безотносительно даже к художественности, в марках Олимпиады 1924 г. и в совершенно бездарных, безвкуснейших марках Декоративной выставки. Здесь уже явно сказалось разложение буржуазии, утратившей всякий вкус в гоняющейся только за сенсацией.

В последнее время, чуть не ежедневно выходит бесчисленное количество марок, часто очень эффектных, напр., в Испании, Италии. В смысле разнообразия печати и ее качества эти марки иногда представляют не малый интерес, но всюду виртуозность техники преобладает над художественным стилем.

Развитие типа марок России на всем своем протяжении отражает историю нашей страны за последние 50 лет. Первые марки, получившие свой рисунок из Австрии, казенный и скучноватый, довольно удачны по краскам, как 10, 20 и 30 коп. за лот, так и 1,2, 3 и 5 коп. - в сочетании черного с цветной подкладкой, Это последние вздохи умирающего империализма. Затем, для солидности печатаются марки в один тон, но консерватизма ради сохраняют свой казенный рисунок. Эта этикетка выражает нею пустоту чиновничьей России 80 - 90 годов. Наступает XX век. Во всех европейских странах появляются новые рисунки марок, не отстаем и мы. Сначала, после Японской войны, выпускаются благотворительные марки стиля «модерн»; потом - мелкие, невыразительные марки, беспощадно загроможденные завитушкам стиля Людовика XV. В них ощущается какая то попытка подновления монархии с негодными средствами. Последняя «роскошь» монархизма - «романовская» серия 1913 г., где улучшение техники и привлечение художников как будто сообщает им художественность, однако сравнение их с любой маркой старой Англии сразу же обнаружит их безвкусную стилизацию старины, - приятные мечты о былом. Патриотические чувства во время Мировой войны порождают марки с богатырями и прочими атрибутами седой старины, бездарнейшего казенноутвержденного рисунка. Этим «стилем русс» и заканчивается на марках императорская Россия.

Февральская революция выпускает марки «либерального» типа, которые как то еще смахивают на «романовские», но внутри их солнце свободы, и цепь, и рука ее разрывающая.

В Октябре власть переходит к трудящимся. Пролетариат под руководством Коммунистической партии, разбив контрреволюцию начинает строить жизнь по-новому - социализм. Во время гражданской войны было не до разработки стиля, и первые советские марки не выражали эпохи; только эмблема труда показывает, что эти марки страны трудящихся. Аллегорическая марка с поверженным драконом и рабочим, исполненная

гравюр, плохо нарисована, особенно неудачны шрифты. Не приходится говорить о рисунке марок «голодающим Поволжья» - это наивные рисунки любителя-дилетанта. К пятилетию советов марки уже много удачнее и по замыслу и по выполнению. Окончательный выпуск с рабочим и красноармейцем и крестьянином, сперва несколько измельченного рисунка - дает простое «стандартное» решение марки, но рисунок мало четок, особенно случайно сделаны надписи. Очень простая, строгая марка, выпущенная по случаю смерти Ленина, сделанная наспех - одна из самых удачных марок.

Затем идет серия десятилетия Советов, нельзя не признать неудачный составление серии из совершенно разнотипных марок. Здесь и плакат, (3 коп.) и снимок с картины, «стильная» марка с грушами и прочими плодами земными «5 коп.», гравюра Смольный, плохого рисунка и наконец очень перегруженная деталями марка в 28 коп.

Удачными можно признать марки «декабристов», если бы в одной из них «в 7 коп.» не были так измельчены фигуры, что относится также и к марке в 14 к, из серии 1905 года. Красивы марки Попова, Академии наук и несколько пестрая марка с Заменгофом. Марки с мавзолеем Ленина были бы лучше, если бы дать несколько более легкую рамку. Улучшенный выпуск 1927 года отпечатан очень хорошо, единственные его недостаток скучноватый орнамент. Лучшими в смысле техники можно считать марки с портретом Ленина высших достоинств, очень удачно подобраны краски. Выпуск следует за выпуском, тут и Красная армия и беспризорным и последняя серия 1905 года, но приходится отметить, что стиль строительства нового мира - социализма - еще не найден. Требуется как-то, по-новому, подойти к рисунку марки не повторяя избитых форм, как-то четко и ясно выразить новую мысль, чтобы она на марках проникла во все уголки мира, выполнив свою агитационную роль.

В заключение приходится сказать, что, не смотря на желание сделать марку художественной, с ее художественными возможностями считаются мало. Изобретение новых способов печати удешевило производство и улучшило качество марок, но мало прибавило в художественном отношении. Для получения художественных марок нужно поручить это дело художникам - специалистам, а не только техникам или хотя и художникам, но не знакомым с техникой печати марок.

Н.Ф.Лапшин

1930 год
№ 10 за октябрь
страница 246 - 247

Подделка марок и способы ее экспертизы

Подделка почтовых марок, как промысел, едва ли не ровесница самих марок. Не успевали те или другие страны выпустить свои первые марки, как уже появились их фальсификаты. Так, во Франции, как известно, марки были впервые введены в обращение в январе 1849 года, а в мае того же года была обнаружена шайка их подделывателей. В Брауншвейге стали уже в марте 1852 года подделывать марки, выпущенные 1 января того же года. Почти такие же картины наблюдаются и в других европейских странах, особенно в Испании и Италии. Все эти ранние подделки изготавливались исключительно для обмана почтовых служащих, и жертвой их оказывалась государственная казна. Для филателистов в прямом смысле слова они совершенно не опасны уже по примитивной грубости их выделки, да большей частью и не интересны, так как «для почты» обыкновенно подделывались, а иногда подделываются и теперь, ходовые марки, оригиналы которых попадают на рынке в достаточном изобилии, чтобы держать их цены на сравнительно низком уровне.

Серьезную опасность для коллекционеров, даже настоящий бич филателии, представляют только марочные подделки, прямо и непосредственно направленные их фабрикантами или торговцами на введение в заблуждение в их подлинности несведущих любителей марок. Корни этой фальсификации теряются в седой старине филателии. Первые успехи новой отрасли коллекционирования вызвали к жизни и новый вид мошенничества, избравший своими жертвами ее адептов. По свидетельству филателистов далекого прошлого, родиной таких подделок была Бельгия. Первые марочные фальсификаты, вышли из Антверпена, где двумя торговцами были подделаны первые марки Бразилии. Затем, вместе с ростом филателии росли и марочные фальсификации, ставшая для некоторых весьма доходной статьей. Фальсификаторы орудовали тогда главным образом в Германии, Италии и Швейцарии. Уже первые филателистические журналы, начавшие выходить в 60 годах прошлого века, как «Le TimbrePoste» Моэнса, под редакцией Гансио, в Бельгии, или «The Stamp Collector's Magazine» в Англии, полны сообщений о подделках марок и их отличительных признаках. К тому же времени относятся и первые посвященные марочной фальсификации отдельные издания, как например, «De la falsification des timbres-poste» тех же Моэнса и Гансио (Брюссель, 1862) или «Forged stamps» Льюиса и Пембертоиа Эдинбург, 1863). Подделки получили такое широкое распространение, что, по словам старых немецких филателистов, ими буквально кишели самые лучшие марочные коллекции Германии уже в 70 годах.

Этому удивляться нечего. Филателисты того времени против наплыва фальсификатов были совершенно беззащитны. Сама филателия зародилась сравнительно недавно. Марочных каталогов в общепринятом у нас смысле тогда ещё не существовало, то же немногое, что было известно под этим названием, содержало лишь самые элементарные (а подчас и неверные) сведения о марках, их зубцовке, водяных знаках, бумаге и оттенках. В зародыше была и филателистическая литература, явившаяся к тому же главным образом дилетантского, а не научного характера. Да и само занятие почтовыми марками рассматривалось скорее, как модное развлечение, чем культурное начинание. Несмотря на выходившие уже филателистические журналы, в них заглядывали очень немногие коллекционеры.

Да и кто были тогда эти коллекционеры? Большинство их составляла школьники, юнцы, пристрастившиеся к маркам, как к новой игрушке, и являвшиеся для фальсификаторов самой удобной жертвой. Неудивительно, что их не трудно было проводить течи поверхностно и наивно исполненными литографскими поделками, какие

дошли до нас от тех времен и на которые теперь не попадетсЯ и ребенок.

Вместе с общим культурным прогрессом человечества прогрессиовала и марочная фальсификация, утончалась выделка, стали и в этом деле применяться все достижения науки, включая фотографию и химию. Фальсификаторы сами превратились в ученых филателистов, доводя часто свою работу до уровня настоящего искусства.

Правда, до поры, до времени, многие из них совестились выбрасывать на рынок свою продукцию, не снабдив её стыдливой надпечаткой «*facsimile*», «*falsch*», «*faux*», «*faksimitat*» и тому подобное, но потом они по видимому, признали лишним, и подделки, свободные от всякого сигнального клейма, стали невозбранно скитаться по белу-свету, соперничая с оригиналами марок, главным образом, редких и ценных, и выколачивая из карманов неопытных филателистов немалые денежные суммы.

Долгое время фальсификация марок процветала как «подпольный» промысел, однако в последствии, окрыленные своими успехами фабриканты подделок стали всплывать на поверхность промышленной жизни, выпуская даже преЙскуранты и рекламные проспекты о своих товарах, которые «невозможно отличить от оригиналов», предлагая подделки на подлинных письмах соответственной эпохи, какие нибудь марки с поддельными надпечатками по самой низкой цене и т. д. и т. п. В самом деле, далеко не все фальсификаторы считали нужным лично пускаться на явное мошенничество выдачей своих фабрикатов за оригиналы. Наиболее видные «гласные» подделыватели продавали и продают их сравнительно дешево, как заведомый суррогат подлинных марок. Их прибыли построены на массовом сбыте, на оптовой продаже подделок марочным торговцам, разумеется, мелким, так как стяжавшие себе известность крупные фирмы к таким махинациям не прибегают, опасаясь потерять свою богатую клиентуру. Эти мелкие торговцы и являются настоящими вампирами филателистов, подсовывая им за оригинал этот хлам. С формальной стороны дела фабриканты обыкновенно юридически не замараны. Ведь законы большинства европейских государств преследуют подделку только курсирующих марок, они же неизменно подделывают почтовые знаки, давно вышедшие из обращения. До того, что такой промысел, как выработка орудий преступления, сам по себе не может быть терпим, как общественное зло, буржуазные правительства еще не додумались, и это обстоятельство не мало подбодряло фальсификаторов на дальнейшие подвиги и поощряло их наглость. На Западе нередкими были случаи фигурирования подделок на филателистических выставках, на которых фабрикантам их присуждали даже медали и другие награды. Тут комментарии уже совершенно излишни. Некоторые подделыватели даже вступали в пререкания с обличавшими их органами филателистической печати. Так, напр., был случай, о котором сообщалось в журнале «*Le Timbre Poste*» в 70 годах, когда один фальсификатор, отстаивая свое доброе имя перед прессой, договорился до того, что он, мол, не враг, а истинный благодетель филателии: многих начинающих филателистов отшатывает от собирания марок дороговизна редких экземпляров, он же, давая им возможность приобрести суррогаты этих редкостей по ничтожной цене, стимулирует их коллекционерскую активность!

Впрочем, далеко не все филателистические журналы занимаются выведением этого элемента на чистую воду. Есть и такие, которые сами помещают на своих столбцах объявления фальсификаторов. Среди этих объявлений попадаются просьбы торговцев указывать при заказе марок, угодно ли получить оригиналы или подделки! 15 больших же западноевропейских универсальных магазинов, вроде Вертгейма в Берлине, еще в 1919 году открыто продавались наборы в 500 поддельных марок приблизительно за 30 германских марок.

В качестве крупных, - можно сказать, мировых, - фальсификаторов, приобрели

широкую известность в Италии Онслья, Макриди, Сарторн, а в особенности Вентурини и братья Сперати, владельцы целой фабрики марочных подделок в Рапа д'Арно и филиала её в Лукке, в Германии - Бредемейер, Цехмейер, Кристман, Фоль, Фуре и Трюппе, во Франции - Баге с компанией, в Бельгии - Слипис, в Швейцарии - Гегго, Мерсье и бесподобный в своем деле Фурнье. Деятельность последнего так выделилась достигнутыми им результатами, что мы считаем не лишним осветить пошире работу его предприятия.

Ф.Фурнье явился преемником вышеназванного Мерсье, основавшего в 1812 году в Женеве специальное «заведение» марочных подделок, и на это дело заручился официальным разрешением швейцарского правительства (sic). Постепенно расширяя свое предприятие, он вместе с тем неукоснительно улучшал свое производство, пользуясь главным образом фотолитографией, а также всеми известными новейшими способами изготовления марок, для чего оборудовал свою мастерскую всевозможными печатными станками, перфорационными машинами и прочее.

Им подделаны почти все мало-мальски ценные марки, но, разумеется, не с одинаковым успехом. Впрочем, в случае неполной удачи, он никогда не останавливался перед подправкой клише или даже изготовлением нового, стремясь всегда к усовершенствованию в своем деле. Таким образом, встречаются подделки Фурнье разных ранних и поздних типов. Разительным примером этого могут служить его фальсификаты 5-франковой марки Бельгии 1878 года, которых было выпущено целых пять изданий, и которые, следовательно, встречаются пяти разных типов. Лучшей работой Фурнье, по его собственному признанию была подделка редчайшей разновидности 4-сант. марки Эльзаса п Лотарингии со сдвинутой влево цифрой номинала (вертикаль, проведенная вниз, как продолжение вертикали цифры «4», перерезала бы букву «t» в слове «sapeim-s»). Кроме того, ему чрезвычайно удалась операция над дешевой гашеной 3-крейцеровой маркой Бадена 1862 года, из которой, путем удаления краски с полной сохранностью гашения, им была сфабрикована дорогая марка в 30 крейцеров. Подделка получилась на оригинальной бумаге с подливным гашением!

Хуже выходили у него надпечатки. В этом отношении он не достиг уровня, до которого дошли современные их подделыватели. Зато в деле фабрикации поддельных штемпелей гашения он положительно не знал соперников. Эти гашения накладывались им как на свои подделки, так, по особым требованиям, и на оригиналы, а также на подделки чужой работы. Так, например, однажды им были получены от одного туринского «коллеги» незубцованные еще листы по 16 (4X4) марок - подделок Бадена, выпуска 1862 года. Фурнье наложил на эти марки свои гашения, а затем проперфорировал листы десятию последовательными операциями. Правда, с гашениями у Фурнье не всегда обводилось без промахов и ляпсусов. Из последних можно отметить один курьезный штемпель, изготовленный для марок Эльзаса и Лотарингии, с надписью «Urbeis 31 /II 71, 2-3 №». Здесь фабрикатом было упущено из виду, что в феврале месяце никогда не бывает 31 числа.

Как бы то не было, но фабрикаты Фурнье были все же настолько совершенны, что он умудрился получить за них не более и не менее, как шесть знаков отличия, восемь золотых медалей, четыре примни и шесть почетных (!) дипломов на международных выставках в 1895 году в Сент-Этьене, в 1896 году в Ницце, в 1897 году в Марселе, в 1898 году в Тулузе и Лионе и др.! Фурнье умер во время мировой войны, и преемником его стал некто К. Гиршбургер. Затем, как известно, все это дело было приобретено Женевским филателистическим обществом, которое, издав в 1929 году роскошный альбом фальсификатов Фурнье в назидание филателистам, уничтожило весь инвентарь

предприятия вместе со всеми запасами не распроданных подделок, вырвав таким образом с корнем одно из крупных зол мировой филателии.

И так, искусство и предприимчивость фальсификаторов росли и продолжают расти вместе с развитием коллекционирования марок. В самое последнее время подделыватели старались даже опередить возможность ознакомления широких кругов филателистов с деталями оригиналов, выбрасывая на рынок свою продукцию почти одновременно с появлением оригиналов. Так, например, бывшее новейшими марками Александрии, Батума, Польши, Мемеля, Сирии и др. О возможности борьбы с ними рядовых собирателей марок говорить не приходится. Ведь не менее 90% всех мнящих себя филателистами на самом деле просто маркоманы, озабоченные лишь количественным увеличением своих коллекций и заполнением пробелов в подбирающихся у них марочных сериях, механические клейщики марок, которые ими приобретаются, как «кот в мешке», без всякого исследования или хотя бы внимательного рассматривания предлагаемого им товара. В лучшем случае они довольствуются проверкой отсутствия у данного экземпляра наружных дефектов, да летучей справкой в каталоге, даже не помышляя об ознакомлении с филателистической литературой, этим в сущности естественным и необходимым продолжением и дополнением каталогов. Эти замечания, общие для коллекционеров «середняков» всего мира, в особенности, относятся к советским, находящимся в несоизмеримо худших условиях, чем их западные коллеги, уже потому, что к услугам последних имеется широко развитая специальная литература на их родных языках. На русском языке, вследствие целого ряда объективных причин, серьезных трудов по филателии не издавалось никогда, а появлявшиеся, как эфемериды, филателистические журналы содержали материал больше по поводу, чем по существу.

Действительными, серьезными противниками филателистических мошенников могут быть только достаточно подготовленные, образованные в своем деле коллекционеры, и можно с уверенностью сказать, что в подавляющем большинстве случаев все шансы на благоприятный исход борьбы на их стороне.

Дело в том, что, как учат самые компетентные и известные спецы филателистической экспертизы, нет никакой возможности изготовить марочную подделку, которая бы была идентична с оригиналом и по размерам, и по бумаге, и по рисунку, и по оттенку краски, и по зубцовке, и по гуммировке, и по гашению. Как утверждал уже в довоенное время один из видных авторитетов в этой области, за полвека не появилось ни одной подделки, которая могло бы провести экспертов; во всех почти случаях сомнения разрешаются в три счета, и, может быть, если эксперт еще не вполне мастер своего дела, один раз на десять тысяч потребуется продолжительное исследование путем сравнения с бесспорным оригиналом. С тех пор положение вещей ни на йоту не изменилось, несмотря на все ухищрения и усовершенствования, введенные в свои промысел подделывателями.

«Число действительно трудно экспертируемых марок», пишет один из новейших специалистов, «очень ограничено. Хотя наиболее удачные подделки достигнуты посредством фотографии, однако и здесь клише не может дать того оттиска, какой получен от оригинального, а кроме того, всегда будет разница в бумаге, в зубцовке, в оттенке, в гуммировке, в гашении и прочее».

То же говорит и другой, - известный французский эксперт Ф. Серран в предисловии к своему «Vademecum du spécialiste expert en timbres poste d'Europe» (Ницца, 1927): «Достигнуть полного подражания оригиналу совершенно невозможно. Фальсификатор никогда не добьется абсолютной идентичности, хотя бы он сто раз переделывал свое клише. Напротив, всякое исправление повлечет за собой новые промахи, и никакой фотографией нельзя получить точной копии марки или банкового билета».

Несколько сложнее обстоит дело с надпечатками, экспертиза которых подчас крайне затруднена, но и тут в конце концов эксперт одерживает верх. Главное затруднение в том, что надпечатки обыкновенно подделываются фотографией. Однако подделку выдает, во первых, краска, никогда не соответствующая оригинальной, а во вторых - поддельное клише опять таки не дает такого оттиска, как подлинное, и надпечатки от него выходят расплывчатые и не такие четкие.

Но перед чем действительно иногда экспертиза может оказаться бессильной, это перед определением подлинности гашения. В этой области фальсификаторам очень на руку многочисленность, часто наблюдаемая неясность и изношенность подлинных штемпелей, и достигнутые ими здесь успехи зачастую так разительны, что еще не очень давно наиболее авторитетный из немецких экспертов, известный Макс Тир, публично наотрез отказался от экспертизы гашения марок германских колоний. Упомянув о профессиональной экспертизе марок, заметим, что действительную гарантию представляет заверка марок, полученная коллекционером только лично и непосредственно от самого Эксперта. Одна же наличность гарантийного штемпеля па марке, полученной из третьих рук, сама по себе никакого серьезного ручательства представлять не может - фальсификаторы не остановятся перед подделкой и этих экспертных знаков марочной подлинности.

Продолжение следует

Н.И.Носилов

1930 год
№ 06 за июнь
страница 138 - 142

О новой первой марке России

Открытие известным знатоком марок России К.Шмидтом марки тифлисской городской почты, являющейся по времени ее выпуска первой из всех известных до сих пор русских почтовых марок (и, кстати сказать, выставленной на выставке «Ipostea» в Берлине) породило на Западе целую литературу, главным образом, критического характера. Возражения, сделанные западными филателистами на присвоение тифлисской марке официального значения наравне с другими почтовыми марками России, сводились, в сущности, к нескольким пунктам. Указывалось на то, что эта марка вовсе не городская почтовая, а обыкновенная земская, что ею оплачивались, между прочим, письма, посылавшиеся из Тифлиса в его окрестности, в частности, в Каджары, что по изготовлению эти марки существенно отличаются от других русских марок, что против официального их характера говорит самый факт не нахождения тифлисской марки до самого последнего времени, что наличие на марке изображения государственного орла равно ничему в ее пользу сказать не может так как такой орел был, как известно, и на марках Мелитопольского земства. Высказывалось сомнение в право Кавказского наместника выпускать марки вообще, приводились и другие исторические обстоятельства, подкрепляющие критическое отношение к спорной марке и т.д. и т.п. Недавно К.Шмидт выступил в «Die Postmarke» с обстоятельным ответом своим критикам, все суждения которых он считает вызванными лишь недостаточным знакомством с положением вещей в старой России вообще и с историей ее почты в особенности. Автор прежде всего отводит всякое сравнение тифлисской марки с земскими, как не имеющей с последними ничего общего по самому ее происхождению. Сравнить эту марку, по его мнению, можно только с хорошо известной маркой столичной городской почты 1863 года. Что же касается официального характера городской почты, как таковой, то К.Шмидт делает интереснейшую для всякого филателиста, и для нашего в особенности, экскурсию в область ее истории. С самого возникновения почтовых сношений в России до начала 30-х годов прошлого столетия государственной почтой обслуживалась только иногородняя корреспонденция, так как считалось, что в пределах города всякие нужные сообщения могли быть сделаны через рассыльного или даже лично. Однако постепенный рост больших городов породил требования в особой почтовом аппарате, обслуживающем сношения их жителей между собой. Была создана особая городская почта с совершенно самостоятельной организацией и управлением.

Впервые она была введена в Петербурге 17 января 1833 года с устройством в этой столице сначала 42 пунктов для приема корреспонденции. В 1835 году этих пунктов прибавилось еще 31 и с этого времени городская почта твердо вошла в систему государственного хозяйства. С открытием в 1838 году Царскосельской железной дороги зона обслуживания населения городской почтой распространилась и на Царское Село, как летнюю резиденцию под Петербургом. До 1845 года Петербург был единственным городом в России, пользовавшимся услугами городской почты, 1 же января этого года она была введена и в Москве. 19 октября 1845 года последовало правительственное постановление о введении для этой почты особых знаков почтовой оплаты в виде штемпельных конвертов, продажа которых и началась в Петербурге 1 декабря того же года, а в Москве - в начале следующего, 1846 года. Несмотря на очевидную пользу, приносимую городской почтой населению, почтовое ведомство отнюдь не спешило с введением ее и в других городах. Лишь в 50-х годах она была организована в Варшаве, а в 60-х годах - в Казани. В 1863 году, как известно, для столичной городской почты были выпущены 5-копеечные марки. Число городов, обладавших своей городской почтой, понемногу все возрастало, и к концу 60-х годов, кроме вышеуказанных городов, таковая функционировала в Одессе, Киеве, Кишиневе, Харькове и Житомире. Нет возможности точно установить время введения ее в

Тифлисе, так как марки ее найдены совсем недавно. В изданных в начале 70-х годов временных правилах говорится, что организация городской почты в прочих городах предоставляется усмотрению местной губернской и почтовой администрации. Из этого исторического примера вытекает, что вновь открытая тифлисская марка должна быть отнесена именно к вышеперечисленным Знакам почтовой оплаты, выпущенным специально для городской почты. Городские почтовые сношения были в то время в Тифлисе особенно значительными. В конце 50-х годов на каждые 100 городских жителей в России приходилось в среднем 12,3 полученных и отправленных писем в год, в Тифлисе же - целых 36 (в Англии - 300). Это обстоятельство в 1848 году побудило тифлисского почтмейстера Крюденера сделать представление о выпуске для местной городской почты особых штемпельных конвертов. Стоимость таких конвертов в Петербурге, Москве, Варшаве и Казани составляла 6 коп. (5 коп. за доставку письма и 1 коп. за конверт). В других городах в таких конвертах надобности уже не было, так как ко времени организации в них городской почты уже были выпущены общеимперские марки мелких номиналов в 1,3 и 5 коп. Таким образом, размер оплаты городских писем приблизительно совпадал с достоинством тифлисской марки. Тифлисской городской почтой обслуживалась, наряду с городом, и летняя резиденция Каджары, что может быть всецело поставлено в параллель с обслуживанием петербургской городской почтой Царского Села, отстоящего от столицы на 20 верст. Правда, почтовый тариф для Каджар был втрое выше обычного городского, что не имело места с письмами, адресованными в Царское Село, но это объясняется только тем, что почта в Каджары доставлялась на лошадях по тяжелому гористому пути, тогда как в Царское Село - по железной дороге и по ровной поверхности. В 1930 году в Закавказье была организована государственная почта, для которой был учрежден XIII почтовый округ. Была открыта главная почтовая контора в Тифлисе и окружные отделения ее в Баку, Эривани, Нахичевани, Кутаисе и Редут-Кале, а впоследствии - подотделения в Гори, Душете, Анатуре, Телове, Сигнахе, Елисаветполе, Кубе, Дербенте и Владикавказе, подчиненные главной тифлисской конторе. В последней, судя по позднейшим почтовым правилам, продавались марки тифлисской городской почты, опускавшиеся полосками по 5 штук. Эти полоски до нас пока не дошли. До сих пор из тифлиских марок найдены только три ординарных экземпляра и один на письме. Печатание марок полосками ничего особенного собой не представляет, - ручными станками для рельефной печати марки только таким образом и печатались. Нечего удивляться и тому, что тифлиских марок не было найдено до самого последнего времени. Ведь филателистов в эпоху курсирования этих марок не существовало и ни для кого не представляло интереса сохранять такие марки. С казанской городской почтой в этом отношении дело обстоит еще хуже: до сих пор не найдено ни одного курсировавшего там петербургского штемпельного конверта, хотя по данным почтового архива они с июля 1866 года по апрель 1869 года проданы там в числе 1 070 штук. С самого ее возникновения и до 1879 года, когда городская почта совершенно слилась с обще имперской, она была непосредственно подчинена последней, управлялась и обслуживалась государственными почтовыми чиновниками, состояла под контролем Почтового департамента, перед которым и отчитывалась в своей работе. Отделение городской почты от имперской было чисто организационным и функциональным, в административном же отношении первая составляла неотъемлемую часть второй. Изображенные на тифлисской марке государственный орел и почтовые рожки - наружный знак этого взаимоотношения. Если таковые по недомыслию изображены были также и на марко Мелитопольского земства, то последняя марка тотчас же по обнаружении этого была изъята из обращения особым распоряжением Почтового департамента от 11 мая 1871 года за № 6 863. Замечание одного из критиков о том, что тифлисская марка, может быть, просто вырезка из штемпельного конверта, опровергается вышеупомянутыми почтовыми правилами, предлагавшими, с

одной стороны, наклеивать марки на письма, а с другой - продавать их полосками в 5 штук. Остается осветить еще вопрос о прерогативах Кавказского наместника в области почты. Наместник на Кавказе представлял личность царя, и поэтому его права были гораздо шире прав губернаторов и генерал-губернаторов. Хотя почтовое дело во всей империи состояло о непосредственном ведении Почтового департамента, наместник пользовался правами, в случае замеченных им не порядков, вмешиваться во все области управления, изменять соответствующие распоряжения и издавать новые. Важнейшие постановления Почтового департамента требовали царской санкции, распоряжения же наместника в ней не нуждались, поскольку он представлял сам царскую власть. За исключением учреждений государственного контроля, государственного банка и юстиции, он мог отменять любые распоряжения министров, доводя о мотивах отмены до сведения царя. Где это с совершенной ясностью указывает на то, что кавказский наместник имел полное право ввести в Тифлисе городскую почту, и поэтому и выпущенная им для последней марка носит совершенно официальный характер.

Н.И.Носилов

1930 год
№ 10 за ноябрь
страница 277 - 279

Парижская коммуна и коллекционирование.

В марте текущего года исполнилось шестьдесят лет с того момента как трудящиеся Парижа впервые свергли власть буржуазии и стали хозяевами осажденного двойным кольцом врагов Парижа. Только семьдесят два дня просуществовала власть трудящихся в форме Парижской Коммуны. Французская буржуазия при поддержке прусских штыков потопила в крови Парижскую Коммуну. Жестокости версальцев не было предела. Артур Арну в своих «Мертвецах Коммуны» ярко описывает акт расправы версальских победителей. Многочисленные жертвы, понесенные славным парижским пролетариатом, не прошли даром. Опыт, приобретенный Парижской Коммуной, был учтен Карлом Марксом и Лениным и использован у нас в Великой Октябрьской Революции. Власть советов это есть ни что иное, как улучшенный, исправленный и распространенный на всю нашу страну принцип государства Коммуны. Трудящиеся всего мира с величайшим вниманием изучают опыт Парижской Коммуны для того чтобы, оплодотворив его ленинизмом, вернее и легче свергнуть власть капитала и прочно осуществить построение государства - коммуны, то есть советской власти, доделать то, что не удалось осуществить парижским коммунарам.

Буржуазия старательно уничтожала все те памятники, на изучении коих можно было бы восстановить перед современным человечеством страницы героической борьбы парижских коммунаров. Даже в «аполитичной» буржуазной филателии марки Парижской Коммуны старательно вычеркнуты из всех современных каталогов - Только «Ганд-бух» Коля вскользь упоминает об этих марках. Кроме марок и писем, отправлявшихся на воздушных шарах из осажденного Парижа, сохранились и другие графические памятники в форме книг, газет, журналов и плакатов. В СССР имеется богатейшее собрание плакатов времен Парижской Коммуны как революционных (выпущенных Парижской Коммуной), так и контрреволюционных (выпущенных версальцами). Собрание этих плакатов хранится в Государственной Публичной Библиотеке в Ленинграде. Очень интересна история этого собрания плакатов, с которой мы и познакомим читателей нашего журнала.

В 1871 году русский меценат-коллекционер, известный библиофил Сергей Дмитриевич Полторацкий находился в Париже и пережил все то, что пережил весь Париж: осаду пруссаками, голод, провозглашение Коммуны, её деятельность, борьбу и падение и, наконец, разгул белого террора победившей буржуазии. Полторацкий использовал свое пребывание в осажденном Париже для того, чтобы собрать плакаты и афиши, выпущенные за это время. Ему удалось почти полностью собрать все то, что было выпущено в свет в Париже, при чем значительная часть афиш и плакатов была с опасностью для жизни сорвана Полторацким со стен домов. Если бы он был пойман на месте, когда он срывал эти афиши и плакаты, то ему пришлось бы пережить не мало неприятностей, так как, будь то коммунары или версальцы, они наверное заподозрили бы в нем агента враждебной стороны.

К счастью вес сошло вполне благополучно. Весь собранный материал был упакован и при первой возможности вывезен в Россию. В конце концов эти материалы Полторацкого были подарены Государственной Публичной Библиотеке, где они хранятся и до сих пор, откуда они были взяты для экспонирования на выставке в отделе «Парижская Коммуна» Государственного Музея Революции. Для обозрения были выставлены 51 экземпляр прокламаций, афиш, плакатов и большое количество карикатур. Эти свидетели былой борьбы, овеянные пороховым дымом баррикадных боев, ярко и убедительно говорят о первой попытке свергнуть власть буржуазии и построить государство мозолистых рук.

Вспоминая годовщину Парижской Коммуны, чтя память сотен тысяч погибших коммунаров, нам хочется одновременно с этим отметить и то обстоятельство, что, благодаря страсти С.Д.Полторацкого коллекционировать все, оказались собранным и

бережно сохраненными те свидетели Парижской Коммуны, которые легко могли и не дойти до нас.

Пусть этот факт послужит делу дальнейшего укрепления и развития коллекционерства среди трудящихся СССР, как одного из факторов культурной революции.

И.Буткевич

1931 год
№ 3 за март
страница 57 - 58

Марки дирижаблестроения

Прилет в СССР германского дирижабля «Граф Цеппелин» сосредоточил внимание советской общественности и прессы на проблеме дирижаблестроения. При обширности территории Советского Союза средства связи и транспорта приобретают первостепенное значение. Среди них дирижабли сами собой выдвигаются на одно из первых мест после удачных и весьма продолжительных перелетов «Графа Цеппелина».

Трудящиеся СССР прекрасно поняли первостепенную роль дирижабля в своей огромной стране, не могущей пока что похвастать развитием сообщений, и дружно откликнулись на призыв «Правды» о сборе средств на постройку дирижабля того же имени. Примеру «Правды» последовали другие газеты. Собираются средства на постройку нескольких дирижаблей. Хотя собранные суммы составляют уже несколько миллионов рублей, подписка не только не уменьшилась, но идет с огромной интенсивностью. Дружная поддержка трудящимися идеи советского дирижаблестроения свидетельствует о том, что эта идея вполне актуальна и своевременна. Не за горами тот день, когда над советской землей засеребрятся могучие воздушные корабли, построенные советскими рабочими на советских заводах. Тогда германский залетный великан будет иметь достойных его собратьев.

Советское почтовое ведомство не осталось в стороне от общего движения трудящихся масс на помощь дирижаблестроению. Народный комиссариат почт и телеграфов в ознаменование кампании дирижаблестроения выпускает специальную серию марок с изображением дирижаблей.

Осенью 1930 года на рисунки марок в честь дирижаблестроения был явлен конкурс. Всего было представлено несколько сот проектов, из числа которых жюри в составе представителей НКПиТ, Профсоюза связи, СФА и ВОФ выбрало четыре рисунка, удостоив их авторов соответствующих премий.

Рисунок марки в 10 коп. принят вне конкурса и принадлежит худ. И.И.Дубасову (Москва-Одинцово). Он выражает идею распространения дирижаблей по всему Советскому Союзу - от северных тундр с их транспортным средством - оленем - до средне-азиатских степей, где пока что еще не сошел со сцены корабль пустыни - верблюд.

На 15-коп. марке, рисованной худ. Ф.П.Слущим (Москва) и получившей первую премию, изображен дирижабль над Днепростроем. Здесь объединены две наиболее

грандиозные проблемы, выдвинутые рабочим классом и его авангардом - Коммунистической партией, чтобы наглядно показать, что такие колоссальные задачи осуществимы только при советском строе. На заднем плане показаны тракторы, - эти могучие средства коллективизированного труда в сельском хозяйстве. Весь рисунок в целом отображает страну строящегося социализма, какой она должна быть в самом близком будущем.

На марке в 20 коп. дирижабль пролетает над мавзолеем величайшего вождя трудящихся - Ленина, отдавшего все свои силы и преждевременно угасшую жизнь как раз за то, чтобы трудящиеся сами могли строить свое будущее. Рисунок марки принадлежит худ. Н.В.Алексееву и удостоен 3-й премии.

Марка в 50 коп. фиксирует роль дирижабля в исследовании малоизвестных областей земного шара. Воздушный корабль пролетает над северным полюсом, который за последние годы приковал к себе внимание всего мира, особенно после катастрофы дирижабля «Италия» и незабываемых подвигов «Красина», направленных к спасению участников катастрофы. На карте СССР схематическими белыми линиями показаны основные маршруты будущих советских дирижаблей. Марку рисовал худ. С.И.Балабанов (Ленинград), получивший 4-ю премию.

Наконец, марка в 1 рубль представляет самый процесс дирижаблестроения. Здесь и чертеж дирижабля, и обсуждение проекта, и работа по постройке воздушного корабля. Очень оригинально использован силуэт станка для помещения на нем номинала марки. Проект марки принадлежит худ. А.А.Волкову (Москва), получившему 2-ю премию. Автор проекта очень недоволен тем, что ему пришлось менять на рисунке оригинальный шрифт, на унифицированный, взятый по образцу шрифта марки в 10 коп. Кроме того автору пришлось вставить совсем новые слова «дирижаблестроение» и «почта», которые заметно нарушают композицию рисунка. Это уже вина НКПиТ, который при объявлении конкурса не указал, какие именно надписи должны быть на марках дирижаблестроения. Все перечисленные марки будут печататься различными способами репродукции. Пока что известно, что гравюрой будет исполнена марка в 15 коп.

Расцветка марок дирижаблестроения предполагается следующая: 10 коп. - фиолетовая, 15 коп. - серовато-голубая, 20 коп. - карминово-красная, 50 коп. - шоколадная и 1 рубль - темно-зеленая.

В описанных марках устранены те недостатки, которые были характерны для некоторых прежних советских марочных эмиссий. Вся серия объединена общей идеей дирижаблестроения и достаточно многогранно эту идею отображает. Шрифтовая и текстовая часть обобщены и однородны. Правда, для рублевой марки это является некоторым минусом, но еще большим минусом был бы разноречивый в надписях. Расположение марок серии по форматам симметрично: посередине серии - вертикальная марка в 20 коп., затем следуют две самых длинных - в 15 и 50 коп. и по краям две покороче - в 10 коп. и 1 рубль. Правда, марка в 50 коп. несколько длиннее 15-копеечной марки, но от НКПиТ трудно ожидать сразу совершенства работы.

Недостатком первых четырех марок серии являются слишком большие размеры дирижаблей. Но по видимому художники хотели подчеркнуть этим грандиозность дирижаблестроения в СССР величайшее значение для страны трудящихся.

Трактовка темы, графическое и полиграфическое оформление и невысокие номиналы марок серии дирижаблестроения гарантируют им большую популярность и широкое распространение. Среди филателистов, особенно специализировавшихся на марках воздушной почты, эти марки будут бесспорно пользоваться колоссальным успехом.

В этом отчасти есть заслуга нашего журнала и Всероссийского общества филателистов, а также администрации СФА, которые всегда упорно боролись за повышение качества советской марочной продукции.

Д.Б.Валерон

1931 год
№ 3 за март
страница 57 - 58

Подделка марок и способы ее экспертизы (Окончание)

Экспертиза марок на их подлинность, сохранность и пр. появилась на свет вместе с их подделками, и происхождение ее должно быть отнесено к самой колыбели филателии. Однако, как разработанная наука с ответственным теоретическим обоснованием, она стала известной только к концу прошлого века. В самом деле, работа первых экспертов проводилась «в темную», чисто интуитивным путем. Эксперт признавал ту или другую марку оригиналом или подделкой по одному субъективному к ней отношению, без подкрепления своего мнения ссылкой на какие-либо фактические данные. В 70-х годах один английский филателистический журнал на заданный его редакции вопрос, как распознавать подделки, отвечал следующим образом:

«Как их распознавать? Вопрос небольшой и ставится легко, как легко мы на него и отвечаем. Учитесь рассматривать марки, изучайте их особенности, методы гравировки, водяные знаки и зубцы. Изучайте ваши экземпляры, и в вас незаметно внедрится особое чутье, благодаря которому вы сможете тотчас же отбрасывать обыкновенную подделку, а также инстинктивно подозревать лучшую из них. Вот наш совет и таковым он был всегда. В этом кроется тайна того, как сделаться настоящим судьей как оригиналов, так и подделок». И в наши дни в филателистическом мире приходится еще встречать таких экспертов «по инстинкту», которые, кинув беглый взгляд на марку, изрекают ей безапелляционные приговоры без всякой их мотивировки, объясняя в лучшем случае, что марка им «нравится» или «не нравится». Случается с ними и то, что одна и та же марка одним и тем же экспертом признается сегодня оригиналом, а завтра подделкой. Научного в такой экспертизе нет ничего или во всяком случае очень мало. Обыкновенно здесь играет роль опытный глаз более или менее просвещенного дилетанта. Нет спора, что на старой, грубой подделке эти кустари от экспертизы могут и не промахнуться, но с новыми и как мы знаем, чрезвычайно совершенными подделками, дело обстоит иначе. Тут требует я подчас очень продолжительная работа с использованием разных вспомогательных средств.

Первейшая задача всякого эксперта - внимательное рассмотрение марки во всех ее деталях как обыкновенным, так и вооруженным глазом. И в том, и в другом случае рекомендуется всегда снимать марку с бумаги, к которой она приклеена, будь то альбомный лист или конверт. Рассмотрение имеет целью выявить, выглядит ли данный экземпляр так, как следует, путем сравнения его с другой такой же маркой — бесспорным оригиналом или хорошей его репродукцией или путем проверки наличности у него указанных в филателистической литературе отличительных признаков оригиналов или, наконец, сравнения с известными подделками этих марок и учета характерных особенностей последних, сообщаемых в филателистической периодической печати. Не малое значение может иметь здесь определение способа изготовления данной марки, нередко, например, литографские подделки марок, оригиналы которых отпечатаны гравюрой или типографским способом. Сравнительный метод исследования марок обуславливает необходимость располагать для этого соответственным материалом. Рядовому коллекционеру-одиночке, особенно неспециалисту по какой-нибудь определенной стране, обзаведение всем известным в таких случаях изобразительным и литературным материалом, конечно, недоступно. Здесь выдвигается роль филателистических объединений, прямая обязанность которых — составление как коллекций для сравнения, обыкновенно бракованных, как дешевых оригиналов и подделок, так и пополнение библиотек соответственной литературой. Относительно коллекции подделок интересно указать, что первая известная из таких коллекций была составлена в Англии, и на

основании её фирмой Стенли Гиббонс был в 1882 году первым изданием и в 1895 году вторым выпущен целый альбом известных в то время марочных подделок. С тех пор на Западе такие коллекции заводились целым рядом филателистических обществ и клубов для пользования их членов. Самым полным собранием подделок считается коллекции доктора Пирля в Берлине. Во Франции славится коллекция известного исследователя марок разных стран Брюнеля, в Англии, кроме помянутого собрания фирмы Гиббонс, - коллекция филателистического общества, в Бельгии Брюссельского филателистического клуба и так далее.

Для вооружения глаза в филателистическом обиходе обыкновенно бывает достаточно сильной лупы. Однако, как известно, продолжительное пользование стеклом, которое держится рукой, немало утомляет зрение. Поэтому для детального рассмотрения марок лучше пользоваться микроскопом. Не следует однако брать слишком сильный объектив, так как вместе с увеличением рисунка марки увеличиваются и бумажные волокна, и это невыгодно отражается на чистоте изображения. Зато там, где идет речь об экспертизе бумаги, как таковой, сильное увеличение незаменимо, но об этом ниже. Чтобы покончить с микроскопом, как орудием экспертизы марок, нельзя не упомянуть о совете английского филателиста Сэори пользоваться вставляемым в окуляр кружком с мелкой сеткой в 100 клеток на 1 квадратный сантиметр. Эта сетка разделяет марку на маленькие квадраты, определяемые поставленными в начало горизонтальных и вертикальных делений буквами и цифрами, как принято делать на географических картах. При совместном рассмотрении марок несколькими лицами получается возможности точно указывать интересующие их детали Названием точек пересечения соответственных делений, например А9, В5 и так далее. Кроме микроскопа, можно исследовать марки и посредством графоскопа, предназначенного для исследования документов, с вставным биноклем.

В тесной связи с рассмотрением марок стоит измерение тех или других их деталей. Оно не всегда так просто, как кажется, получить подходящую шкалу для мельчайших измерений не легко. Для рядового измерения более крупных деталей обыкновенно достаточно простого костяного или деревянного миллиметра, но настоящий эксперт нуждается в более точном измерителе. В прежнее время обыкновенно концы измеряемого предмета захватывались циркулем, который затем прикладывался к шкале. Для мелочей пользоваться обыкновенной шкалой неудобно потому, что толщина ее затрудняет приспособление ее к измеряемой части марки. Однажды как будто фиксированный фокус изменяется от поворота головы исследователя, от рассмотрения ее другим глазом и тому подобное. Более рациональны накладываемые на марки стеклянные шкалы, но и они не безупречны, поскольку толщина стекла вызывает параллакс. Поэтому в самое последнее время в Англии стали пользоваться усовершенствованной шкалой, в которой указанных дефектов как будто избежали. Она состоит из небольшой полоски стекла, на которой отпечатана 20-миллиметровая шкала в обратном виде фотографической репродукцией и оригинала большего размера. Для измерения марки или части ее это стекло накладывается на неё так, что шкала непосредственно ложится на марку. При рассмотрении сквозь толщу стекла такая шкала представляется глазу прямой, а деления ее указывают на одни и те же точки под любым углом зрения. Таким образом получаются совершенно точные измерения, которые с обыкновенной лупой устанавливаются с точностью до 0.1 мм.

Кроме измерительной шкалы, не малую пользу в деле марочной экспертизы приносит микрометр, посредством которого можно измерить предметы под микроскопом. При измерении марок следует всегда иметь ввиду, что их бумага подвержена стягиванию. Не мало марок, у которых прежде насчитывалось два разных размера, как, например 10 пенсов Канады, без зубцов оказались затем отпечатанными одними к теми же клише. Вся разница их обусловлена исключительно стягиванием бумаги. Бумага машинной выделки

имеет свойство стягиваться в направлении, параллельном ее сетке. Так, марка на бумаге с вертикальной сеткой стягивается больше в ширину, чем в длину. Чтобы покончить с намерением, упомянем еще о сферометре, которым устанавливается толщина бумаги. Но об исследовании марочной бумаги вообще у нас речь впереди.

Наряду с рассмотрением и измерением, в филателистическом обиходе не малую роль играет пользование бензином. Это служит как для выявления водяных знаков, которые у подделок встречаются очень редко, так и для экспертизы марок на их цельность, то есть на починку и на всякого рода трюки вроде искусственных переверток и т. п. Бензин распространяется по бумажной массе равномерно, но, сталкиваясь с неровностями бумаги, вызванными починкой марки, он обходит эти прорывы бумажных волокон и лишь спустя некоторое время заполняет и эти места. В промежутки между этим обходом и полным пробензинированием марки можно обнаружить наилучшим образом места механического связывания бумаги. В случае неудачи этого эксперимента, что, впрочем, случается редко, починка обнаруживается, если марку положить в горячую воду, в которой все склеенные места расходятся. Само собой разумеется, что этого нельзя делать с водочувствительными марками, как первый выпуск России, марки Кашмира и тому подобное. Испытание водой может заключаться и в выпуске капли ее на марку, если бумага ее от починки и подчистки представляется ненормально пористой. В этих случаях вода моментально поглощается бумагой.

Лучшим способом для сравнения деталей марочного рисунка служит одновременное фотографическое увеличение сомнительного экземпляра и его бесспорного оригинала. Одновременность производства обоих снимков - неперемное условие рациональности фотографической экспертизы, так как только таким путем можно получить одинаковые во всех отношениях увеличения обоих предметов. При 20-кратном увеличении обнаруживается малейшее отклонение от оригинала даже фотолитографской, то есть наиболее современной подделки. Если, как говорится, «игра стоит свеч», можно даже изготовить комбинированное световое изображение обоих марок. Изготавливается по одному негативу сравниваемых объектов; затем обе пластинки накладываются точно друг на друга, а между ними вдвигается один общий позитив. Малейшее отклонение линий рисунка проявляется расплывчатостью рисунка, совпадением же их, напротив, последним обостряется. К фотографическому увеличению; прибегают и для выявления мытых марок, то есть, там, где есть подозрение в искусственном удалении гашения.

Весьма существенную роль в филателистической экспертизе играет исследование зубцов. Как мы знаем, перфорация марок - один из камней преткновения для фальсификаторов, у которых нет дорого стоящих перфорационных машин. Поэтому часто подделки можно распознать уже одним исследованием зубцов. Последнее должно всегда начинаться с углов марки. Подделку - особенно современных марок - всегда выдают отмеченные нами выше перерезанные одно другим отверстия. Затем следует проверить число отверстий, приходящееся на 1 сантиметр зубцовки, как известно, в филателистическом обиходе принято число зубцов определять по количеству их, приходящемуся на 2 сантиметра, потом диаметр каждого отверстия, так как при одинаковом числе зубцов, например 13½, перфорационные отверстия могут быть и больше, и меньше; а приходящиеся между ними зубцы - шире или уже, далее - равномерность промежутка и наконец, род прокола, который обуславливается качеством бумаги и размером отверстий, волокнистостью бумаги, частотой выделки и формой концов и зубцов, бывающих квадратными или острыми. Заметим кстати, что одна подделка 10-сант. марки Франции киноварного цвета с изображением сеятельницы была обнаружена в Лионской полицейской лаборатории только вследствие неверной ее зубцовки.

Если исследуемая марка - чистая, и у эксперта имеется в распоряжении также

чистый оригинал для сравнения, можно предпринять сравнительный анализ из клея обоих марок. Это особенно рекомендуется производить у подделок для почты, с коллекционным же материалом лучше от такого анализа воздерживаться, так как даже частичное удаление клея понижает стоимость чистой марки. Само собой разумеется, что перед экспертизой клея следует основательно изучить составы клея, применявшегося в разное время для одной и той же марки. Это замечание касается марок с большими тиражами, а также некоторых редкостей, как, например, марок Ганновера выпуска 1864 г. В деле экспертизы клея немалую пользу приносят ультрафиолетовые лучи, но об их значении в области филателистической экспертизы мы будем говорить ниже. Весьма помогает и химический анализ клея, благодаря которому не трудно отличить старую гуммирование от сравнительно недавней, нанесенной на чистые марки, проданные почтовыми учреждениями в качестве остатков в негуммированном виде. Это в особенности относится до марок ряда стран старой Германии, как Любека, Гамбурга, Мекленбург-Стрелица и Шаерина, Бадена, Саксонии, Пруссии, Брауншвейга и Бремена.

Анализ бумаги желательно производить во всех, случаях сомнения в подлинности марки. Однако исследователь здесь не может применить методов экспертизы анонимных писем или даже подложных подписей, так как для этого пришлось бы отнять часть марки. Это допустимо только в случае наличия целого листа таких марок или, по крайней мере, большого их блока, что разумеется, бывает не часто. Но имеются еще и другие способы определения рода и качества бумаги. Во всяком случае едва ли можно рекомендовать прощупывание бумаги пальцами. — ведь захватывание марки даже очень чистыми и сухими пальцами сообщает ей доношенный вид, - хотя есть филателисты, которые готовы на ощупь определить подделку. Непременно следует рассматривать марки вооруженным глазом на свет и устанавливать наличность в бумаге полос верже, водяных знаков, а также вид бумажной массы. Уже одно отсутствие водяного знака - для выявления которого, как мы знаем, служит и бензин, - позволяет распознать очень большое число подделок. Наконец, можно сферометром установить точно толщину бумаги у подозрительного экземпляра, сверив её с таковой же у оригинала и т. п. Предварительно следует, конено, осведомиться о надлежащей толщине бумаги оригиналов. Некоторые выпуски марок печатались на весьма различной бумаге. Так, серия марок САСШ 1870 г. печаталась на тонкой, толстой, пористой, пергаментовидной и картонообразных бумагах. Так же приблизительно обстояло дело с первыми выпусками Австрии и Ломбардии и Венеции. Не плохи в этих случаях обращаться к помощи ультрафиолетовых лучей, к рассмотрению роли которых в филателистической экспертизе вообще мы и переходим.

Применение ультрафиолетовых лучей для экспертизы марок - одно из самых последних достижений филателистической науки. Этот способ состоит в рассмотрении марок под сильными ультрафиолетовыми лучами от кварцевой или другой лампы, направляемыми на них сквозь особый фильтр. Какой бы системы ни была служащая для этого лампа, роль лучей всегда одна и та же. Как известно, ультрафиолетовые лучи обладают свойством придавать разную окраску предметам, кажущимся при обыкновенном свете одноцветными, если окраска их разного химического состава. Они, как говорится, обнаруживают разную флуоресценцию. Поэтому если подвергнуть действию этих лучей подлинную Марку, её новодел или хорошо удавшуюся её фотолитографскую (фотогравюру) подделку, достаточно того, чтобы окраска последних была составлена иначе, чем у первого, чтобы марки оказались разных цветов, иногда чрезвычайно отличающихся друг от друга. Приведем несколько примеров. Едва ли не одновременно с выпуском марок Неаполя 1858 года с изображением так называемой тринакрии в $\frac{1}{2}$ - 50 гранов появились и подделки их для почты, которые на конвертах стоят едва ли не дороже оригиналов; все они приблизительно одинаковых оттенков, от бледно-розового до

карминового. Недавно в Лионской полицейской лаборатории было произведено исследование под ультрафиолетовыми лучами 2 подделок марок в 2 грана, 5 - в 10 гранов и 6 - в 20 гранов. Эти подделки, разумеется, можно было распознать и по гравировке и бумаге, но это отняло бы некоторое время, под лучами же они обнаруживаются несравненно скорее. В самом деле, таким путем представилось возможным тотчас же установить, что розовые марки обнаруживают следующие цвета:

2 грана: под белым светом - оригиналы от розового до карминового, 1-ая подделка фиолетовосиний-карминовый, 2-ая фиолетовосиний; под ультрафиолетовыми лучами - оригинал без изменения, 1-ая подделка - желтоватый, 2-ая - фиолетовый.

10 гранов: под белым светом оригинал - от розового до карминового, 1-ая подделка - фиолетовосиний и карминовый, 2-ая - темнокарминовый, 3-я - розовый, 4-ая - карминовый. 5-ая - ярко-карминовый; под ультрафиолетовыми лучами—оригинал без изменений. 1-ая и 2-ая подделки - яркозеленый, 3-ая, 4-ая и 5-ая—зеленый.

20 гранов: под белым светом оригинал - от розового до карминового, 1-ая подделка - розовый, 2-ая - яркокарминовый. 3-я - темнокарминовый, 4-ая светлокарминовый, 5-ая - яркорозовый, 6-ая - яркокарминовый; под ультрафиолетовыми лучами - оригинал без изменений, 1-ая подделка - легкая флуоресценция, 2-ая - флуоресценция местами, 3-я - очень сильная фиолетовая флуоресценция, 4-ая - сильная фиолетовая флуоресценция, 5-ая —рыжая и 6-ая - лиловая флуоресценция.

15-сант. марка Франции с 1877 года аллегорической группой была дважды подделана для почты в Шалоне-на-Марне и в Лионе. Под ультрафиолетовыми лучами оригинал и подделки дали следующие результаты: оригинал - слабая зеленоватая флуоресценция, шалонская подделка - небесноголубая. Лионская - ярконебесноголубая флуоресценции. Что касается подделок для коллекционеров, то в качестве примера можно указать на подделку редкой - ошибки 9-крейц. марки Бадена, черной на зеленой бумаге, изготовленную из перекрашенной обыкновенной марки этого достоинства на лиловорозовой бумаге. Оригиналы марок в 6 кр — черной на зеленой и 9 кр. - черной на лиловорозовой дали матовую темнокоричневую флуоресценцию, подделка же - светлозеленую. Оригиналы желтого австрийского „Меркурия" выглядят под ультрафиолетовыми лучами ярко-желтым, его бумага остается белой, трюкаж же из синего, сравнительно дешевого Меркурия. -мутнокоричневаторозовым при сильно окрашенной бумаге.

Результаты от ультрафиолетовых лучей еще разительнее в случае применения их к полной подделке, даже фотолитографской, или к новоделу. Под действием лучей, например, оригинал желтой марки оказывается черным, а подделка красной; из двух синих марок одна пурпуровой, а другая оранжевой, и т. п. Оригиналы первого выпуска Франции представляются в отношении оттенков и бумаги совершенно нормальными, новоделы же - почти черными на синеватой бумаге.

Хорошие услуги оказывают эти лучи и тогда, когда нет под рукой оригинала для сравнения. Они могут выявить красящее вещество, которое на самом деле было найдено значительно позднее даты выпусков оригиналов. Во всяком случае при выборе оригиналов для сравнения под ультрафиолетовыми лучами следует с педантичной строгостью отбирать соответственный материал. Так, напр., при экспертизе 1-центовой марки Соед. Штатов 1870 года нельзя упускать из виду, что эта марка печаталась последовательно Национальной, Континентальной и Американской банкнотными компаниями, тремя разными красками, и что эти три разных оттиска, при всей их аутентичности, реагируют на лучи, разумеется, не одинаково.

Ультрафиолетовые лучи могут оказать существенную помощь и для отличия разных выпусков марок друг от друга, если они печатались разными по составу красками. Так.

например, большинству коллекционеров бывает трудно отличить 10 пфениговую марку с изображением «Германии», отпечатанную кармином, от такой же, отпечатанной эозином. Под ультрафиолетовыми лучами разница между ними получается самая резкая: карминовая марка выглядит серой, а эозиновая - яркооранжевой. 2-марковые марки Германии 1875 - 90 годов обнаруживают под этими лучами целую гамму разных цветов от бледнолилового и белого до оранжевого, коричневого и оливкового. Зная состав красок, не трудно классифицировать марки по выпускам.

Кроме экспертизы марочного рисунка ультрафиолетовые лучи полезно применить и для анализа бумаги при подозрении подделки или новодела. Так, бумага оригинала ½-грош, марки Ганновера выглядит под лучами коричневой, а новодела - ярко-белой; бумага довоенных марок Германии остается белой, военных - выглядит серой, а послевоенных - лиловой.

Незаменимы ультрафиолетовые лучи и при исследовании разного рода «трюмажей», реставрированных, чиненных марок и т.п., над которыми была произведена та или другая монтировочная работа после выхода их с почты. Под действием лучей все склейки, заплатки, вставки и пр. моментально выявляются, обнаруживая соответственно другую флуоресценцию, чем у других частей марки. Не могут устоять пред ультрафиолетовыми лучами и смытые гашения штемпелем или пером, выдаваемые флуоресценцией. Мало того, применение этих лучей дало английским филателистам полезный урок из области хранения марок. Лучами обнаружено, что свежая штемпельная краска на одних марках, незаметно приставая к бумаге альбомов и кляссеров, может затем отложиться на других марках, с которыми эта бумага входит в соприкосновение. Отсюда вытекает, что никогда не следует свежегашенные марки допускать до контакта с другими марками не только непосредственно, но и через посредство бумаги, с которой другие марки могут войти в соприкосновение. В том и другом случае имеется всегда риск незаметного загрязнения других марок.

Экспертиза надпечаток сложнее экспертизы самих марок, так как для этого нужно располагать совершенно бесспорным сравнительным материалом. Это же удастся не всегда, и особенно трудно с марками французских колоний, где оригиналы очень редки и, кроме того, не однообразны, - надпечатка часто состоит из одной цифры. Там, где она в виде рисунка - экспертиза легче. Вообще же здесь последняя состоит в сильном увеличении снимков сомнительной и бесспорной надпечаток, а также в применении ультрафиолетовых лучей для определения состава типографской краски.

Не менее трудна, как упомянуто выше, экспертиза гашения по той же причине - редкости бесспорных оттисков оригинальных штемпелей. Здесь прибегают к измерениям на сильно увеличенных фотографических снимках. Для сравнения состава штемпельной краски пользуются ультрафиолетовыми лучами.

Наконец, нам приходится отметить еще одну область, в которой нередко орудуют фальсификаторы. Это - марки на письмах. Всякому коллекционеру хорошо известно, что есть марки, стоящие в отдельности не очень дорого, на письмах же представляющие собой крупнейшие редкости. Это именно те, высокая стоимость которых обуславливается исключительно их почтовым «хождением», как, например, марки Бергедорфа или Любека, а также марки с редкой зубцовкой; к последним относятся зубцовки Сюссэ и Кламеси французской империи, линейный прокол Бордосского выпуска и т.п. Вообще говоря, всякая старая марка на письме импонирует гораздо больше, чем взятая в отдельности. Если же мы имеем дело с хорошим, редким экземпляром, один факт наличия его на письме присваивает ему так называемую «кабинетную» ценность. Это, разумеется, не могли ускользнуть от внимания фальсификаторов. Они обыкновенно наклеивают марки на старые письма, подделывая недостающую часть штемпеля гашения или этот штемпель целиком,

если марка была чистой. Гашение экспертируется только что указанным образом. Кроме того, не мешает проверять, совпадает ли дата штемпеля со временем выпуска данной марки, учитывая и время выпуска разновидностей, если эти марки были выпущены разными тиражами, а также время применения данного штемпеля, если он с датой. Полезно проконтролировать и место отправки письма, так как не все марки и не все их разновидности распределяются равномерно между почтовыми учреждениями одной страны.

Таковы в общих чертах применяемые в наши дни методы экспертизы марок. Нами сознательно опущена детализация химических анализов, производящихся по своему усмотрению профессиональными экспертами. В руках дилетанта химические методы экспертизы часто вместо пользы могут причинить один вред. Цель нашей статьи - научить рядовых коллекционеров разбираться в имеющемся у них марочном материале, элементарно их ознакомить с тайнами филателистической экспертизы и по возможности заинтересовать этой отраслью филателии, не менее занимательной и увлекательной, чем само собирание марок.

Н.И.Носилов

1931 год
№ 4 за апрель
страница 101 - 107

Почтовая гоньба в России

Авторизированный перевод с немецкого Н.И.Носилова

Начало почтовой гоньбы относится к великокняжескому периоду русской истории. Старейшим документом, в котором упоминается о почтовой «гоньбе», является приказ 1294 года об облегчении возможности передвижения княжеских гонцов. В это время сношении через гонцов поддерживались лишь удельными князьями или для переписки между собой, или для сообщения боярам приказаний по делам управления.

Небольшое в начале число путей народной связи во времена татарского ига было значительно расширено. Татары везде старались в подвластных им странах создать такую организацию сообщения, чтобы иметь возможность рассылать во все их углы своих сборщиков податей, чем в сущности все их культуронасаждение и ограничивалось. Из татарского языка поэтому заимствовали и слово «яма», которое означает «место остановки», где можно было произвести необходимый обмен лошадями, а также найти нужных для продолжения пути людей, ночлег и стол. Это слово затем вполне укрепилось в русском языке, и оно послужило корнем для следующих словообразований: «ямщик» - почтовый кучер, «ямская гоньба», т. е. почта, «ямская дорога» - почтовый тракт и др.

Расходы по содержанию этих «ям» или почтовых станций ложились на окружное население, но лошади и содержание предоставлялись в «ямах» только предьявителям соответственной выданной властями подорожной. Эта ложившаяся на население повинность всегда воспринималась им, как очень тяжелое ярмо, и оно всегда старалось заручиться избавлявшими от него привилегиями. Вследствие не прекращавшихся жалоб на это непосильное бремя, попытались облегчить его тем, что установили особый налог на содержание почты, взимаемый равномерно со всего населения. Этот налог назывался «ямские деньги» и в начале XVII века приносил казне ежегодно около 50 тысяч рублей дохода.

Необходимые для почтовой «гоньбы» служилые люди в лице ямщиков и конюхов набирались по вольному найму. Эти вольные, но все же надолго обязанные почте люди селились вдоль почтовой дороги на расстоянии в 30 - 100 км друг от друга, главным образом на окраинах городов, для того, чтобы одновременно был обеспечен и выгон для лошадей. Эти поселки около городов или на больших расстояниях и между последними получали такие заманчивые привилегии, что приток к ним добровольцев был не малый. Поселки назывались «слободами», и они были обыкновенно разделены на группы, именовавшиеся «выти», из которых каждая состояла из 4 - 6 семей или дворов. Для приема в ямскую слободу был установлен ряд условий. Во-первых, все жители ее были связаны круговой порукой, а во-вторых, всякий поступающий на почтовую службу должен был на собственный счет поставить трех лошадей со всем снаряжением, а также телегу и сани, а если почта в данной местности шла водным путем, то и лодку. Кроме того на обязанности этих людей лежало содержание в исправности проезжих дорог и мостов. За это они получали от местного населения денежные средства на приобретение хлеба, седел, телег, саней, лошадей и весельных лодок, а от правительства - «белую», то есть свободную от всякого оброка землю и содержание зерном или деньгами размером от 7 до 30 рублей в год, а также полную свободу от податей и повинностей. Кроме этого им было предоставлено право взимать с каждого проезжающего по 3 копейки за каждые 10 верст.

В каждой ямской слободе выбирался населением старший, называвшийся «ямщицким старостой», имевший наблюдение за ямским делом; ему подчинялись все ямщики. Таким образом создавалось закрытое наследственное сословие, связанное всеми своими интересами исключительно с почтовой дорогой. Управление всей почтовой

«гоньбой» в стране было сосредоточено в центральном учреждении, находившемся в Москве и называвшемся «Ямским приказом». О нем впервые упоминается в 1619 году. Первым начальником этого приказа был князь Дмитрий Михайлович Пожарский. Непосредственно подчиненные ему служащие назывались «ямскими дьяками». В других больших городах управление гоньбой было возложено на так называемых «ямских приказчиков», которые обыкновенно назначались из боярской среды. Этими организациями регулировалась вся почтовая гоньба; ими принимались жалобы, разрешались споры и составлялись необходимые подорожные для служащих и других проезжих. Старейшая сохранившаяся подорожная относится к 1470 году; она была выдана одному великокняжескому гонцу. Все русские великие князья, а потом и цари озабочивались дальнейшим развитием и содержанием наличной почтовой гоньбы. Иван III (1462 - 1505) в своем завещании (1504 г.) призывал своих преемников к поддержанию гоньбы в хорошем состоянии. В XVI веке захватчик престола Борис Годунов (1598 - 1605) стяжал не мало заслуг в деле организации в Сибири почтовой гоньбы с нужными для нее станциями.

В конце XVI века почтовая гоньба является уже завершенной правительственной организацией для передвижения гонцов, служащих и других лиц. Ею пользовалось исключительно правительство, рассылавшее должностных лиц с поручениями и приказаниями, со стороны же населения надобность в почтовых сношениях в то время еще еле наблюдалась: Россия в хозяйственном и культурном отношении была очень отсталой страной. В почтовой гоньбе не было никакой планомерности и даже непрерывности, - ею пользовались для передвижения гонцов и пр. только постольку, поскольку в этом была надобность.

До середины XVII столетия письма от частных лиц почтой вообще не принимались.

Лишь с значительным ростом числа проживающих в России иностранцев и вытекавшей отсюда потребностью в сношениях с их родиной этими иностранцами был поднят перед правительством вопрос об организации нормальной почтовой связи. До тех пор эта связь была установлена только между столицей - Москвой и северным торговым центром - Архангельском, городами Смоленском на западе и Нижним Новгородом на востоке и некоторыми другими северными и украинскими городами. Далее существовала еще связь с Западом через Великий Новгород и Псков, - путь, по которому обыкновенно следовали иностранные посольства.

Первая почтовая связь с границей для пересылки писем, в частности с Польшей и Курляндией, была установлена в 1665 году. Организация ее была поручена иностранцу Иогану Сведену. Вследствие развившихся между Россией и Польшей политических взаимоотношений, с этой страной была заключена почтовая конвенция, которая, между прочим, гласила, что в обоих договаривающихся странах с пересылавшихся по почте писем и посылок, исходивших не от государства, а от торговых людей, может взиматься сбор, установленный во всех странах, причем надлежит обращать внимание на то, чтобы торговые письма непременно пересылались по почте и записывались у содержателей почтовых станций.

В царствование Алексея Михайловича уже существовала регулярная почтовая связь между Москвой, через Новгород, с Псковом, Ригой и другими ливонскими городами. Наблюдение за ней было поручено иностранцу Марзелису, которого следует признать первым русским почтмейстером. Он предложил русскому правительству приискать в некоторых иностранных городах, как Рига, Вильна, Гамбург и др., подходящих людей и нанять их для сообщения русским властям всевозможных известий. Эти известия должны были регулярно, один раз в неделю, доставляться по почте в Москву. Скоро этой

заграничной почтой стали пользоваться и для сношения с другими частями Московской Руси. Кроме этой связи для пересылки писем, с Западом, в 1693 году была уже налажена такая же регулярная связь между Москвой и Архангельском.

В 1672 году царю были впервые доставлены донесения по почте, - до тех пор для этого пользовались гонцами. Вслед за этим некоему Андрею Виниусу впервые было Присвоено официальное звание «почтмейстера его царского величества». Ему было предоставлено неограниченное право пользования доходами от организованных им почтовых установлений, а также право заключать по собственному усмотрению почтовое конвенции с соседними странами. Так, например, 24 августа 1685 года им было заключено частное соглашение с литовским генеральным почтмейстером Бизингом. Итак, мы видим, что русское почтовое управление было исключительно в руках иностранцев, которые пользовались и всеми от него доходами и выгодами. Государство же в отношении этих почтовых предпринимателей держало себя как частное лицо. Оно было заинтересовано в существовании и успешной работе почтового предприятия совершенно так же, как впоследствии правительство относилось к организации земской почты.

Во главе почтовых установлений стояли главным образом немцы. Поэтому всюду можно найти следы немецкого влияния на развитие русского почтового дела. Даже все документы и счета составлялись на немецком языке. Эти новые порядки, совершенно чуждые русским государственным установлениям, вызывали к себе, понятно, известное недоверие, и в правящих кругах образовалась против них сильная оппозиция, подозревавшая иностранцев в предании доверенных им интересов и готовая всюду видеть шпионаж. К счастью, в это время у власти находились, такие люди, как, например, Ордын-Нащекин, которые стояли за сношения с границей и им удалось добиться этого, несмотря на непрерывное противодействие оппозиции. Этим объясняется и то, что уже на первых порах организации почты для писем был поднят вопрос о хранении или нарушении тайны переписки, который разрешался в зависимости от тех или других течений в правительственном центре.

Общее развитие почтового дела пошло в России тем же путем, как и в прочих европейских странах, причем правительство начало постепенно признавать в этой области и права за хозяйственным потребностями, поскольку они вызывались интересами народного благосостояния. Однако только Петр I ясно осознал, как важно для государства держать почтовое дело в своих собственных руках, и он тотчас же приступил к организации государственных почтовых установлений. Почтамты и почтовые конторы были прежде всего созданы в обоих столицах, Петербурге и Москве, последующие постепенно в городах Риге, Выборге, Ревеле, Нарве, Архангельске и Вологде. При каждом из этих почтовых установлений содержался почтмейстер и необходимое число почтальонов, которые все были подчинены главному почтдиректору, находившемуся в столице. Ему же была подчинена и функционировавшая до тех пор почтовая гоньба. Это изменение порядков образует переход от старой почтовой гоньбы к почтовым учреждениям в современном смысле слова. Последние были заведены по новым линиям почтовой связи между Москвой и Воронежем с одной стороны и Азовом с другой. Эти два новых почтовых тракта были устроены в военных интересах, другая же также вновь установленная почтовая связь с Сибирью преследовала главным образом торговые цели. Уже вскоре по основании новой столицы Петербурга она была связана со старым Новгородом, уже встарь в свою очередь связанным дорожной почтой с Москвой. Для военных и административных надобностей Петром I была организована наряду со старой дорожной новая параллельная почта. Последняя должна была функционировать со скоростью не менее 10 - 15 верст в час, и всякое промедление наказывалось смертью; лошади должны были меняться на каждой

почтовой станции в то время, как старая почтовая гоньба меняла их только через три-четыре станции. Поэтому почтовые сборы для новой почты были установлены двойные.

Правительственными распоряжениями 1713 и 1714 годов было впервые предоставлено право пользования ямскими лошадьми и частным липам.

В основном Петр I перенес в Россию почтовое устройство, бывшее в то время в Германии. Все почтовые чиновники были немцы, и официальные языком в почтовом деле был немецкий. Поэтому из немецкого же были заимствованы и все почтовые термины, сохранившиеся и до наших дней. В 1716 году в Петербурге, на берегу Невы, был построен первый почтамт или почтовый дом, в котором был устроен ряд помещений и отдельных комнат для остановки приезжающих, так как в то время других постоянных дворов в городе еще не было.

На одном дошедшем до нас рапорте красуется подпись первого почтмейстера петербурго - рижского почтового тракта. «St. Petersburg, den 20 September 1714. Gottlieb Krauss, Postmeister a I Ida». Но первая такая штатная должность была учреждена только в 1724 году.

Преждевременная смерть помешала Петру I провести все намеченные им в области почтового дела реформы, но им было положено основание, на котором оно могло развиваться в соответствии с хозяйственными и культурными требованиями страны. Однако его намерение постепенно заменить здесь чужеземный элемент русским его преемниками осуществлено не было.

Напротив, назначенный Екатериной I почтмейстером барон Остерман, управлявший почтой и в кратковременное Царствование Петра II, даже усилил немецкий элемент. Под его управлением почтовое дело развилось, как доходная статья. Остерман всюду выдвигал на первое место почтовые сношения частных лиц и, между прочим, снизил почтовую таксу втрое. Затем он установил почтовую связь между Петербургом и Архангельском, построил в 1727 году почтамт в Выборге и совершенно исключительным образом заботился о своих подчиненных, защищая их от насилий и обид, в чем особенно нуждались ямщики на почтовых дорогах.

При Анне Иоанновне почта развилась главным образом в Эстляндии и Лифляндии, но вместе с тем почтовые связи были налажены и на отдаленной азиатской границе. Так, были соединены почтовым трактом с Москвой уральские горные промыслы и город Пермь. В 1733 год была установлена связь с Москвой сибирского города Тобольска через города Екатеринбург, Кунгур, Сарапуль и Казань, а спустя два года прошла почтовая дорога между Уфой и Москвой. Почтовые связи налаживались прежде всего там, где либо велись войны, либо были начаты горные работы. В последнем отношении особенно отличился в деле устройства почтовых сообщений управляющий сибирскими рудниками Татищев. С другой стороны в 1739 г. была установлена почтовая связь со многими городами области войска Донского исключительно из военных соображений.

В царствование Елизаветы Петровны вновь участились жалобы ямщиков и почтальонов на насильственные действия и унижительное обращение чиновников и проезжающих, ввиду чего было издано несколько царских указов к их защите. Прочих минусов в работе почты правительство думало избежать, переложив на других ответственность за ее исправность. Так, только что установленная почтовая связь с Малороссией (Украиной) была поручена наблюдению Запорожского войска, таковая же между Ревелем и Гапсалем - прибалтийскому дворянству, - указом от 6 июля 1743 года.

Новые почтовые тракты были проложены между Санчурском и Верхотурьем в 1114 верст и от Москвы до Саратова через Муром в 1751 версту. Немалое влияние на развитие внутренней торговли оказало распоряжение взимать почтовую оплату в размере 1 копейка

за золотник за пересылку частных писем в Оренбург, Астрахань, Сибирь, Киев и Смоленск.

Около середины XVIII в. от Москвы шло почтовых трактов всего на 10 434 версты, не считая шедших из Петербурга в Москву, Архангельск, Выборг и через Нарву, Псков и Великие Луки в Смоленск. По всем этим трактам почта как из Петербурга, так и из Москвы отправлялась регулярно по определенным дням недели. Однако, до тех пор почтовое дело развивалось совершенно беспланово. Распоряжения о строительстве почтовых путей издавались от времени до времени лишь из конкретных и, большей частью, случайных побуждений. Такое положение вещей изменилось только с составлением графом Безбородко продуманного плана, по которому затем и приступили к почтовому строительству.

С воцарением Екатерины II начинается вторая и важнейшая эпоха развития и России почтового дела. Были завершены задуманные Петром I и частично им начатые реформы, и тем создана почтовая организация, продержавшаяся до XIX столетия. Проведение в жизнь этих реформ в 1763 году было поручено графу Чернышovu.

Был окончательно установлен должностной штат почтового управления и значительно изменена самая система дорожной почты. Вместо пожизненно обязанных ямщиков и почтальонов, поневоле образовавших наследственную сословную касту, стали принимать служащих по вольному найму. Все почтовое дело было приведено в однообразную систему. Было прекращено проводившееся прежде различие между почтовыми отправлениями дворянства и купечества и установлена единообразная для всей страны почтовая такса. За пересылку письма весом в 1 лот или 3 золотника на расстоянии каждых 100 верст взималось по 2 копейки, на расстоянии менее 100 верст - 1 копейка. Также единообразно бралась плата и за перевозку проезжающих. С 1778 года за перевозку между обоими столицами взималось по 1 копейке за каждую версту и лошадь, по всем же другим почтовым дорогам по 6 копеек за каждые 10 верст, что составляло двойную против прежней таксы сумму. Однако, вследствие снижения почтовой таксы доходы от почты в короткое время возросли. За 1782 год они составляли 138672 рублей 86 копеек, спустя же два года они достигли 210 945 рублей 65 копеек в год.

С 1783 году почта стала пересылать и денежные отправления как в звонкой монете, так и бумажными ассигнациями, причем за страховку их взимался сбор в размере $\frac{1}{2}$ % с пересылавшейся суммы. Наконец, указом от 13 июля 1795 года почте предписывалось пересылать и ценные письма со взиманием сбора в том же размере, что и за денежные отправления.

Намечавшаяся кодификация всех распоряжений по почтовому ведомству за смертью Екатерины II не была осуществлена, однако была произведена прочная организация всего почтового дела, объединившегося самостоятельными учреждениями «Главным почтовым управлением» и «Главным почтовым департаментом». В начале XIX в. в России было 458 почтовых отделений, в которых состояло на службе около 5000 чиновников; 8 сентября 1802 года эти отделения перешли в ведение министерства внутренних дел.

При Павле I ничего существенного в отношении развития почтового дела не произошло. Наоборот, было остановлено проведение реформ в области дорожной почты, и в 1799 году восстановлен старый порядок организации ямщиков и почтальонов, как пожизненно обязанной и наследственно-связанной сословной касты со всеми ее прежними планами и повинностями. Прочие изменения были незначительны и касались больше внешней стороны дела, включительно до учреждения семи «почтамтов» - в обеих столицах, на Украине, в Вильне, Тамбове, Казани и одного в Сибири. Этим почтамтам были подчинены все прочие почтовые конторы, экспедиции и учреждения полевой почты.

В течении XIX века русское почтовое дело развивалось на этих нормальных основах все больше и больше приблизительно так же, как это происходило и в других европейских странах. В середине века началось железнодорожное строительство, что привело к постепенному запустению многих, раньше весьма оживленных, почтовых трактов. Сохранились лишь тракты, не затронутые железнодорожной сетью. Но и эти пути с учреждением земств или органов самоуправления перешли в ведение последних. Этой мерой правительство избавило себя от заботы об этих почтовых трактах, содержание которых, особенно в отдаленных местах, представляло ему очень много затруднений.

Однако, до рассмотрения работы почтовой связи под ведомством земских учреждений не лишено интереса проследить, как само правительство пыталось разрешить задачу организации этой связи и как оно в поисках наиболее ему подходящего проводило в жизнь самые разнообразные системы.

Как уже говорилось выше, самая ранняя система состояла в том, что обслуживание почтовых дорог составляло пожизненную повинность определенного класса населения, причем эта повинность переходила от отца к сыну. Эти люди пользовались разными привилегиями и льготами в отношении уплаты податей, но от проезжих получали лишь самое незначительное вознаграждение, и вообще условия их жизни были так тяжелы, что всякий, кто мог старался от почтовой повинности избавиться. Веками не прекращались жалобы их на насилие со стороны проезжающих и на невозможность в данных условиях даже мало-мальски сносного существования. В защиту ямщиков и почтальонов издавались один за другим царские указы, вносившие немного нового в их беззащитное положение. Правительство не только беспрестанно повышало таксу дорожной почты, но и разрешало выдачу ей все повышавшихся субсудий. Несмотря на это, ямское сословие не могло удовлетворить возрастающей с каждым днем потребности населения в перевозке. Благонамеренные мероприятия правительства мало в чем меняли незавидное положение этих людей. Такое нетерпимое положение дел чувствительно отзывалось как на скорости, так и на исправности почтовой гоньбы, и от него страдал даже такой важный путь сообщения, как дорога между обоими столицами.

Положение ямского сословия и вся почтовая система, как таковая, явились в 1802 - 1841 годах предметом обсуждений разных комитетов, пришедших к тому выводу, что такое устройство дорожной почты далее терпимо быть не может. Но окончательно это сословие было освобождено от обязательного выполнения своей повинности только в 1857 году.

Тем временем правительством были испытаны и другие системы. В 1770 году в отдельных частях империи попробовали сдавать почтовое обслуживание в подряд на промежуток времени от 3 до 15 лет, причем подрядчикам предоставлялось право взимать за перевозку корреспонденции и проезжих однообразную плату. Но так как у правительства в отношении отдельных частей страны не было никаких предпосылок для определения размера как расхода, так и прихода, эта система явилась удобным источником для злоупотреблений и спекуляций, вследствие чего по представлению Почтового департамента она в 1847 году была повсеместно отменена.

Третий опыт состоял в применении так называемой «свободной системы». При ней правительство ничего не приплачивало, но предоставляло содержателям почты взимать за перевозку корреспонденции, эстафет и проезжих соответственную плату. Эта система применялась в 1788 - 1796 годах в западных губерниях, а также в Петербурге, но в конце XVIII века от нее отказались, так как проведение ее в жизнь сталкивалось со слишком большими затруднениями.

Дальнейшим опытом было введение так называемой «прусской системы». Приход и расход приблизительно устанавливались заранее; на полученные суммы делалась накидка в

12%, и почтовое обслуживание сдавалось частным лицам на 9 ½ лет.

Каждые три года производилась проверка почтовых сборов, изменявшихся в зависимости от стоимости овса и сена. Эта система была принята с 1 июля 1836 года между Ковно и Динабургом и с 1-го января 1840 года между Таурогеном и Шавлями. Из нее скоро выработалась так называемая «окладная система», введенная в 46 губерниях. Она, однако, себя совершенно не оправдала, - следствием ее было то, что с 1853 года расходы почтового ведомства возросли приблизительно на 1 ½ млн. рублей.

Переходной к подведомственности почты земским учреждениям системой следует считать так называвшую «хозяйственную систему». Она представляет видоизменение подрядной системы в том смысле, что содержание и эксплуатация почтового дела поручались не тому, кто на торгах предлагал наивысшую цену, а тому, кто являлся наиболее надежным лицом. При этом, кроме почтовых сборов, все еще поднимался вопрос о субсидиях от казны.

Одновременно с вышеперечисленными системами с 1805 года получила развитие и так называемая «сельская почта», имевшая целью удовлетворение в некоторых местностях настоятельной потребности населения в регулярных почтовых сношениях. Через посредство казанской почтовой конторы некоторыми крупными уральскими металлургическими заводами и частными лицами был поднят вопрос о посылке к ним правительством из ближайшего почтового отделения нарочных для доставки им в запирающихся почтовых мешках входящей почты и забора исходящей. За эту связь просители предлагали вносить плату в размере, зависящем от тяжести почты. Эта просьба была удовлетворена с одновременным указанием на то, что такую связь следует установить и другим почтовым отделениям там, где была налицо такая же потребность и где удовлетворение ее могло принести доход государственной почте. Таким образом, под названием «сельской почты» возникли дополнительные почтовые связи, но большей частью лишь вблизи больших заводов или крупных торговых центров. К 1840 году такие сельские почтовые связи были установлены 897 почтовыми отделениями в числе 159 в этом году они принесли государственной почте 10 397 рублей 87 копеек дохода.

Вообще же заведовавшие почтовыми конторами относились к таким начинаниям весьма сдержанно, так как казной им на это отпускалось недостаточно денежных средств. Только по царскому повелению от 31 марта 1842 года в государственной смете стали предусматриваться необходимые средства на содержание сельской почты. Начиная с 1866 года эти местные почтовые связи стали постепенно переходить в ведение земских учреждений, но работа их в течение долгого времени оказывала влияние на почтовую организацию последних. Ведь даже на некоторых почтовых марках, выпущенных земскими учреждениями, имеется старое название «сельская почта».

Когда, наконец, к жизни были призваны органы местного самоуправления или земские учреждения, правительство пристегнуло к этому условию о том, чтобы они приняли на себя ведение в уезде почтовой гоньбой и бесплатно перевозили правительственных чиновников. С 1866 года почтовые станции в отдельных уездах стали постепенно переходить в ведение земских учреждений с выдачей им на это дело субсидии от казны, размер которой обыкновенно повышался через каждые три года. За перевозку государственной почты по промежуточным трактам правительство выплачивало земствам столько же, сколько и другим держателям почты в стране, но само избавлялось этим от крупной заботы. Эти самоуправления, благодаря своему знакомству с положением дела на местах, могли устанавливать, разумеется, гораздо более урегулированные и доходные почтовые связи, чем центральная власть для всей страны сразу. Таким образом земства обслуживали и государственную почту по трактам, связывавшим правительственные

почтовые установления, за определенную плату со стороны правительства. Но за немногими исключениями этими почтовыми трактами связывались только губернские города, уездных же они касались только тогда, когда последние были расположены непосредственно у соединительной дороги. Население внутри уездов от удобств урегулированных почтовых сношений выгадало немного. Дело наладилось лишь тогда, когда с 1865 году земства понемногу приступили к организации и внутри уездов почтового дела, район обслуживания которого в течении последующих десятилетии был даже шире, чем у государственной почты.

«Die Postmarks»

K.K.Шмидт

1932 год

№ 1 за январь

страница 8 - 11

1932 год

№ 2 за январь

страница 43 - 47

Ко всем сотрудникам журнала «Советский коллекционер»

Являясь единственным печатным органом коллекционерской мысли в СССР, журнал «Советский коллекционер», естественно сосредотачивает у себя материалы большинства авторов, пишущих по вопросам коллекционирования. С другой стороны роль журнала как официального органа Советской филателистической ассоциации и Всероссийского общества филателистов налагает на него повышенную ответственность в отношении идеологического и научного качества этих материалов. Отсюда вытекает необходимость предъявления очень строгих и серьезных требований при оценке весьма обильного и переполненного портфеля редакции. В результате редакции приходится отсеивать довольно много статей, как не удовлетворяющих самым элементарным требованиям в части научной обоснованности или политической выдержанности.

Учитывая все повышающуюся активность авторских кадров журнала и стремясь организационно помочь авторам в деле подготовки материалов к печати, редакция «Советского коллекционера» создала при журнале специальную консультацию по работе с авторами. На обязанности этой консультации лежит всестороннее инструктирование и дача указаний по всем вопросам, связанным с подготовкой и оформлением материалов, намечаемых к опубликованию в журнале.

В связи с этим редакция «СК» просит всех авторов, особенно начинающих - рабочих, учащихся, красноармейцев и проч. обращаться в консультацию при редакции «СК» по всем вопросам, вызывающим сомнения или представляющим трудности при составлении той или иной статьи для печати. Консультация берет на себя обязательство давать скорые и исчерпывающие ответы по всем получаемым запросам. Адрес консультации: Москва. Волхонка. 6. пом. 8. Состав консультации: Я.М.Вельский (председатель), И.Л.Уралов (секретарь), А.М.Чачиков, М.С.Гус, М.И.Ильин, С.Л.Снльванский и П.Б.Зенкевич (члены).

Независимо от этого редакция «СК» считает нужным теперь же сообщить авторам основные правила подготовки материалов к печати.

1. Все статьи для «СК» надо писать кратко, сжато, точно формулируя отдельные мысли и не отклоняясь от основной темы статьи. Необходимость сжатости изложения особенно важна потому, что при незначительном объеме журнала и обилии материала редакция лишена возможности своевременно помещать все поступающие статьи, если даже они вполне пригодны для печати.

2. Отдельные предложения (фразы) должны быть краткими, ясными и понятными. Длинные периоды, иностранные цитаты и слова, всякого рода малопонятные термины и формулировки совершенно не должны допускаться. Вся иностранная часть текста должна переводиться на русский язык.

3. Статьи общественно-политического характера необходимо увязывать с общими задачами СССР, в особенности с вопросами соцстроительства, культурной революции и обороноспособности страны.

4. В статьях научного характера надо давать четкий анализ и описание данной проблемы или объекта с таким расчетом, чтобы даже самый малоподготовленный читатель мог получить ясное представление о том, что освещается в данной статье.

Оформление статей надо производить следующим образом:

5. Рукописи переписываются на машинке или четко от руки (обязательно чернилами, но не красными), на одной стороне листа, через два интервала. На каждом листе должны оставаться достаточно широкие поля, а самые листы должны быть пронумерованы.

6. Инициалы и фамилия (псевдоним) автора помещается на первом листе справа вверху над заголовком.

7. Заголовок статьи помещается посередине листа над текстом. Он должен быть

кратким и вполне отвечающим основному вопросу статьи.

8. Подзаголовки должны иметь одинаковый внешний вид и расположение (посредине страницы, сбоку, над или перед абзацем и т.п). Неумелое распределение подзаголовков затрудняет усвоение плана статьи.

9. Выделения в тексте должны применяться как исключение. Манера многих авторов подчеркивать чуть ли не каждое слово свидетельствует не о важности подчеркнутого, а о неумении автора обращаться с материалом.

10. Сноски и примечания должны быть максимально ограничены, так как они вносят пестроту в набор и удорожают издание.

11. Все меры должны, приводиться в метрическом выражении.

12. Все сокращения должны быть однообразными.

13. Иллюстрационный материал для статей должен прилагаться в отдельных конвертах. Все рисунки должны быть пронумерованы и в случае необходимости сопровождаться кратким описанием. Бледные и неясные фотоснимки иллюстрационным материалом служить не могут.

14. К каждой статье должен быть приложен отдельный листок с обозначением: а) имени, отчества и фамилии (псевдонима) автора. б) точного адреса автора, в) названия статьи, г) количества приложенных иллюстраций, если таковые имеются. д) наименования отдела ВОФ, в котором состоит автор. Без указания этих данных рукописи не рассматриваются.

В заключение редакция СК просит всех авторов по всем вопросам, относящимся к СФА или ВОФ - обращаться непосредственно в эти организации и не требовать от редакции «СК» выполнения поручений, не имеющих прямого отношения к работе журнала.

Если автор желает получить сообщение о судьбе своей рукописи - он должен приложить открытку на ответ. Без этого условия редакция на запросы авторов не отвечает.

Редакционная коллегия

1932 год
№ 1 за январь
страница 28 - 29

Подделки марок

«Die Sammlerfreund» («Die Postmark») сообщает о нескольких новых подделках марок, появившихся на европейском филателистическом рынке. Это прежде всего несколько марок германского Леванта. Ряд поддельных диагональных надпечаток «centimes» 1908 года (Ивер. №№ 52, 53 и 54). Любопытно, что такая надпечатка в 10 сантимов, наложена и на 5-пфенниговую марку Германии, чего с оригиналами, как известно, никогда не было. Подделки легко отличить от оригиналов уже потому, что для них воспользовались германскими марками военного времени, отпечатанными на худшей бумаге. Сама же надпечатка - глянцеви́тая и оттиснута сильнее оригинальной. Есть отличия и в форме отдельных букв. Расстояния между последними у разных номиналов разные. У 5 сантималь, на 5 пфенниговой оно в 1,4 мм, вместо 1.5 - 1.75 мм, как у оригиналов, у 10 сантималь, на 10 пфенниговой оно вполне совпадает с последними - 1.1 мм, у 25 сантималь, на 20 пфенниговой оно в 0.5 мм вместо 0.7 мм. Все эти подделки миланского изделия, как и подделки марок 1905 года с надпечатками турецкой валюты. Печать и бумага их такие же, как у первых подделок. Есть отличия в форме букв. Так, значительно тоньше буква «р» в слове «рага», и орнамент ее ножки мало приподнят вверх. Очень заметно отличие конечной буквы «а» в том же слове, конечная черточка которой у оригинальных надпечаток обращена вверх, а у поддельных - в сторону. Подделки пиастровых надпечаток распознаются и по рисунку цифры, - так например, единицы слишком узкие, отчего начальная черточка кажется длиннее, чем у оригиналов, и, кроме того, глубокая выемка в верхней части цифры. В таком же роде отличия наблюдаются и у прочих цифр. Эти марки - также на бумаге военного времени.

В Милане же изготовили подделки равных марок германской почты в Марокко (Ивер. №№ 28, 29, 32, 41, 42 и 44). Насколько они опасны, видно по тому, что один немецкий эксперт даже признал за оригинал миланскую подделку 1 пез. на 80 пфеннигов. Кроме этой марки, подделаны 1 пез. 25 цент, на 1 марке и 6 пез. 25 цент, на 5 марках. Для всех подделок послужили марки военного времени на плохой бумаге, которые легко отличить от оригиналов по числу перфорационных отверстий. Приводим отличительные признаки надпечаток:

Подделки	Оригиналы
1. 25 перфорационных отверстий.	26 перфорационных отверстий.
2. Слишком узкий вертикальный штрих у буквы «р» в слове «pes».	Штрих шириной в 1 мм.
3. Орнамент у ножки «р» мало направлен вверх.	Орнамент идет наискось вверх.
4. Расстояние между «р» и «с» в слове «pes» - 1/4 мм.	Буква «с» тесно прикасается к «р».
5. Верхний конечный орнамент буквы «s» в «cts» заканчивается жирной точкой.	«s» заканчивается маленькой точкой.
6. Слишком резко влево сделана выемка в ножке буквы «г» в слове «Morocco»	Выемка выступает не так резко.

Несколько подделок старых марок Австрии. Были наготовлены фальсификаты 1 кр. желтой 1850 года, 2 кр. желтой 1858 года, 3 кр. зеленой с крупными (а, возможно, и с мелкими) зубцами 1863 года, 25 кр. 1867 года и 50 кр. 1883 года (Ивер. №№ 1. 11. 28. 38 и 45). Всего существует не более 50 экземпляров всех этих подделок вместе, которые находятся в надежных руках, за исключением двух последних, обнаруженных в Вене. Широкое их распространение было предотвращено своевременным вмешательством властей и уничтожением орудий производства фальсификаторов.

За последнее время на западном рынке стали сравнительно часто попадаться подделки, или вернее, трюкажи редких марок Швеции 1918 года в 55 и 80 эре (Ивер. №№ 101 и 103). Они происходят из Парижа и получены путем удаления надпечаток «27» с марок 1918 - 1919 годов (Ивер. №№ 109 и 111). Надпечатка снята очень искусно: даже под сильным увеличением нельзя найти ее следов, краска марки совершенно не пострадала, и полностью сохранился оригинальный клей. Эти марки продаются по цене, составляющей около 10% каталожной стоимости поддельных марок. Интересно, что они продаются, как подделки - доказательство того, что филателисты попадают не на всякую удочку.

Довольно удачны подделки марок авиопочты Нидерландской Индии 1928 года в 75 цент, на 1 гульд. и 1½ гульд. на 2½ гульд.. (Ивер. №№ 153 и 154). Здесь поддельные надпечатки наложены на оригиналы соответственных марок 1913 -22 годов У 75-цент. цифра номинала меньше, чем у оригинала, а «7» без острого угла, как у последнего. Изображение аэроплана уже на 0,3 мм.

Подделаны надпечатки и на авиомарках Швейцарии 1919-20 годов (Ивер, №№ 170 и 171). Главный отличительный признак - цвет надпечаток, который у оригиналов — карминовый, у подделок же - киноварный. И здесь можно установить разницу в размерах до 0,5 мм. У оригиналов длина - 14, ширина 17.8 мм, у подделок - 13,5 и 17,2 мм. Кроме того, надпечатки исполнены грубее оригинальных.

Для лучшего использования весового товара Италии, уже давно, как известно, подделываются вес колониальные надпечатки. За последнее время появились и подделки 4 марок, выпущенных по случаю триестского филателистического конгресса 1922 года (Ивер. №№ 117 - 129). Шрифт надпечатки менее рельефный и тоньше, чем у оригиналов.

Как большая редкость, предлагаются подделки 7-коп. марок России 1909 года без зубцов. Оттенок и рисунок вышли вполне удачно, но нет мелового слоя, более толстая бумага и не тот клей.

Марки Фиумс представляют одну из излюбленных областей деятельности фальсификаторов. Недавно появились подделки марок в 1 и 5 лир, с надпечаткой и без нее, выпущенных в 1920 году к юбилею д'Аниунцо (Ивер. №№ 105 и 108). Особенно хорошо подделана первая.

Вот ее отличительные признаки:

Подделки	Оригиналы
1. Зубцы 11½	Зубцы 11½
2. Небольшой кружок под левым глазом.	Кружка нет.
3. Средняя из трех черточек под носом пунктирная.	Все три черточки сплошные.
4. Линия затылка пунктирная.	Линия затылка сплошная.
5. Расцветка: коричневатая-черная на желтоватом фоне.	Ярко черная на фоне палевого цвета.

Не безынтересна подделка марки Кубы в 5 цент, 1682 - 84 годов (Ивер № 49), которая, как известно, бывает трех типов. Эта подделка долгое время была неизвестна и ввиду дешевизны оригинала встречалась во многих продажных конвертах с марками. На самом деле она была изготовлена для почты. Когда в свое время она была обнаружена и стали приниматься меры к изъятию соответственной марки из обращения, на почту была представлена бесконечная масса фальсификатов, так что оказалось возвращенными больше марок, чем их на деле было выпущено. Остатки оригиналов и подделок хранились долгое время вместе, пока они все огулом не были проданы и попали на рынок. Подделка приближается к типу III оригиналов и обладает следующими признаками:

Подделки	Оригиналы
1. Зубцы 14½.	Зубцы 14.
2. Бумага сильно пожелтевшая.	Бумага белая, у остатков желтоватая.
3. Очень грубая штриховка фона.	Штриховка тонкая и плотная.
4. Край ушной раковины широкий, белый и угловатый.	Ушная раковина выступает менее явственно.
5. Передняя линия щек заканчивается остро над буквой «е» в слове «de»	Передняя линия с широким концом.
6. Узкий соединительный штрих между «5» и «с».	Соединительный штрих шириной в ½ мм.

Самая дорогая марка из этой серии - в 20 цент. (Ивер, № 51), которая, разумеется, также была подделана, но уже для коллекционеров. Подделка с плохим к зубцам, на очень толстой бумаге и также с грубой штриховкой фона; приближается к оригиналам типа I.

Марки в 5, 10 и 20 цент, как известно, были снабжены пятью разными надпечатками из арабесок (Ивер. №№ 52 - 54). Поддельные надпечатки здесь не редкость, и часто встречаются самые невероятные комбинации. Наилучшие возможности в этом отношении давала марка в 20 цент, - от поддельной надпечатки ее спасала лишь относительно высокая стоимость основной марки. Теперь надпечатки накладываются на вышеописанные подделки.

Судя по печати, из того же источника происходят подделки более ранних марок Кубы. Особенно часто встречается «гашёная» подделка 10 цент. 1877 года (Ивер, № 17), оригинал которой в гашеном виде почти не встречается. Она распознается по невероятно длинной мочке уха и другим грубо исполненным деталям. Встречаются подделки и марок в 12½, 25 и 50 цент, и 1 псз. того же года (Ивер. №№ 18 - 21) как с зубцами, так и без зубцов, в чистом и гашеном виде.

Благодатную почву для подделки надпечаток дают марки американского протектората 1699 года, (Ивер, №№ 117 - 133). Здесь фальсификаторов привлекает высокая их стоимость и низкая - основных марок. Из выпуска 1698 года были подделаны все высшие номиналы причем печатались подделки не только Кубы, но к соответственных марок Филиппинских островов и Порто-Рико. Лучший отличительный признак подделок - тонкая сероватая бумага и матовые цвета; при сравнении же с дешевыми мелкими номиналами подделку сразу выдает плохая штриховка головы и шеи. По сведениям журнала «Die Postmarked» недавно обнаружено массовое производство подделок для

почты марок Норвегии и Польши. Первые изготавливались в Осло, и фальсификаторы уже арестованы. Подделки исполнены довольно хорошо, но они более матовых оттенков чем оригиналы, без водяного знака, на тонкой бумаге и с более крупными зубцами $11\frac{1}{2}$ вместо $14\frac{1}{2} : 13\frac{1}{2}$). Их попало в обращение немного Польскими властями накрыта в Лодзи шайка фальсификаторов печатавших массами 25-грошевые марки юбилейного выпуска 1930 года. Этих подделок уже найдено в целом ряде торговых заведений на сумму в 1 миллион злотых. Они будто бы распространены по всем большим городам Польши, но мастерская фальсификаторов нигде не найдена; отличительные признаки подделок тоже все неизвестны.

1932 год
№ 2 за февраль
страница 50 - 52

Версии сборника оцифрованных статей из журнала «Советский филателист/Советский коллекционер» за 1922 - 1932 годы

01.001 Размещены статьи: 2025.04.13

1. «Наши задачи (вместо декларации)» - сентябрь 1922 года.
2. «Филателия и дети» - октябрь 1922 года.
3. «От редакции. Фальсификаты» - январь 1923 года.
4. «О задачах филателии в СССР» - январь 1923 года.
5. «Коллекционирование и этика» - март 1923 года.
6. «Occupation Azerbaïdjan» - март 1923 года.
7. «Дело марочных фальсификаторов» - май 1924 года.
8. «Фальсификаторы перед судом. Впечатление» - май 1924 года.
9. «Дело марочных фальсификаторов. Окончание» - май 1924 года.
10. «Тифлисская городская почтовая марка» - июль 1924 года.
11. «О старинных японских марках» - ноябрь 1924 года.
12. «Что и как собирать. Платформа Златоустовского кружка юных филателистов» - март 1925 года.
13. «Марки на конвертах» - май 1925 года.
14. «По поводу платформы златоустовцев» - май 1925 года.
15. «Долой патологию!» - май 1925 года.
16. «Новости в подделках» - июль 1925 года.
17. «Одноглавый орел с серпом и молотом» - август 1925 года.
18. «К статье Марки на конвертах» - август 1925 года.
19. «К статье По поводу Златоустовской платформы. Что и как собирать» - август 1925 года.
20. «В защиту Златоустовской платформы» - октябрь 1925 года.
21. «Златоустовская платформа и молодежь» - ноябрь 1925 года.
22. «Чем занимаются в культурной Европе» - март 1926 года.
23. «Марки гашенные и не гашенные» - март 1926 года.
24. «Новые подделки» - февраль 1927 года.
25. «Выставка в Страсбурге» - август 1927 года.
26. «Наука на службе филателии» - январь 1928 года.
27. «Забытая филателистическая уника» - январь 1929 года.
28. «Будущность филателии» - июль 1929 года.
29. «Поставим на ноги» - январь 1930 года.
30. «Марка как произведение искусства» - октябрь 1930 года.
31. «Подделка марок и способы ее экспертизы» - июнь 1930 года.

32. «О новой первой марке России» - ноябрь 1930 года.
33. «Парижская коммуна и коллекционирование» - март 1931 года.
34. «Марки дирижаблестроения» - апрель 1931 года.
35. «Подделка марок и способы её экспертизы. Окончание» - апрель 1931 года.
36. «Почтовая гоньба в России» - январь 1932 года.
37. «Ко всем сотрудникам журнала Советский коллекционер» - январь 1932 года.
38. «Подделки марок» - февраль 1932 года.